

Academia. Архитектура и строительство. №4, 2015, 152 с.

Журнал издается Федеральным государственным бюджетным учреждением
«Российская академия архитектуры и строительных наук» (РААСН);
Федеральным государственным бюджетным учреждением
«Научно-исследовательский институт строительной физики РААСН»;
Федеральным государственным бюджетным учреждением
«Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства
и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации»

Academia. Architecture and Construction. №4, 2015, 152 p.

The journal is published by Federal State Budgetary Institution
‘Russian Academy of Architecture and Construction Sciences’ (RAACS);
Federal State Budgetary Institution ‘Research Institute of Building Physics of RAACS’;
Federal State Budgetary Institution ‘Central Research and Design Institute of Ministry of Construction Industry,
Housing and Utilities of Russian Federation’

Редакционный совет:

академики РААСН А.В.Кузьмин (председатель), Ю.М.Баженов, В.М.Бондаренко, Ю.П.Гнедовский, В.А.Ильичев,
Р.Г.Кананин, Е.И.Кириченко, А.П.Кудрявцев, И.Г.Лежава, А.В.Некрасов, В.И.Ресин, В.И.Теличенко, В.И.Травуш;
члены-корреспонденты РААСН П.А.Акимов, А.М.Белостоцкий, В.Д.Красильников, В.Н.Логвинов, М.В.Шубенков;
иностранцы члены РААСН Т.Бок (Германия), А.С.Городецкий (Украина), А.Д.Ковачев (Болгария),
А.А.Кусаинов (Казахстан), Л.В.Москалевич (Белоруссия), А.В.Перельмутер (Украина), Ю.В.Чантурия (Белоруссия),
В.Щесняк (Польша)

Редакционная коллегия:

главный редактор – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН А.В.Анисимов;
зам. главного редактора – доктор архитектуры, академик РААСН Г.В.Есаулов;
ответственные редакторы – О.М.Дегтярева, Г.И.Рогунова;
члены редколлегии: доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН И.А.Бондаренко;
кандидат технических наук, советник РААСН Т.Б.Кайтуков; доктор технических наук, академик РААСН Н.И.Карпенко;
Н.А.Климова; доктор технических наук, советник РААСН И.Л.Шубин

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе РААСН.

Адрес: 107031, Москва, улица Большая Дмитровка, 24.

Редакторы *О.М.Дегтярева, Г.И.Рогунова, Е.И.Солдаткина, при участии К.Ю.Сотникова*

Компьютерная верстка *Т.А.Негрозовой*

Корректор английского текста *Н.А.Носов*

Подписано в печать 23 декабря 2015 г. Формат 60х90/8.

Отпечатано в типографии ООО ПК «ДСМ». 443070, Самарская область, г. Самара, ул. Верхне-Карьерная, За, оф. 1.

Журнал зарегистрирован в МПТР России. Регистрационный номер ПИ №77–9590 от 10.08.01.

Подписной индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» – 14471.

© РААСН, 2015

Журнал «Academia. Архитектура и строительство» входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по строительству и архитектуре.

Статьи журнала рецензируются.

Рецензенты номера: М.М.Алленов, М.Я.Вильнер, С.М.Герашенко, С.П.Заварихин, Н.А.Коновалова, Ю.Л.Косенкова,
А.В.Костина, С.Г.Короткова, Х.Г.Надырова, И.Л.Чулкова, А.В.Шило, М.В.Шубенков.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале, размещены на сайте РААСН: www.raasn.ru.

Table of Contents

Researches and Theory

- Architecture**
- 5** The Phenomen of Tradition: Architecture and Philosophy. *By I.O.Bembel*
 - 9** «Abroad»: Coverage of Western Experience in Soviet Professional Periodicals during the 1920s–1930s. *By E.V.Konysheva*
 - 16** The Stylistic Features of Russian Empire Architecture of Eclecticism Period. *By T.F.Davidich, L.V.Kachemtseva*
 - 23** The Actual, Retrospective and Unique Motives in the Works of Ivan Zholtovsky 1930-1950's. *By A.D.Barhin*
 - 32** «Unidentified» Objects of Architecture. *By A.V.Anisimov*
 - 43** Italian Renaissance and Russian Early 20th Century Russian Neoclassical Mural Painting (on the example of mural paintings at the Racing Society House and the Grigori Tarasov Mansion). *By A.A.Nikolskij*
 - 53** Neo-Byzantine Motives in Architecture of Spain. *By Yu.R.Savelyev*
 - 69** The Phenomenological Foundation of the Steven Holl's Architecture. *By M.R.Nevlyutov*
 - 77** Reconsideration of Japanese Dwelling Space in the Works of Architects of 1920–40s. *By A.V.Guseva*
 - 86** Formation of the Image of Medical Buildings. *By A.R.Gayduk*
 - 92** The Importance of Architecture for Sustainable Development of Rural Areas. *By S.B.Moiseeva*

- Town-Planning**
- 98** Agglomerations as an Object of Economic Policy, State Control and Territorial Planning. *By L.Ya.Gertsber*
 - 107** Moscow: Urban-Planning Regulations and Development. *By M.V.Nashchokina*
 - 110** The Opportunity of Creating Linear Parks on the Basis of Unused Railway Elements: Analysis of Foreign Experience. *By A.M.Razgulova*
 - 121** The Potential of Cultural Monuments in the Settlement System. *V.I.Lazarev, I.V.Lazareva, G.L.Melnikova*
 - 125** To the Question of the Few Tendencies of the Urban Public Spaces Changes at the End of XX - Beginning of XXI Centuries. *By Ya.V.Chuy*

- Construction Sciences**
- 129** On the Possibility of Temperature Field Control in the Volume of Substance under Electric Field Heat Treatment. *By S.V.Fedosov, N.V.Krasnoselskih, A.N.Kuznetsov, A.M.Sokolov*
 - 133** Avalanche destruction of the compressed bars. *By I.D.Grudev*
 - 137** Using Saponite-Containing Waste as a Component of Dry Construction Mixes for Fine-Grained Concrete With Improved Performance. *M.V.Morozova, A.M.Ayzenshtadt, M.A.Frolova, T.A.Mahova*

- Events**
- 142** Persons Whose Jubilees Were Celebrated
 - 145** New Volumes
 - 147** Critical Reviews

Содержание

исследования и теория

- архитектура **5** Феномен традиции: архитектура и философия. *И.О.Бембель*
- 9** «За рубежом»: освещение западного опыта в советской профессиональной прессе 1920–1930-х годов. *Е.В.Коньшева*
- 16** Особенности эклектики в архитектуре Российской Империи. *Т.Ф.Давидич, Л.В.Качемцева*
- 23** Актуальное, ретроспективное и уникальное в творчестве И.В.Жолтовского 1930-1950-х годов. *А.Д.Бархин*
- 32** «Неопознанные» объекты архитектуры. *А.В.Анисимов*
- 43** Итальянский Ренессанс и монументальная живопись русского неоклассицизма начала XX века (на примере росписей дома Скакового общества и особняка Тарасова в Москве). *А.А.Никольский*
- 53** Неовизантийские мотивы в архитектуре Испании. *Ю.Р.Савельев*
- 69** Феноменологические основания архитектуры Стивена Холла. *М.Р.Невлютов*
- 77** Переосмысление пространства японского жилого дома в работах архитекторов 1920–1940-х годов. *А.В.Гусева*
- 86** Формирование образа зданий медицины. *А.Р.Гайдук*
- 92** Значимость архитектуры для устойчивого развития сельских территорий. *С.Б.Моисеева*
- градостроительство **98** Агломерации как объект экономической политики, государственного регулирования и территориального планирования. *Л.Я.Герцберг*
- 107** Москва: градостроительный регламент и развитие. *М.В.Нащокина*
- 110** Возможность создания линейных парков на основе неиспользуемых элементов железнодорожных путей: анализ зарубежного опыта. *А.М.Разгулова*
- 121** Потенциал памятников культуры в системе расселения. *В.И.Лазарев, И.В.Лазарева, Г.Л.Мельникова*
- 125** К вопросу о некоторых тенденциях изменения общественных пространств городов в конце XX – начале XXI веков. *Я.В.Чуй*
- строительные науки **129** О возможности управления температурным полем в объеме вещества при его термической обработке воздействием электрического поля. *С.В.Федосов, Н.В.Красносельских, А.Н.Кузнецов, А.М.Соколов*
- 133** Лавинное разрушение сжатых стержней. *И.Д.Грудев*
- 137** Использование сапонит-содержащих отходов в качестве компонента сухой строительной смеси для мелкозернистых бетонов с улучшенными эксплуатационными характеристиками. *М.В.Морозова, А.М.Айзенштадт, М.А.Фролова, Т.А.Махова*
- события **142** Юбиляры
- 145** Новые книги
- 147** Рецензии

От главного редактора

Год архитектуры – предложение

Заканчивается «Год Литературы», будет «год Кино», был когда-то «год Театра»... Почему бы не объявить один из следующих годов Годом Архитектуры. Например, 2017 или 2018. Она заслуживает этого. Человек рождается, живет, учится, работает, умирает и навсегда успокаивается в архитектурном окружении, плохом или хорошем, но в архитектуре. Было бы полезно широкой публике и некоторым руководителям напомнить, что архитектура – это тоже искусство и требует к себе особого отношения, как всякое искусство. Было бы полезно напомнить о великих достижениях мировой и отечественной архитектуры. Поразмыслить, в каких случаях зодчество поднималось до высочайших вершин, а в каких условиях и почему падало до плохого и порой безграмотного ремесла. Было бы полезно разъяснить неискушенным потребителям архитектуры о том, что зависит от архитектора, а что – от власти. Было бы полезно рассказать о трудностях нашего современного искусства строить. Было бы полезно показать, как архитектура способна украсить жизнь общества и как она же способна отравить существование человека. Было бы заманчиво... повторить феноменальный успех талантливой выдумки чтения по телевизору «Войны и мира» всем миром, но на нашей архитектурной ниве, с нашей спецификой и нашими возможностями широкого и разнообразного показа материального мира. Тоже «прочитать» драматическую историю мировых достижений градостроительства и архитектуры.

Часто вспоминаются замечательные слова итальянского архитектора:

«Любить архитектуру – это любить свою страну.

Любите архитектуру древнюю, современную. Любите архитектуру за ее фантастические неожиданности и величественные открытия. За ее абстрактные иллюзии и изобразительные формы, которые очаровывают наш дух, захватывают наши мысли, сопровождают нашу жизнь...

Любите ее за ее молчание, в котором содержится ее голос, секрет ее мощной песни.»

(Любите архитектуру. Джио Понти)

Присылайте свои предложения в редакцию журнала «Academia».

Надеюсь, руководители Академии, союзов архитекторов и наших городов поддержат идею реализации «Года Архитектуры».

Предложение об организации Года Архитектуры – это наш подарок нашим читателям. С Новым Годом!

А.В.Анисимов

Феномен традиции: архитектура и философия

И.О.Бембель

Неоисторизм (ретроспективизм, неоклассика) в современной архитектуре – явление неизменно маргинальное. Однако устойчивость его позиций не только подтверждает его право на существование, но и говорит в пользу хан-магомедовского тезиса о первом суперстиле как вечной антитезе «современности».

В сравнении с модернистским мейнстримом этот ручеек сильно обмелел, почти пересох, местами «заболочен», однако он не исчез. И надо полагать, не исчезнет, поскольку в традиционных формах присутствует «ген» вечности как наследство от сакрально ориентированных цивилизаций.

Здесь можно вспомнить слова мудрого фарисея Гамаила, обращенные к коллегам по синедриону в защиту первых христиан: «...Говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5:38–39).

Неистребимая живучесть традиции в архитектуре говорит о несводимости этого явления к вопросу стиля и формы и побуждает искать опору в философии традиции – в такой же степени, как это происходит при анализе архитектуры «современной» (модернистской) [3]. Между тем на данный момент ретроспективные, историзирующие тенденции в архитектуре осмысливаются почти исключительно с формально-стилевых позиций, что порождает множество ложных, спекулятивных и в конечном счете тупиковых противопоставлений «модернизма» и «классики», уводя от существенных проблем архитектуры.

Редким исключением в смысле поиска философского обоснования архитектурной проблематики стали «Очерки по философии архитектурной формы» Г.И. Ревзина. Вслед за румынским философом Мирчей Элиаде Ревзин опирается в своих построениях на фундаментальный антагонизм «Космоса» и «истории». «Космос стабилен, история — подвижна, отсюда две разные модели мира и две разные стратегии культуры» [8. С. 22]. Ревзин считает парадоксом то, что архитектура, будучи по факту частью истории, внеисторична по своему содержанию: «В этом противопоставлении архитектура всей своей поэтикой принадлежит миру Космоса, а не истории» [Там же].

Своеобразным дополнением этого антагонизма у Ревзина служит «доистория», хотя для нас осталось не до конца выясненным, подразумевает ли он под этим термином реальный период пещер, дольменов и менгиров, еще не под-

верженный философской рефлексии, или же абстрактный золотой век, утраченный рай, генетическая память о котором и явилась причиной тяготения к Космосу. Возможно, здесь имеет место противопоставление крупнейшим философом-традиционалистом Рене Геноном (оказавшим влияние на Элиаде) времени качественного, сакрального, в котором существовал мир традиции, и времени количественного, «профанного», в которое все более погружается мир современный [1].

Так или иначе, оппозиция Космоса и истории представляется здесь не чем иным, как глобальной оппозицией абсолютного и относительного, вечного и временного, духовного и материального. В той или иной форме эта базовая оппозиция является ключом принципиального антагонизма между парадигмой традиции и парадигмой «современности».

Из современных философов проблемой традиции последовательно занимается А.Г. Дугин, который опирается главным образом на труды Р. Генона, Ю. Эволя, М. Элиаде, а также отчасти на идеи русских религиозных философов (К.Н. Леонтьева, Г.В. Флоровского, В.Н. Лосского и некоторых других). «В традиционных цивилизациях, где метафизика предопределяла все существование, знание логически стояло в центре общественной жизни, определяло и иерархизировало ее. Будучи предложенным всем человеческим существам, это знание, естественно, подвергалось риску быть искаженным или неправильно понятым, что, в конце концов, привело бы к его утрате. Чтобы этого избежать в мире традиции, существовала особая сфера охраны чистоты знания...» [4]. К этой «охранной сфере» сакрального знания, безусловно, относились и каноны в искусстве, в архитектуре. Храмовая архитектура была главным символом и средоточием сакрального знания – главным, но не единственным. Вся духовная и материальная культура существовала в лоне сакральной традиции, являясь ее многообразным, но отнюдь не произвольным выражением.

Представляется, что если сегодня мы пытаемся осмыслить традицию в ее полноте, то нужно искать опору в трудах философов-традиционалистов – Р. Генона, Ю. Эволя, отчасти М. Хайдеггера, русских религиозных философов, поднимавших проблемы искусства, эстетики – В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, П.А. Флоренского, братьев Трубецких и др., ранее – Б. Паскаля, затем средневековых схоластов, восточных богословов и, наконец, Платона и Аристотеля. Любая форма имеет свой символический смысл.

Модернистский язык также укоренен в философии, но иной – идущей от просветителей, Р. Декарта, Б. Спинозы, И. Ньютона, Г. Галилея и др., вплоть до Демокрита, Эпикура и Лукреция, создавших современную науку как альтернативу религии.

Так, «атомарный» мир Демокрита был антитезой осмысленному Космосу Платона и Аристотеля. Эпикур абсолютизировал земную жизнь, отрицая бессмертие человеческой души. Своим учением о природе он, вслед за Демокритом, близок к позитивистскому естествознанию. Среди их последователей – римский философ Тит Лукреций Кар, а также ученые Нового времени (Пьер Гассенди, рационалисты Просвещения).

Средневековый номинализм И. Росцелина, Д. Скота, У. Оккама, отвергавший существование «идеи» вне вещи, стал по сути первой предтечей материализма.

В эпоху Возрождения начинает иссякать всецелое доминирование религиозной идеи как смыслового двигателя человеческого сознания. Симптоматично, что именно в это время передовые итальянцы впервые обратились к античному – языческому – архитектурному наследию, которое тысячу лет до того спокойно разрушалось на их глазах.

На наш взгляд, петербургский историк архитектуры С.П. Заварихин справедливо начинает отсчет историзма именно с этого времени, а не с середины XIX века, как принято [5]. С этих пор, похоже, и возникает та самая «традиция» в современном понимании, то есть ориентация на ордерную классику как некий универсальный камертон, абсолютную точку отсчета. Идеал переместился с неба на землю, в овеванное романтическим мифом прошлое, хотя сакральная христианская идея еще продолжала питать и оплодотворять новый эстетический эталон.

В Новое время открытия Г. Галилея, Н. Коперника, Р. Декарта, И. Ньютона, идеи Т. Гоббса, Дж. Локка создали современную «механическую» картину мира и задали отчетливый философский вектор, направленный на «рационализацию сакрального». На этом фоне созвучная культу разума ордерная архитектура продолжала доминировать, постепенно мельчая и самовоспроизводясь, вплоть до начала XX века.

Характерен радикальный переворот в восприятии природы учеными Нового времени. Прежде сакральный божественный дар – природа стала восприниматься как бездонный резервуар для растущих материальных потребностей человека. По мысли Ф. Бэкона, задача человека – подчинить ее и заставить работать на себя. Не здесь ли коренятся истоки идеологии потребления, экологического кризиса, а в конечном итоге и «устойчивой» архитектуры как новой («зеленой») формы функционализма?

Заданный Новым временем рационалистический вектор определил собой дальнейшее развитие европейской философии вплоть до позитивизма и материализма XIX века. В конце концов, радикализм новых идей взорвал изнутри пустые декоративные оболочки – все, что осталось от некогда полноводного и осмысленного русла традиции. Об оболоч-

ках и личинах, скрывающих чуждую им сущность, с универсальной глубиной рассуждал в 1922 году П.А. Флоренский в работе «Иконостас» [10]. Его выводы представляются вполне приложимыми и к архитектуре.

В Новейшее время картина усложнилась. Возникнув на волне новых идей как антитрадиция, модернизм в дальнейшем утратил социальный пафос и распался на множество самостоятельных направлений, объединенных, однако, общим признаком – отрицанием традиции.

С возникновением философии постструктурализма, опрокидывающего сам принцип системности, отрицающего саму возможность существования объединяющего центра, связан принципиально новый этап «антитрадиции». Как известно, именно постструктурализм стал философской основой постмодернизма в искусстве.

В XX веке обозначенному магистральному направлению противопоставила себя философия традиционализма в лице Р. Генона, Ю. Эволя, М. Элиаде и др. Ее основатель Рене Генон (1886–1951) первым стал рассматривать Традицию не изнутри, как представитель и продукт той или иной локальной традиционной культуры, а извне, постигая парадигму Традиции в сопоставлении с новой, неведомой прежним векам парадигмой современности [1]. Традиция для Генона – это воспринятые человеком знания о полноте Истины, которые у разных народов с течением времени искажаются, дробятся, размываются и постепенно сходят на нет. Генон впервые поднял вопрос о метаязыке Традиции как фундаментальной оппозиции метаязыку Современности. Суть их непримиримого антагонизма обусловлена принципиально разными ориентирами и, как следствие, – совершенно разной трактовкой мироустройства, в частности таких категорий, как время и пространство. Доминирующей современной модели прогресса и линейного количественного времени традиционализм Генона противопоставил модель вечности, а временной поток обозначил как низший слой бытия, причем находящийся в ускоренно деградирующей фазе. Однородному, механическому, количественно измеряемому пространству современности он противопоставил качественное, этически ориентированное пространство Традиции с ясно обозначенными полюсами. Созданная Геноном модель оказалась универсальной и приложимой практически ко всем проявлениям сегодняшней культуры, поскольку задавала смысловые координаты, помогала понять их генезис, вектор развития и критерии оценки. Генон с поразительной чуткостью уловил тенденции своего времени: написанное 70 с лишним лет назад кажется изложением сегодняшних процессов. Применительно к традиции в архитектуре особенно значимыми кажутся его мысли о современных обесмысленных обломках Традиции (неостили), о пародии на Традицию (постмодернизм), о нарастающей тенденции ко всеобщей унификации (глобализм), о духовности наизнанку (нелинейная архитектура) как следующей стадии после прямого отрицания традиции (авангард-модернизм),

о вытеснении человеческого труда как сакрального творчества машиной (компьютерное проектирование) и т.д.

Особое место в традиционно ориентированной философии принадлежит представителям русского религиозного Ренессанса: В.С. Соловьеву, Н.А. Бердяеву, П.А. Флоренскому, С.Н. Булгакову и др. Все они, кроме Соловьева, были современниками Генона, хотя, в отличие от него, находились в лоне локальной православно-христианской традиции. Тем не менее их эрудиция, широкие экскурсы в другие культуры и тенденции к обобщению чрезвычайно важны в отношении интересующих нас вопросов эстетики и глубоко раскрывают особенности двух враждующих парадигм. В частности, здесь хочется еще раз указать на «Иконостас» Павла Флоренского с его противопоставлением западно-ренессансного (стоящего у истоков формирования парадигмы современности) [10] и восточно-православного искусства (принадлежащего Традиции), а также на «Красоту в природе» (1889) Владимира Соловьева, где выводятся универсальные для Традиции критерии красоты и безобразия [9]. Их универсальность, как представляется, делает их вполне применимыми и к архитектуре. Более того, сегодня сущность этих критериев становится еще более актуальной в вопросе идентификации двух парадигм.

«...Мы должны определить красоту как преображение материи чрез воплощение в ней другого, сверхматериального начала» [10].

«Таким образом, в красоте... необходимо различать общую идеальную сущность и специально-эстетическую форму. Только эта последняя отличает красоту от добра и истины, тогда как идеальная сущность у них одна и та же – достойное бытие или положительное всеединство, простор частного бытия в единстве всеобщего. Этого мы желаем как высшего блага, это мыслим как истину и это же ощущаем как красоту; но для того, чтобы мы могли ощущать идею, нужно, чтобы она была воплощена в материальной действительности. Законченностью этого воплощения и определяется красота как таковая в своем специфическом признаке» [10].

Эта «платоновская» трактовка красоты лежит в основе искусства Традиции.

Что же есть, по Соловьеву, безобразие в природе?

«1) Непомерное развитие материальной животности, 2) возвращение к бесформенности и 3) карикатурное предварение высшей формы». Под эти критерии «могут быть подведены все проявления животного безобразия в его бесчисленных конкретных видоизменениях и оттенках. Но и эти три причины в сущности могут быть сведены к одной, именно к сопротивлению, которое материальная основа жизни на разных ступенях зоогенического процесса оказывает организующей силе идеального космического начала»¹.

¹ В качестве примера абсолютного безобразия в природе с точки зрения первого признака Соловьев приводит глуста, чье тело представляет собой мешок с репродуктивными органами, впитывающий пищу всей своей поверхностью.

В свете этих критериев ортодоксальный функционализм (в том числе и новейший «зеленый», то есть экоустойчивая архитектура), делающий акцент на обеспечении материальных функций человека, кажется не чем иным, как «непомерным развитием материальной животности», и представляет собой некрасивую с точки зрения традиции архитектуру.

Возвращение к бесформенности – это победивший хаос, не подчинившаяся «светлому мировому порядку» стихия, та мертвая материя, которая не преображена животворящим разумным началом. Этот критерий также представляется универсальным и может быть прослежен в архитектуре на примере деконструктивизма, также некрасивого с точки зрения традиции.

Наконец, карикатурность, пародия на красоту и смысл – этот признак можно различить в программных примерах постмодернизма и китча. Первый вовсе не притязает на красоту, поскольку является своего рода шаржем на традицию. Второй пытается имитировать красоту, но делает это с утратой даже внешних признаков меры и вкуса.

В новейших примерах современной архитектуры, претендующих на «духовность», также можно усмотреть пародию на традицию в геноновском смысле, когда субъективное подменяет собой объективное, «психическое принимается за духовное» [1. С. 285].

Аналогичным образом становится понятным, что, например, в парадигме современности все сегодняшние апелляции к традиции лишены содержательного смысла и предстают пустой, безжизненной и оттого раздражающей сторонников «честной» (в функциональном смысле) архитектуры схемой.

Таким образом, за двумя суперстилями в архитектуре отчетливо встают два суперстиля в философии, известные нам со школьной скамьи как идеализм и материализм.

Однако все более сужающаяся специализация как преобладающая тенденция науки приводит к тому, что, углубляясь в частности, она стремительно утрачивает цельный взгляд на вещи. О кризисе современной, в подходе своем по-прежнему позитивистской науки писали многие, в том числе Николай Бердяев и Рене Генон, считавший, что «профанная» наука исследует только низший слой бытия и идет по пути количественного накопления не связанных между собой фактов [1. С. 72].

Очень красиво за сто с лишним лет до Генона сказал об этом выдающийся мыслитель и богослов митрополит Московский Филарет (Дроздов) в слове на освящение университетского храма Св. Татианы в 1837 году: «Не то могильное познание земли, которое по глыбам и слоям сходит в глубину ее, как в могилу, и остатками разрушения хочет истолковать жизнь погребенную и оставшуюся, без надежды воскресить погребенную и сохранить оставшуюся; не то стеклянное познание неба, которое посредством дальнотельных стекол следит пути звезд, не пролагая зрителю пути в небо; но познание земли и неба, вначале добрых зело, потом земли,

проклятой в делах человека, и неба, сделавшегося нечистым (Иов. 15:15), далее, земли, которая с сущими в ней делами сгорит, и неба, которое пройдет; наконец, нового неба и земли новой, в которых правда живет и в которые можем переселиться и мы, если правдой жить будем...» [11. С. 176].

В 1930-е годы феноменолог Э. Гуссерль призывал вернуться на новом уровне к донаучному, синкретическому взгляду на мир. И этот объединяющий способ мышления «должен выбрать свойственную жизни наивную манеру речи и при этом пользоваться ей соразмерно тому, как это требуется для очевидности доказательств» [2. С. 343].

Надо сказать, что философское осмысление других искусств (живописи, музыки, литературы) в этом плане продвинулось значительно дальше архитектуроведения, которое по-прежнему сосредоточено почти исключительно на вопросах формы [7].

Представляется, что подведение философской базы под архитектуроведческий анализ, да и сам архитектурный процесс, позволило бы яснее понять глобальные сдвиги, происходящие в архитектуре. Вспомним, что разбираться в философии призывал архитекторов еще Витрувий...

Литература

1. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 2011.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология, 1936; http://epistemology_of_science.academic.ru.
3. Добрицына И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
4. Дугин А.Г. Пути Абсолюта. М., 1989; http://game.ru/book/philosophy/absolyutnaya_rodina.
5. Заварихин С.П. Архитектура I половины XX века. СПб.: Троицкий мост, 2010.
6. История философии: От философии Древнего Востока до философии XXI века / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. М.: ЛЕНАНД, 2014.
7. Маньковская Н.Б. Эстетика на переломе культурных традиций: сборник статей. М., 2002.
8. Ревзин Г.И. Очерки по философии архитектурной формы. М.: ОГИ, 2002.
9. Соловьев В.С. Красота в природе // <http://www.rodon.org/svs/kvp.htm> (05.11.2015).
10. Священник Павел Флоренский. Иконостас // Собрание сочинений / Под общ. ред. Н.А. Струве. Т. I. Paris: YMCA-PRESS, 1985.
11. Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М., 1994.

Literatura

1. Guenon R. Tsarstvo kolichestva i znamenija vremena. M.: Belovodye, 2011.

2. Husserl E. Krizis evropejskoj nauki i transcendentalnaja fenomenologija, 1936; http://epistemology_of_science.academic.ru/343

3. Dobritsyna I.A. Ot postmodernizma – k nelinejnoj arkhitekture. Arkhitektura v kontekste sovremennoj filosofii i nauki. M.: Progress-Traditsija, 2004.

4. Dugin A.G. Puti Absoluta. M., 1989.

5. Zavarikhin S.P. Arkhitektura I poloviny XX veka. SPb.: Troitskij most, 2010.

6. Istoria filosofii: Ot filosofii Drevnego Vostoka do filosofii XXI veka / Pod red. V.V. Vasiljeva, A.A. Krotova, D.V. Bugaja. M.: LENAND, 2014.

7. Mankovskaya N.B. Estetika na perelome kulturnykh traditsij: sbornik statej. M., 2002.

8. Revzin G.I. Oчерки po filosofii architecturnoj formy. M.: OGI, 2002.

9. Soloviev V.S. Krasota v prirode // <http://www.rodon.org/svs/kvp.htm>.

10. Svyashchennik Pavel Florensky. Iconostas // Sbornie sochinenij / Pod obshch. red. N.A. Struve. T. I. Paris: YMCA-PRESS, 1985.

11. Philareta mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo tvorenija. M., 1994.

The Phenomen of Tradition: Architecture and Philosophy. By I.O. Bembel

The article is an attempt to bring the philosophical basis for the architecture of the first «superstyle» – architecture of tradition. According to the author, for the understanding of global processes in the architecture of modern neoclassical (neoistorizm, retrospectivism) researchers should be based on the philosophy of traditions as much as the researchers «modern» architecture (modernism) – the philosophy of post-structuralism, post-modernism, etc. The main thesis: back of two superstyles in the architecture exist two clearly visible superstyles in the philosophy, that affect the morphogenesis.

Ключевые слова: архитектура, философия, традиция, традиционализм, модернизм, ориентиры.

Key words: architecture, philosophy, tradition, traditionalism, modernism, landmarks.

«За рубежом»: освещение западного опыта в советской профессиональной прессе 1920–1930-х годов

Е.В.Конышева

Тема отражения архитектурных процессов в советской и зарубежной прессе уже затрагивалась в рамках исследований творческих взаимосвязей [12, 27], но временной промежуток был ограничен 1920-ми – началом 1930-х годов – временем максимального расцвета плодотворных интернациональных контактов. Представляется важным не только расширить эти хронологические рамки за счет охвата 1930-х годов, но и затронуть несколько иной ракурс – восприятие зарубежного опыта в самом актуальном для межвоенного СССР вопросе практического градостроения. Пути и методы заимствования западного опыта прошли на протяжении 1920–1930-х годов несколько этапов, а восприятие и оценка этого опыта претерпели эволюцию, получившую отчетливое отражение на страницах советской профессиональной периодики.

Организация изучения зарубежного опыта стала предметно обсуждаться в государственных структурах с 1925 года. Это была целенаправленная государственная политика, обусловленная стартом индустриализации и насущной необходимостью в кратчайшие сроки отладить процесс массового проектирования и строительства. В мае 1925 года по инициативе Госплана СССР была созвана Всесоюзная конференция по вопросам жилищного и промышленного строительства, а через год состоялся Всесоюзный съезд по гражданскому и инженерному строительству [24], где затрагивался вопрос западного опыта и необходимости его «организованного изучения».

С середины 1920-х годов советские профессиональные журналы стали регулярно печатать статьи, заметки, аналитические отчеты о европейском строительстве. Наибольшее количество статей о зарубежном опыте тогда публиковалось в журналах «Коммунальное хозяйство», «Коммунальное дело», «Наше строительство», «Строительная промышленность». В 1925–1930 годах там было опубликовано более 80 статей. Пик таких публикаций пришелся на 1927–1929 годы.

Прежде всего важным представляется вопрос об источниках информации, и можно констатировать, что в 1920-е годы они были самыми многообразными.

Как известно, европейские архитекторы участвовали в советских открытых конкурсах и выполняли заказные проекты (Ле Корбюзье, Б. Таут, П. Беренс, Э. Мендельсон, В. Гропиус, Х. Пёльциг, Я. Берлаге и др.). Многие из них посещали страну с открытыми лекциями и консультациями или просто ознакомительными поездками, публиковали статьи в советской профессиональной прессе (Ле Корбюзье,

Э. Май, Б. Таут, М. Вагнер, А. Люрса и др.). Большую роль играли личные контакты советских и зарубежных архитекторов – как мастеров «старой школы», так и авангардных творцов. Немаловажное значение для творческого обмена имели международные художественные/архитектурные выставки 1920-х годов, прежде всего проводившиеся в СССР Первая всеобщая германская художественная выставка (1924) и Первая выставка современной архитектуры (1927). В последней приняли участие В. Гропиус, А. Люрса, Р. Малле-Стивенс, Х. Майер, М. Таут и др., а материалы об «иностранных отделах» выставки были размещены в шестом номере журнала «Современная архитектура» за 1927 год. ВСНХ РСФСР инициировал специализированную серию «Библиотека по американскому и европейскому строительству», выпускаемую Гостехиздатом в 1929–1930 годах. Десятки наименований зарубежной архитектурно-строительной периодики выписывали государственные, учрежденческие и вузовские библиотеки. В России на протяжении 1920-х и большей части 1930-х годов выписывались, например, такие авторитетные издания, как немецкие «Bauwelt» (1921–1934), «Deutsche Bauzeitung» (1920–1937), «Monatshefte für Baukunst und Städtebau» (1921–1938) и «Der Neubau» (1919–1930), американские «Architecture and Building» (1928–1931), «Architecture: The Professional Architectural Monthly» (1931–1936). Подписка на многие из них (например, на «Moderne: Bauformen. Monatshefte für Architektur und Raumkunst», «Bauwelt», «Deutsche Bauzeitung») велась еще с дореволюционных времен. О востребованности профильных зарубежных периодических изданий в СССР свидетельствует выпуск главными библиотеками страны специальных указателей-каталогов [21, 22]. Однако стоит учесть, что восприятие информации через иностранную периодику было затруднено незнанием языков широкой массой рядовых проектировщиков, архитекторов, строительных инженеров нового, уже советского поколения. В этих условиях русскоязычные публикации становились главным массовым источником для получения информации о западных новациях в градостроительстве, архитектуре, строительной промышленности.

Основной темой таких публикаций во второй половине 1920-х годов были непосредственные впечатления участников зарубежных командировок и экскурсий. В ВСНХ СССР была создана специальная комиссия, где утверждались планы заграничных командировок сотрудников ведомственных трестов и контор, заслушивались отчеты [18]. Только

в 1928–1929 годах было запланировано 140 строительных командировок [7. Л. 25]. Центрами деловых контактов стали торгпредства СССР в европейских столицах, прежде всего в Берлине, где в 1926 году было создано отделение пограничным экскурсиям. Экскурсии для изучения заграничного опыта планировались регулярными: ВСНХ СССР постановил «признать целесообразной предложенную Союзом строителей организацию краткосрочных групповых командировок (экскурсий), проводимых по особому, предварительно установленному общему плану...». Делегации были, как правило, многочисленными, включали представителей десятков строительных контор и ведомств. Так, в Первой заграничной строительной экскурсии 1927 года приняли участие представители 15 организаций [23]; распределение мест на Всегерманскую строительную выставку 1931 года предполагало уже участие 93 человек из 34 трестов [19. Л. 92]. Строительный комитет ВСНХ составил «программу важнейших вопросов промышленного и связанного с ним жилищного строительства, подлежащих выяснению». Перечень вопросов был многообразен: градостроительное планирование; типология, принципы и нормы проектирования жилища; строительные материалы и конструкции, механизация работ и стандартизация в проектировании и строительстве; организация и методы производства работ; стоимость и финансирование строительства; социально-профессиональные аспекты и, лишь в последнюю очередь, «архитектурные течения в Европе» [23. С. 206–212]. Таким образом, акцент был сделан исключительно на практическом градостроении и массовом строительстве, вне дискуссий о языке архитектурных форм.

Командировки и экскурсии были обычно продолжительными, их результаты не только докладывались в профильных учреждениях, но и публиковались. Иначе говоря, спецификой публикаций 1920-х годов о зарубежном опыте была информация «из первых рук», поскольку журналы широко открывали свои страницы «для всех тех, кто бы пожелал поделиться своими знаниями, добытыми путем заграничной поездки» [10]. Так, результатом европейской командировки архитекторов Государственного научно-экспериментального института гражданских, промышленных и инженерных сооружений О.А. Вутке и Г.Я. Вольфензона стала серия статей в журнале «Строительная промышленность» за 1928–1929 годы [4, 5]. Л. Серк, командированный в Германию в 1927 году как глава Комиссии по подготовке строительного устава, сделал развернутый итоговый доклад во Всероссийском обществе гражданских инженеров, также опубликованный в «Строительной промышленности» [20]. «По личным наблюдениям» освещали результаты европейских командировок и экскурсий Д. Лифшиц, В. Бабуров, Н. Волков, Д. Равдин и значительное число других авторов этого журнала в 1927–1928 годах. Информация о международных конгрессах и выставках шла, как правило, от «специальных корреспондентов» – членов советских делегаций. Вероят-

но, исключением были многочисленные статьи специалиста ГУКХ НКВД Л.Я. Выгодского в «Коммунальном хозяйстве» и «Коммунальном деле» на протяжении 1925–1929 годов о современных тенденциях в западном градостроительстве: их широкий страноведческий охват, спектр представленных подходов к разрешению проблем современного города, обращение к проектам и конкурсным предложениям позволяют предположить авторский анализ актуальной зарубежной профессиональной литературы и прессы [6].

Тематические приоритеты предопределялись интересами заказчика. Журнал «Коммунальное дело» был печатным изданием ГУКХ НКВД РСФСР, журнал «Коммунальное хозяйство» – изданием МКХ, то есть тех самых органов, которые сосредоточили в своих руках в 1920-е годы работы по реконструкции российских городов и, в частности, по перепланировке Москвы. Более половины всех статей о зарубежном опыте в 1920-х годах приходилось именно на эти два журнала. Отсюда неудивительно, что наиболее востребованными темами публикаций были новации в градостроительном планировании и жилищном строительстве, на которые приходилось около 2/3 всех публикаций, и примерно 2/3 из них было напечатано именно в «Коммунальном деле» и «Коммунальном хозяйстве».

Что касается содержания публикуемых материалов, то с середины 1920-х годов профессионалов уже в меньшей степени привлекал опыт проектирования поселков и пригородов-садов, являвшийся основным предметом интереса в дореволюционной и послереволюционной России. Основное внимание было сосредоточено на актуальных методах реконструкции существующих городов, планировочных принципах новых поселений и в этом контексте – на проектах децентрализации крупных центров (Берлин, Бреславль, Лондон и др.) посредством строительства городов-спутников. Опыт планирования поселений городского типа с массовой типизированной застройкой, реализованных, например, в рамках программы «Новый Франкфурт» во Франкфурте-на-Майне (Э. Май, М. Стам и др.), Берлине (Б. Таут, М. Вагнер, Ф. Форбат и др.), Дессау (В. Гропиус), был интересен с точки зрения как перепланировки городов, так и поселкового и городского планирования «с чистого листа», актуального для проектов промышленно-селитебных комплексов. Рационализация планировочных решений и использование строчной застройки в крупномасштабных европейских поселках и кварталах конца 1920-х годов были предметом пристального изучения и, несомненно, послужили ориентиром для советской практики конца 1920-х – начала 1930-х годов. В связи с плановым и внеплановым обложением промышленных конгломератов возник интерес к новейшему опыту районной планировки. Активно изучались также принципы планирования и структура городских озелененных и свободных пространств и транспортной системы. Объектом интереса выступало и массовое жилище. В западном опыте привлекали разнообразие в типологии мас-

совой жилой застройки и типизация жилой ячейки. Поиски способов удешевления массового жилищного строительства заставили обратить внимание на «минимальное жилище» (малометражная квартира с полным благоустройством), которое стало наиболее востребованным в жилищном строительстве европейских стран, особенно в Германии, Голландии, Франции и Англии. Самый большой интерес в области городского планирования и жилищного строительства вызывала Веймарская Германия, опыту которой было посвящено большинство публикаций, внимание уделялось также американскому, голландскому, французскому и английскому опыту.

В советской профессиональной прессе публиковались сообщения, обзорные или развернутые, о зарубежных конгрессах и выставках, в частности международных конгрессах по жилищному строительству и благоустройству в Вене (1926), Лейпциге (1927), Мюнхене и Париже (1928), Франкфурте-на-Майне и Риме (1929), равно как и выставках, представляющих жилищное строительство в Штутгарте (1927), Франкфурте-на-Майне (1929), Берлине (1930) и новации в строительном деле (Всегерманская строительная выставка, 1928; строительная выставка в Дрездене, 1926).

Отдельный интерес представляли сведения о новых европейских и американских строительных технологиях и материалах, получившие отражение, прежде всего, на страницах журнала «Строительная промышленность» – органа Всесоюзного бюро промышленности строительных материалов при ВСНХ СССР. Обращалось внимание на высокое качество материалов при их низкой себестоимости, на разработку и внедрение новых строительных материалов, на стандартизацию элементов и их серийное производство, а также на саму организацию процессов производства и строительства. «Современная архитектура» освещала, прежде всего, архитектурные тенденции в Европе и США, характеризовала отдельные объекты, помещала интервью с зарубежными авангардными мастерами и иногда отдавала зарубежной информации значительную долю журнала. Все журналы практиковали публикацию зарубежной библиографии с развернутыми или краткими комментариями.

В 1930 году волна публикаций на зарубежную тематику стала спадать. С началом форсированной индустриализации и урбанизации акцент был перенесен с дистанционного изучения зарубежного опыта на использование его непосредственных носителей в проектировании и строительстве в СССР [13]. Параллельно были резко сокращены планы ведомств по заграничным командировкам и отпускаемые на это валютные средства, введена персональная ответственность руководителей наркоматов за число и подбор командированных, ужесточился отбор претендентов комиссией ЦК ВКП (б) по выездам. На протяжении 1930-х годов к прагматическим соображениям финансовой экономии была добавлена политическая нецелесообразность широкого международного сотрудничества. Разрешения на выезд теперь не только рассматривались комиссией ЦК ВКП (б) по личному

докладу соответствующего наркома с обязательным заключением НКВД СССР, но и должны были утверждаться Политбюро. Политическая лояльность режиму и идеологическая благонадежность стали определяющими при установлении международных контактов.

В 1930–1932 годах еще можно было получать информацию о западных авангардных концепциях градостроительства и архитектуры непосредственно из рук и уст их носителей. Достижения Баухауза были представлены в 1931 году на выставке «Баухауз Дессау. Период руководства Ганнеса Майера. 1928–1930» в Музее нового западного искусства в Москве. В статье А. Мордвинова, размещенной в каталоге и журнале «Советская архитектура», был затронут вопрос полезного для СССР опыта деятельности Баухауза и творческого метода Х. Майера [14]. В октябре 1932 года в Москве прошла Выставка современной германской архитектуры. Экспозиция, состоящая из девяти разделов (здания промышленные, торговые, административные; сооружения транспорта и связи; отели; школы и институты; здания, предназначенные для отдыха, зрелищ и развлечения; поселковое строительство, жилая архитектура), представляла проекты более чем 100 авторов, в числе которых были Б. и М. Тауты, В. Гропиус, П. Беренс, Э. Май, М. Вагнер, Х. Пёльциг, М. ван дер Роэ. Она получила значительный резонанс в профессиональной прессе, где были опубликованы подробные обзоры [1, 25]. В 1932 году Д. Аркин опубликовал книгу «Архитектура современного Запада», где, кроме полномасштабного анализа существующих тенденций и творчества наиболее крупных мастеров, были размещены тексты самих западных архитекторов с изложением их творческих взглядов (Ле Корбюзье, Б. Таут, Э. Май, П. Ауд, Л. Гильберсаймер, Ф.Л. Райт и др.). В 1933 году был издан перевод книги Ле Корбюзье «Планировка города».

После архитектурно-градостроительного поворота, ясно обозначившегося в 1932 году, советскую сторону отнюдь не перестали интересовать зарубежный опыт и международное сотрудничество, и это было частью общих противоречивых процессов в советской культуре в отношении сотрудничества с Западом [9]. Тогда же при Союзе советских архитекторов была создана архитектурная секция ВОКС, перед которой ставились задачи «завоевания буржуазной прессы для пропаганды советской архитектуры; организации выставок; поощрения информации из-за границы путем организации докладов признанных иноархитекторов и получения статей и консультаций; помощи в проведении крупных мероприятий, связанных с иноархитекторами (съезды, конгресс и т.д.); разъяснения для заграницы принципиальных установок и позиций современной советской архитектуры» [16. Л. 126–127]. Эта секция активно действовала вплоть до 1939 года, прежде всего, при организации посещений СССР зарубежными архитекторами. Союз архитекторов вел активную переписку с иностранными архитекторами и организациями и принимал зарубежных гостей, например

экскурсию французских архитекторов, организованную «L'architecture d'Aujourd'hui» (1932), делегацию Лондонского Королевского института британских архитекторов (1936), Международной ассоциации архитекторов (1939). Эти события были отмечены в журналах «Строительство Москвы», «Советская архитектура», «Архитектура СССР» и в «Архитектурной газете». На Первый съезд советских архитекторов в 1937 году были разосланы десятки приглашений зарубежным гостям, в результате в его работе приняли участие 17 человек, симпатизировавших СССР, чьи доклады были опубликованы «Архитектурной газетой». В свою очередь, Союз получал регулярные приглашения к участию в международных мероприятиях и организациях, обсуждению вступления в Международную ассоциацию архитекторов, участия в XIII Международном архитектурном конгрессе (Рим, 1935), III Международном совещании архитекторов (Вена, 1935), IV Международной архитектурной конференции (Париж, 1937), Международном конгрессе по строительству жилищ и городов (Стокгольм, 1939), XV Международном конгрессе архитекторов (Вашингтон, 1939) и т.д. [17]. Однако подобные международные контакты были теперь жестко регламентированы, решения принимались на уровне Политбюро, СНК, НКВД и НКВД с обязательным согласованием персоналий.

Основным источником информации о зарубежной практике в советской профессиональной прессе с 1933 года стала рубрика «За рубежом» в «Архитектуре СССР». Здесь преимущественно давались творческие портреты и анализ отдельных сооружений. Раздел «Творческая трибуна» позволял высказываться и иностранным авангардным архитекторам – Ф.Л. Райту, Х. Майеру, А. Люрса, В. Буржуа, Х. Шмидту, П. Ауду, Р. Малле-Стевену и др., – но только относившимся к СССР с явной симпатией. Рубрика «По страницам иностранных журналов» представляла обзор разнообразных тем – жилая архитектура, общественные сооружения, планировка городов и поселков, материалы и конструкции и т.д. Однако краткие, в несколько строк, обзоры не давали никакой существенной и практически значимой информации. Редкие развернутые тексты были связаны с ситуативным интересом советской архитектуры. Так, интерес к американской архитектуре, прежде всего высотному строительству, был стимулирован результатами конкурса на проект Дворца Советов, и в первом же номере «Архитектуры СССР» за 1934 год напечатали не только большую статью Д. Аркина, но и обзор иностранных журналов, в значительной мере посвященный публикациям о небоскребах. В 1934–1935 годах активизировалась тема реконструкции исторических городов, предопределенная работой над генпланом Москвы. Краткие аннотации статей в иностранных журналах все чаще посвящались перепланировке Лондона, Кёльна, Антверпена, Марселя, Базеля и т.д. В эту же сторону смещаются и публикации в «Архитектуре СССР», «Архитектурной газете» и в разделе «Планировка городов» журнала «Архитектура за рубежом».

Кроме приоритетного интереса к Парижу, Вене и Берлину, особенно волновала практика реконструкции Рима, о чем свидетельствуют многочисленные публикации и издание в 1935 году отдельной книги – «Архитектура послевоенной Италии» Л. Ремпеля. Исключительно европейские столицы (Париж, Лондон, Берлин, Стокгольм) были предметом интереса делегации Моссовета во главе с Н. Булганиным в полуторамесячной заграничной поездке 1936 года. Представленный в итоге многотомный письменный отчет по разным градостроительным аспектам [26] получил лишь краткий отголосок в публикации журнала «Архитектура СССР» [3].

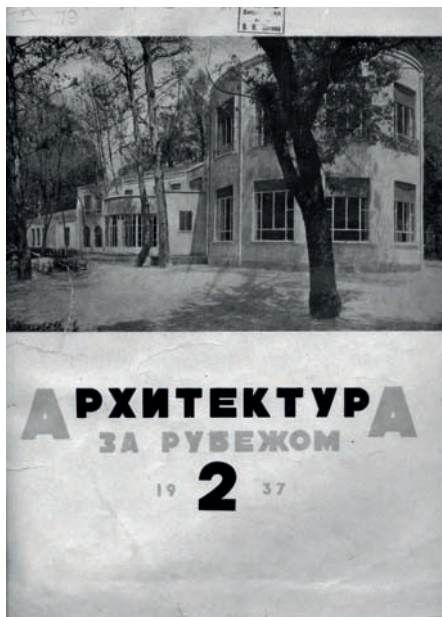
О зарубежных конгрессах, съездах и выставках на страницах «Архитектуры СССР» можно было узнать в основном только из анонсов или перепечаток из зарубежных журналов. Исключением явился лишь XIII Международный конгресс в Риме 1935 года, где с идеологически выверенными докладами выступила представительная советская делегация «мэтров» архитектуры. Редкими были и материалы по результатам заграничных командировок. Фактически отчетными стали публикации вернувшегося в 1935 году из многолетней командировки в США В. Олтаржевского [15]. На протяжении нескольких номеров «Архитектура СССР» печатала архитектурные впечатления группы советских зодчих (А. Власов, Д. Аркин, В. Симбирцев, А. Буров) о европейской поездке зимой 1935–1936 годов. Показателен подбор городов – Баальбек, Виченца, Помпеи, Венеция, Рим, Париж, – совершенно контрастный интересу к современной практике 1920-х годов [11]. Изредка появлялись статьи о современном проектировании и строительстве отдельных типов общественных сооружений – школ, мостов, больниц, аэропортов, – написанные явно на основе материалов зарубежной прессы. Характерен и изменившийся тон публикаций – при всякой возможности акцентировался кризис в сфере проектирования и строительства, классовый характер западного градостроения и архитектуры и т.д.

Попыткой утолить явственно ощущаемый информационный голод стало учреждение в 1934 году Всесоюзной академией архитектуры своеобразного «заповедника» публикаций о зарубежном опыте – журнала «Архитектура за рубежом». В редколлегиях журнала входили доказавшие свою идеологическую преданность иностранцы Х. Майер, А. Урбан, Н. Нессис, в качестве частых авторов выступали немногие остававшиеся к этому времени в СССР лояльные европейские специалисты – Х. Шмидт, М. Шютте-Лихотски, В. Шютте, Ф. Тольцинер, Т. Вайнер, А. Люрса. В рекламной аннотации было указано, что журнал «ставит своей целью подробное ознакомление советских архитекторов и строителей с текущей архитектурной жизнью и наиболее ценными достижениями технической и архитектурно-художественной мысли заграницы». Предполагался охват максимального числа тем: планировка городов, архитектура жилых и общественных зданий, промышленные сооружения и сельскохозяйственная архитектура, озеленение,

материалы и конструкции, информация о международных выставках, конгрессах и конференциях, обзор иностранных архитектурных журналов, хроника событий. Наибольший интерес с точки зрения рассматриваемой проблемы представляют источники информации для публикаций журнала. Редакцией было заявлено, что «Архитектура за рубежом» имеет своих корреспондентов за границей, печатает переводные статьи и рефераты из иностранных журналов, дает обзоры новейшей периодической иностранной архитектурной печати, библиографию, фото и планы важнейших архитектурных сооружений, проекты, чертежи по всем вопросам иностранной архитектурной практики [2]. Однако в реальности из 170 статей, опубликованных на протяжении 1934–1936 годов, более половины были рефератами из иностранных журналов и рецензиями. Иначе говоря, «информация из первых рук» здесь была чрезвычайно скудной, и эта проблема журнала была отмечена сразу. Уже в начале 1935 года М.Я. Гинзбург, в целом поддерживая журнал, считал необходимым «максимальный переход от перепечатки материалов из других журналов к организации непосредственной взаимосвязи с зарубежными корреспондентами-архитекторами» и предполагал гораздо более эффективным не «информирование об архитектуре за рубежом», а «систематическое снабжение читателя конкретным и детальным материалом» [8]. В противовес 1920-м годам, публикации, освещающие практику городского, поселкового и жилищного строительства, занимали примерно пятую часть всех материалов, хотя

актуальность проблемы отнюдь не стала меньше. Львиная же доля была отдана информации о различных типах общественных сооружений.

Примечательной представляется также информация об опубликованных за рубежом книгах, представляемая в «Архитектуре СССР» и «Архитектуре за рубежом». Из десятков книг современной архитектуре Запада были посвящены единицы. Да и эти перечни представляли в значительной мере не руководство к прочтению, а лишь информацию, поскольку резко ужесточились правила ввоза в СССР литературы на иностранных языках (в том числе и иностранной периодики), а в 1935–1936 годах Главлитом осуществлялись чистка фондов иностранной литературы, отправка в спецхран и уничтожение части изданий [9]. Такое ужесточение стало частью активной кампании против западного влияния,

начавшейся в 1935 году и достигшей своего апогея в 1937–1938 годах в непосредственной взаимосвязи с массовыми репрессиями. В 1937 году закончил свое существование и главный «агент» западного влияния в советской архитектурной прессе 1930-х годов – журнал «Архитектура за рубежом».

Таким образом, в середине 1930-х годов формы массового восприятия западного опыта вернулись к практике второй половины 1920-х – дистанционному изучению через публикации, однако с принципиальной разницей. Интенсивность международного сотрудничества была резко снижена, процессы стали жестко регламентированы и централизованы. Непосредственное восприятие и аналитическая информация на основе западных источников фактически сменились перепечаткой и реферированием западных публикаций, прошедших через идеологическое сито. Расходящиеся векторы советской и западной, преимущественно функционалистской, архитектурно-градостроительной практики ставили жесткие рамки в отборе и трактовке информации. Сменился и содержательный вектор – основной интерес был направлен в сторону изучения градостроительной и архитектурной традиции или к практике реконструкции столиц и крупных европейских и заокеанских городов, причем с приоритетом либо прагматичного интереса к реформированию инфраструктуры, либо с точки зрения создания выразительного художественного образа города и отдельных городских ансамблей. На информационную периферию были оттеснены актуальные архитектурно-градостроительные поиски, не соответствовавшие установленным принципам советского градостроения и зодчества. Получение актуальной и практически значимой информации о западном опыте было вытеснено на уровень личных зарубежных связей и доступа к получению и чтению европейских и американских книг и журналов. Массе проектировщиков и архитекторов за пределами столиц оставалось довольствоваться дозированной и идеологически выверенной информацией в советских изданиях. Новый глоток открытой информации из-за рубежа будет получен только на волне краткой союзнической эйфории и приподнявшегося «железного занавеса» в первые послевоенные годы.

Литература

1. Аранович Д. Выставка современной германской архитектуры // Строительство Москвы. 1932. № 10. С. 30–36.
2. «Архитектура за рубежом» // Архитектура СССР. 1934. № 7. С. 72.
3. Булушев А. Строительство и планировка городов Западной Европы (из заграничных впечатлений) // Архитектура СССР. 1936. № 12. С. 61–69.
4. Вольфензон Г. Впечатления о поездке в Германию, Францию, Австрию и Швейцарию // Строительная промышленность. 1928. № 11–12. С. 838–844.

5. Вутке О. Жилищное строительство за границей. Организация строительного процесса в Германии // Строительная промышленность. 1929. № 4. С. 339–343.

6. Выгодский Л. Новости градостроительства и планировки // Коммунальное хозяйство. 1925. № 13. С. 83–97; 1927. № 13/14. С. 73–81; 1927. № 17/18. С. 98–104; 1927. № 21/22. С. 114–124; 1929. № 19/20. С. 126–130.

7. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 10 а. Д. 5.

8. Гинзбург М.Я. «Архитектура за рубежом» // Архитектура СССР. 1935. № 1. С. 78.

9. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015.

10. Заграничная строительная техника и организация // Строительная промышленность. 1926. № 11. С. 788.

11. Заграничные впечатления // Архитектура СССР. 1936. № 5. С. 60–64; № 6. С. 51–58; № 7. С. 68–72; № 8. С. 65–69; № 9. С. 69–74.

12. Коккинаки И.В. Советско-германские архитектурные связи во второй половине 1920-х гг. // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 115–132.

13. Коньшева Е.В. Европейские архитекторы в советских проектных организациях в 1930-е годы: эволюция места, роли, взаимоотношений. Ч 1. Потребности и задачи // Архитектон: известия вузов. 2014. № 3; URL: http://archvuz.ru/2014_3/14/; Ч. 2. Проблемы и противоречия // Архитектон: известия вузов. 2015. № 2; URL: http://archvuz.ru/2015_2/11/.

14. Мордвинов А. Баухауз. К выставке в Москве // Советская архитектура. 1931. № 1/2. С. 8–11.

15. Олтаржевский В. Архитектура США // Архитектура СССР. 1935. № 9. С. 52–57.

16. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7.

17. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 22, 68, 69, 70. Оп. 3. Д. 2, 1279.

18. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 9. Дела по заграничным командировкам. 1925–1930.

19. РГАЭ. Ф. 5741. Оп. 2. Д. 46.

20. Серк Л. Современное строительство Германии // Строительная промышленность. 1928. № 2. С. 106–110.

21. Сводный каталог иностранных периодических изданий в библиотеках Москвы. 1924–1928. М., 1930.

22. Сводный каталог иностранных периодических изданий за 1928–1933 гг., имеющихся в библиотеках Ленинграда. Л., 1936.

23. Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М., 1929.

24. Труды Первого Всесоюзного съезда по гражданскому и инженерному строительству. М., 1928.

25. Феоктистов В.А. Выставка современной германской архитектуры // Проектирование и стандартизация в строительстве. 1932. № 1. С. 17–23.

26. ЦГАМ. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 140–150.

27. Юнганс К. Немецкие архитекторы и Советский Союз (1917–1933) // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 96–114.

Literatura

1. Aranovitch D. Vystavka sovremennoj germanskoj arhitektury // Stroitelstvo Moskv. 1932. № 10. S. 30–36.

2. «Arhitektura za rubezhom» // Arhitektura SSSR. 1934. № 7. S. 72.

3. Bulushev A. Stroitelstvo i planirovka gorodov Zapadnoj Evropy (iz zagranichnyh vpechatlenij) // Arhitektura SSSR. 1936. № 12. S. 61–69.

4. Wolfenzon G. Vpechatlenija o poezdke v Germaniju, Franziju, Avstriju i Shvejzariju // Stroitel'naja promyshlennost. 1928. № 11–12. S. 838–844.

5. Wutke O. Zhilishchnoje stroitelstvo za granicej. Organizacija stroitelnogo processa v Germanii // Stroitel'naja promyshlennost. 1929. № 4. S. 339–343.

6. Vygodskij L. Novosti gradostroitelstva i planironki // Kommunalnoe hosyajstvo. 1925. № 13. S. 83–97; 1927. № 13/14. S. 73–81; 1927. № 17/18. S. 98–104; 1927. № 21/22. S. 114–124; 1929. № 19/20. S. 126–130.

7. GARF. F. 5446. Op. 10a. D. 5.

8. Ginsburg M. «Arhitektura sa rubezhom» // Arhitektura SSSR. 1935. № 1. С. 78.

9. Devid-Fox M. Vitriiny velikogo experimenta. Kulturnaja diplomatija Sovetskogo Sojusa i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody. М., 2015.

10. Zagranichnaja stroitel'naja tehnika i organizacija // Stroitel'naja promyshlennost. 1926. № 11. S. 788.

11. Zagranichnye vpechatlenija // Arhitektura SSSR. 1936. № 5. S. 60–64; № 6. S. 51–58; № 7. S. 68–72; № 8. S. 65–69; № 9. S. 69–74.

12. Kokkinaki I. Sovetsko-germanskije arhitekturnye svjazi vo vtoroj polovine 1920-h godov // Vzaimosvjazi russkogo i sovetskogo iskusstva i nemetskoj hudozhestvennoj kultury. М., 1980. S. 115–132.

13. Konysheva E.V. Evropejskie arhitektory v sovetskijh proektnyh organizacijah v 1930-e gody: evoljucija mesta, roli, vzaimootnoshenij. Ch. 1. Potrebnosti i zadachi // Arhitekton: izvestija vusov. 2014. № 3; URL: http://archvuz.ru/2014_3/14; Ch. 2. Problemy i protivorechija // Arhitekton: izvestija vusov. 2015. № 2; URL: http://archvuz.ru/2015_2/11.

14. Mordvinov A. Bauhaus. K vystavke v Moskve // Sovetskaja arhitektura. 1931. № 1/2. S. 8–11.

15. Oltarzhevskij V. Arhitektura SShA // Arhitektura SSSR. 1935. № 9. S. 52–57.

16. RGALI. F. 674. Op. 1. D. 7.

17. RGALI. F. 674. Op. 2. D. 22, 68, 69, 70; Op. 3. D. 2, 1279.

18. RGAE. F. 3429. Op. 9. Dela po zagranichnym komandirovkam. 1925–1930.

19. RGAE. F. 5741. Op. 2. D. 46.

20. Serk L. Sovremennoe stroitelstvo v Germanii // Stroitel'naja promyshlennost. 1928. № 2. S. 106–110.

21. Svodnyj katalog inostrannyh periodicheskikh izdanij v bibliotekah Moskv. 1924–1928. М., 1930.

22. Svodnyj katalog inostrannyh periodicheskikh izdanij sa 1928–1933 gg., imeyushchihsya v bibliotekah Leningrada. L., 1936.

23. Sovremennoe stroitelstvo Germanii. Pervaja zagranichnaja ekskursija inzhenerov-stroitelej i arhitektorov. М., 1929.

24. Trudy Pervogo Vsesojuznogo sjezda po grazhdanskomu i inzhenernomu stroitelstvu. М., 1928.

25. Feoktistov V.A. Vystavka sovremennoj germanskoj arhitektury // Projektirovanie i standartizacija v stroitelstve. 1932. № 1. S. 17–23.

26. TsGAM. F. P-3. Op. 49. D. 140 – 150.

27. Junghans K. Nemetskie arhitektory i Sovetskij Sojuz (1917–1933) // Vzaimosvjazi russkogo i sovetskogo iskusstva i nemetskoj hudozhestvennoj kultury. М., 1980. S. 96–114.

«Abroad»: Coverage of Western Experience in Soviet Professional Periodicals during the 1920s–1930s.

By E.V. Konysheva

The article deals with evolution of perception and appraisal of western urban planning experience in soviet professional periodicals during the 1920s and 1930s. The author considers two stages of such evolution: (i) mid-1920s – early 1930s and (ii) mid-1930s and the second half of the 1930s. For both stages there is analysis of sources of information and priority topics. The author shows replacement of informative vectors: from architectural and urban planning innovations to study of urban planning traditions or practice of urban reconstruction in a context of creation of expressive artistic image. Besides, the process of study of western experience was accompanied by transfer from self-dependent and detailed analysis of relevant and applied information to simple reviews and brief abstracting of western publications. Evolution of publications was considered in a wider context of changes in perception of western experience.

Ключевые слова: зарубежный архитектурный и градостроительный опыт, пресса, эволюция восприятия.

Key words: foreign architectural and city planning experience, periodicals, evolution of perception.

Особенности эклектики в архитектуре Российской империи

Т.Ф.Давидич, Л.В.Качемцева

Период эклектики и историзма в архитектуре Российской империи охватывает 1830–1910-е годы. Именно тогда сложилась основная масса застройки исторических центров как столичных, так и провинциальных городов, большинство которой во времена СССР было внесено в реестры памятников архитектуры различного масштаба. При этом характерно, что стилистика памятников в них часто даже не упоминается. Очевидно, это напрямую связано с недостатком профессиональных знаний об архитектуре рубежа XIX–XX веков. После Октябрьской революции в поисках новой стилистики конструктивизма на архитектуру «буржуазной эпохи» навесили ярлыки «безвкусного украшательства» или «декадентства», а дальше о ней просто забыли из-за более популярных и актуальных задач современного строительства в СССР. Архитектуре того времени по давно уже сложившейся традиции приписывается отсутствие композиционного единства, целостности, «механическое» соединение разнотильных элементов. Например, в книге «Архитектура русского модерна» противопоставляются эклектика и модерн. При этом архитектура эклектики рассматривается лишь как «переходный этап» на пути от классицизма к модерну. Приведем выдержки из этой книги: «Распад старой эстетической системы привел к потере чувства меры, хаосу, дисгармонии, которые воцарились в архитектуре... Исчезла способность целостного образного видения, распространились безудержный декоративизм, безвкусица, склонность к созданию неорганичных бутафорских форм... Эклектика предусматривает возможность каких угодно вариантов в решении плана и композиции фасада, в ней главное не принцип, а деталь... Архитектура в эклектике ассоциируется с двухмерной плоскостью, а не с объемом... В эклектике декор является единственным средоточием художественных качеств постройки... Присутствует обилие механически повторяющихся элементов, из которого невозможно создать целое... стилистическая пестрота, механические структуры с противоречивым совмещением старого и нового, с разрывом утилитарной и эстетической сторон архитектуры» [7].

Пренебрежительное отношение к эклектике отмечается и сегодня, поскольку нынешнее поколение архитекторов получало образование в 1970-е годы, в период господства модернизма, когда эклектика XIX века в курсе истории архитектуры рассматривалась как явление достаточно случайное и не заслуживающее большого профессионального внимания.

Долгое время бытовал устойчивый штамп негативной трактовки понятия «эклектика» как «бессистемного смешения стилей», «перегруженности внешним декором плоских

фасадов», тогда как первичное значение слова «эклектика» – выбор (от *греч.* ἐκλεκτός – избранный, отборный).

Только в конце 1970-х годов, в период всемирной популярности постмодернизма, и позже, в 1990-е, когда в проектной практике встал вопрос о профессиональной работе с опорой на исторические традиции, снова появились исследования и публикации, связанные с периодом эклектики и историзма – интересным и важным в развитии отечественной архитектуры. Эклектика как архитектурное явление была постепенно реабилитирована усилиями таких исследователей 1970–1990-х годов, как Е.И. Кириченко, Е.А. Борисова, А.В. Иконников, Т.П. Каждан, В.В. Кириллов, М.П. Тубли. В последние годы появился ряд статей, книг и диссертаций на интересующую нас тему [1–14], которые свидетельствуют об изменении отношения архитектурной науки к эклектике XIX – начала XX века.

Однако по-прежнему в современных учебных программах архитектурных вузов периоду эклектики уделяется мало внимания. Отсюда досадные ошибки в практике реконструкции и реставрации при попытках создания неоеклектики в современной ее интерпретации. Актуальность возникших задач реставрации и реконструкции исторической городской застройки требует правильного понимания особенностей ее создания и еще – точной стилиевой идентификации.

Обычно понятие «эклектика» в архитектуре противопоставляется понятию «стиль». Рассуждать об архитектуре в категории стиля начали с середины XVIII века. Первым общность формальных черт в архитектуре конкретных исторических периодов и регионов отметил историк искусства и архитектуры И.-И. Винкельман (1717–1768). На сегодняшний день определений стиля существует множество. Стиль можно понимать как общекультурное явление, «стиль эпохи» и как определенную исторически сложившуюся общность образной системы в архитектуре и искусстве, единство методов и сходство композиционных приемов организации формы, определенную логику взаимоувязывания функциональной организации плана и объемного решения здания, его структуры и декоративных элементов. А эклектика вроде бы подразумевает отсутствие всего этого.

Сейчас уже становится понятно, что эклектика XIX века – это не случайное и не единственное в своем роде явление в истории архитектуры. Прodelанное нами историко-генетическое исследование всего процесса европейского стилиеобразования показало, что различные типы эклектики сопровождали архитектуру на всем пути ее развития с древнейших времен

и были вполне закономерны в кризисные периоды поиска дальнейших путей развития зодчества. Эклектика в Российской империи XIX века не была, как долгое время казалось, неким единым и профессионально не осознанным явлением. Ведь здания, большинство которых теперь признано памятниками архитектуры, создавались не дилетантами, а достаточно высоко образованными архитекторами, признанными мастерами, о которых написаны монографии. Некоторые современные исследователи считают, что эклектизм можно рассматривать как творческий метод в условиях отсутствия устоявшейся системы архитектурных форм, в основе которой лежит выбор разных стилистических прототипов в архитектуре прошлого, допускающий возможность сочетания разнородных стилистических элементов в одном произведении и свободной интерпретации форм одного исторического прототипа [6. С. 7]. Нам представляется, что «стиль» и «эклектика» – это диалектическая пара равноправных понятий, объективно характеризующая естественные историко-культурные процессы стилиеобразования в архитектуре.

Эклектические мотивы появились в архитектуре Российской империи еще с 1740–1770-х годов в русле направлений «шинуазри» (китайщина) и «русская готика» на фоне обще-

европейских проторомантических веяний, оказавших тогда влияние на все сферы творческой деятельности: литературу, живопись, графические архитектурные фантазии периода Французской революции. Классицизм в Европе не был в то время единственным стилем, как в России времен Екатерины II, когда стилистика предписывалась архитекторам как некая неоспоримая норма. Это был «неоклассицизм», фактически являвшийся формой историзма.

Уже в 1810-х годах в Англии появился стиль «пикчуреск» как своеобразная альтернатива рационализму и схематизму распространившегося палладианства. «Ориентализм», или «колониаальный стиль», идущий также из Англии, сыграл свою роль в распространении экзотических направлений эклектики (рис. 1).

После революционных событий эклектичные соединения классицистических и средневековых европейских форм стали быстро распространяться в архитектуре Европы и продолжались в русле «романтического классицизма» 1820–1830-х годов как в ряде европейских стран, так и в России. Становлению метода «прототипического проектирования» начала XIX века способствовало издание в 1802–1809 годах альбомов архитектурных форм преподавателя парижской Школы изящных искусств Ж.-Н.-Л. Дюрана (1760 – 1834). В этих альбомах показывались отдельные элементы, а также их вертикальные и горизонтальные комбинации, публиковались фасады зданий в стилях разных эпох, что значительно расширило исторические познания архитекторов и арсенал их художественно-выразительных средств. Романтизм в Германии (1815–1840-е годы) опирался на комплекс философских и художественных идей своего времени и за выразительными средствами обращался к архитектурному наследию греко-римской Античности и европейского Средневековья (рис. 2, 3).

Романтические тенденции в русской архитектуре, как и в европейской, проявились также в период апогея классицизма, время господства которого пришлось на конец XVIII – начало XIX века. Русский классицизм во многом базировался на обязательном использовании «образцовых проектов», со-

Рис. 1. Королевский павильон в Брайтоне. Реконструкция архитектора Дж. Нэша, 1815–1820

Рис. 2. Пропилеи в Мюнхене. Архитектор Лео фон Кленце, 1842–1863

Рис. 3. Вердерская церковь в Берлине. Архитектор К.-Ф. Шинкель, 1825–1828

здававшихся в Санкт-Петербурге на основе типизированных симметричных композиционных схем, внедренных во время правления Екатерины II. Особенно «образцовые проекты» были характерны для провинции. Повсеместное их распространение постепенно привело к единообразию застройки большинства крупных и средних городов Российской империи. Однако в конце правления Екатерины II стали появляться готические, египетские и неobarочные формы (архитекторы В.И. Баженов и М.Ф. Казаков, Ч. Камерон). Со вступлением на престол Павла I стилизаторство в готическом духе получило новый толчок к развитию. При Александре I псевдоготика ярко проявилась в архитектуре дворянских усадеб.

С середины 1820-х годов еще более усиливается интерес к архитектурным формам из «архивов» прошлого – европейского и восточного Средневековья, русского народного зодчества. К 1830-м годам архитектурный романтизм получил полное развитие. Таким образом, время апогея классицизма являлось и временем впервые определенно заявивших о себе романтических веяний. Благодаря немецким корням правящих особ интерес к средневековой европейской архитектуре закрепился и продолжался вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Так же, как и в Европе, уже с начала XIX века в культуре России становится популярной романтическая идея возрождения национального духа. Но в России поиски национальной идеи в сфере искусств проходили с особым напряжением в русле общекультурного движения славянофилов. Русская тема в архитектуре впервые появилась благодаря царственным заказчикам в творчестве классицистов К.И. Росси (проект и реализация декоративной «деревни Глазово» под Павловском, 1815 год) и О. Монферрана (кафе и ресторан «Русская изба» в Екатерингофе, «русский домик» в Александровской русской колонии близ Потсдама, 1820-е годы). В 1820–1830-х годах были попытки создания «нового русского стиля» (в деревянном варианте) в творчестве А.П. Брюллова, Н.Л. Бенуа, А.И. Штакеншнейдера, А.М. Горностаева, Н.В. Никитина. В.А. Гартман, И.П. Ропет (Петров), А.Л. Гун продолжили это направление в 1840–1870-е годы. В кирпичном варианте «русский стиль» появился в 1870–1890-х годах (А.И. Резанов, В.А. Гартман, Н.П. Босин, В.О. Шервуд, Д.Н. Чичагов, А.Н. Померанцев и др.). Особая роль в развитии этого стиля принадлежит выпускникам Московского дворцового архитектурного училища, созданного в 1801 году, еще в период господства классицизма как Архитектурное училище при Экспедиции кремлевского строения, не имевшее официального названия. Располагалось оно в Теремном дворце Кремля. Его учащиеся постоянно привлекались к работам, связанным как с ремонтом и реконструкцией древних строений, так и с возведением новых. Это обеспечило постепенное формирование в Москве достаточно большой группы архитекторов, освоивших национальную архитектурную стилистику России допетровского периода и умевших применять ее в своей практической деятельности [7]. В архитектурных учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга начала развиваться и историко-архитектурная наука, занимавшаяся изучением национального архи-

тектурного наследия и вопросами его охраны и реставрации. Основоположником этого направления был второй директор Московского дворцового архитектурного училища Ф.Ф. Рихтер. В 1850 году в шести выпусках вышла его книга «Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах и разрезах замечательнейшими деталями каменной высечки и живописи», ставшая богатым источником прототипов для архитекторов, работавших в «русском стиле». Сам Рихтер активно занимался реставрацией архитектурных памятников (палат бояр Романовых в Москве, Боровицкой башни Московского Кремля, Ипатьевского монастыря в Костроме, стен Псковского кремля и др.).

С 1830-х годов (время правления Николая I) началась эпоха «первого неоклассицизма», связанная с послепожарной реконструкцией Москвы, параллельно шло официальное внедрение «русского» и «русско-византийского» стилей в церковную архитектуру. В среде ведущих архитекторов Санкт-Петербурга и Москвы в то время произошла смена поколений. Молодые апологеты романтизма стремились изменить устоявшиеся классицистические порядки в архитектурной практике и образовании. Появились идеи реформирования системы обучения архитекторов в соответствии с новыми требованиями. В Московском дворцовом архитектурном училище под руководством академика архитектуры М.Д. Быковского была полностью перестроена программа: студентов обучали мыслить более свободно и индивидуально, работать в разных исторических стилях. Были налажены личные контакты с ведущими архитекторами Европы, библиотека училища пополнилась альбомами проектов и увражами обмеров исторических зданий разных стран и эпох. Кроме того, учащиеся, работая при мастерских своих профессоров – практикующих архитекторов, – постоянно принимали участие в проектировании реальных объектов и строительном надзоре, а также в реставрационных работах, проводившихся в то время в Московском Кремле и его окрестностях [9].

С середины XIX века эклектизм как осознанный творческий метод быстро распространился по всей Европе, а также в России – во многом под влиянием Англии, где он стал основной чертой «викторианского стиля». Архитектурный романтизм сменялся историзмом, в качестве архитектурных прототипов использовались уже не отдельные архитектурные формы, а целостные стилистические системы, взятые из открытой археологами греко-римской Античности, наследия средневековой европейской архитектуры, а также из всех направлений итальянского и европейского Ренессанса. Пробуждавшееся национальное самосознание европейских народов способствовало росту популярности исторически сложившейся национальной стилистики, а навязываемые академическим классицизмом жесткие композиционные схемы и ордерные каноны постепенно теряли свои позиции в архитектурном творчестве.

В России, как и в Европе, неостилистика приобрела широкую популярность. Стилистика стала теснее связываться с функцией: образовательные и общественные учреждения чаще располагались в зданиях классицистической или

ренессансной стилистики, медицинские – в зданиях с романско-готическими элементами, храмы строились преимущественно в русском и русско-византийском стилях, иногда с элементами романского стиля и итальянского Ренессанса. В усадебной архитектуре стали популярными асимметричные «картинные» пейзажные композиции, мотивы романской и готической раннеренессансной архитектуры на основе сохранения базовых классицистических композиционных схем в объемно-пространственных решениях зданий.

На 1840–1890-е годы пришелся расцвет неobarocko и неоренессанса в архитектуре богатых особняков и новых типов общественных зданий.

С 1870-х годов временные промежутки существования различных направлений эклектики значительно укорачиваются. Этому, очевидно, способствовали возрастающие темпы индустриализации и ускоряющееся социальное развитие, выход на арену зажиточного «среднего класса» – купечества и буржуазии, все чаще выступавших в роли заказчиков. Место дворцовых сооружений и дворянских городских особняков постепенно начинают занимать новые типы общественных и жилых зданий – образовательные и благотворительные учреждения, театры, увеселительные «вокзалы», «народные дома», гостиницы, торговые пассажи и лавки, биржи, банки, жилые особняки и многоэтажные доходные дома с крупными магазинами в первом этаже. Многие здания реконструировались, надстраивались, меняя свою функцию. В 1870–1890-х годах внедрение новых инженерных конструкций и технологий строительства повлекло за собой расширение типологии и рационализацию форм.

Историзм в России достиг расцвета в 1870–1890-е годы на фоне промышленной революции и продолжался в период строительного бума 1900–1910-х годов. Для лучшего понимания эти направления были нами выделены и разграничены по времени их существования (рис. 4).

К концу XIX века активные социальные и ментальные сдвиги привели к кризису эклектики, назрела необходимость новых перемен, о чем стала активно писать архитектурная критика. С конца 1890-х годов эклектика и неостили уже начали испытывать влияние популярного в Европе нового стиля – модерна. Прежде всего это проявилось в промежуточной стилистике «протомодерна» начала 1900-х. Но и сам модерн, несмотря на изначально провозглашенный в его доктрине «внестилевой» статус и как бы объявленную войну эклектике, на практике также испытал значительное ее влияние. Модерн в Российской империи, в отличие от Европы, где и была сформирована его идеология, распространялся скорее как явление архитектурной моды, чем осознанный новый стиль, альтернативный эклектике. Симбиоз модерна с эклектикой был неизбежен потому, что архитекторы, учившиеся в московской и петербургской архитектурных школах по программам «работы в стилях» и внимательно изучавшие различные исторические стили в натуре, таким же привычным методом работали и в стиле модерн. В крупных городах возникало множество построек со смешанными элементами неостилистики (историзма) и модерна на основе эклектичного метода. Примером могут служить здания известного харьковского архитектора А.Н. Бекетова – выпускника Санкт-Петербургской академии художеств. Элементы модерна у него «вставляются» в типично классицистические по общей композиционной схеме решения фасадов наряду с другими стилистическими формами (рис. 5).

Декларируемые модерном «органичность» и «свобода» в построении объемно-пространственной структуры зданий, отказ от симметричных решений фасадов достаточно часто не соблюдались в архитектурной практике (рис. 6).

В провинции фасады в стиле модерн иногда выполняли роль декоративной ширмы на примитивном симметрично решенном объеме (рис. 7).

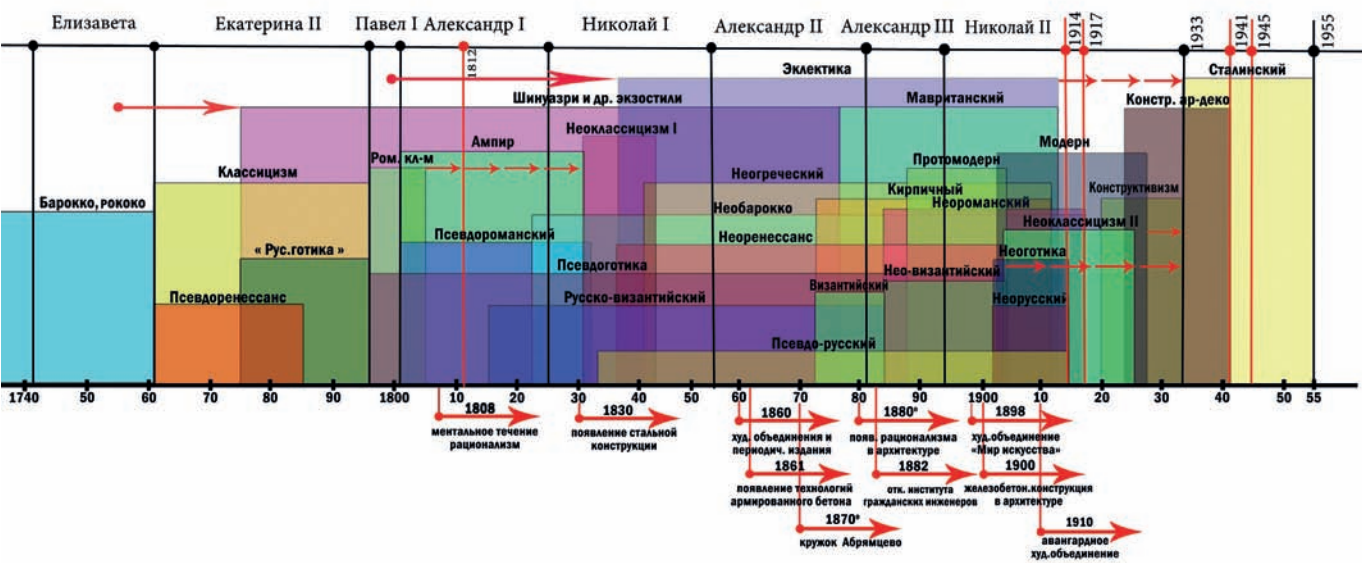

Рис. 4. Схема распространения направлений эклектики в архитектуре Российской империи

В архитектурных решениях многих зданий в стиле модерн зачастую использовался метод «вторичной стилизации» неостилистики барокко, Ренессанса, романики, готики и русского стиля (рис. 8–10).

В 1905–1910-е годы альтернативой модерну стал внедряемый в архитектуре Санкт-Петербурга неоклассицизм, который послужил основой для появления классицистического направления в русском модерне. Это транслировалось через проекты столичных архитекторов в крупные провинциальные города (рис. 11).

С 1910-х годов и в модерне, и в неоклассицизме проявляются черты рационализма в связи с началом внедрения в архитектуру железобетонного каркаса и крупноразмерного стекла. Это определяет переход стилистики в 1920-х годах от конструктивного модерна к конструктивизму (рис. 12–14).

В провинции подобные примеры встречаются не так часто из-за сохраняющихся традиционных технологий строительства.

Теперь становится очевидным, что полное противопоставление эклектики и модерна, особенно в практике реального строительства, не вполне обоснованно. Между их направлениями обнаруживаются явные пересечения, без учета которых сложная стилевая картина середины XIX – начала XX века будет неполной.

На основе изученных нами данных в развитии русской эклектики можно выделить несколько этапов, которые укладываются в следующие временные отрезки:

- 1740–1830-е годы – появление и развитие эклектики в русле проторомантических веяний рококо и романтического направления раннего и зрелого классицизма;
- 1840–1870-е годы – формирование основных направлений историзма;

Рис. 5. Здание Института микробиологии и иммунологии им. И.И. Мечникова в Харькове. Архитектор А.Н. Бекетов, 1911–1914

Рис. 6. Доходный дом Бочарова на улице Я.Б. Гамарника в Харькове. Архитектор В.И. Беггров, 1910-е годы

Рис. 7. Жилой дом на улице Я.Б. Гамарника в Харькове

Рис. 8. Особняк купца В.О. Гольберга на улице Первой Конной армии в Харькове. Архитектор В.А. Эстрович, 1913

Рис. 9. Здание епархиальной гостиницы на улице Полтавский Шлях в Харькове. Архитектор В.Н. Покровский, 1913

Рис. 10. Здание Купеческого банка и гостиницы «Астория» в Харькове. Архитекторы А.И. Ржепишевский, Н.В. Васильев, 1912–1913. Деталь фасада

- 1870–1890-е годы – дальнейшее развитие разнообразных направлений историзма и эклектики в процессе появления множества новых типов крупных общественных и жилых зданий и новых строительных конструкций, наметивших рационализацию форм во всех стилевых направлениях;

- конец 1880-х–1900-е годы – проявление в архитектуре эклектики черт протомодерна, промежуточная стилистика «эклектичного модерна»;

- 1905–1907 годы – вторая волна неоклассицизма и других неостилей на фоне разных течений стиля модерн, их активное взаимное влияние. В модерне, неоклассицизме и во всех других неостилях достаточно ярко стали проявляться черты рационализма.

В работе современных исследователей архитектуры Российской империи периода эклектики можно выявить несколько достаточно самостоятельных направлений и их временные рамки:

- 1) шинуазри (китайщина), 1740–1770-е годы;
- 2) псевдоренессанс, 1760–1780-е годы;
- 3) «русская готика» на фоне классицизма, 1770–1800-е годы;

- 4) псевдороманский стиль (первые его проявления – в романтическом классицизме), начало XIX века – рубеж XIX–XX веков – начало XX века (две волны);

- 5) русско-византийский стиль, 1815 год, 1830–1850-е годы и до конца XIX века;

- 6) «русский стиль», 1815–1830-е годы, 1850–1870-е годы;

- 7) экзотическая (ориентальная) эклектика, 1820-е годы – рубеж XIX–XX веков;

- 8) псевдоготический стиль, середина 1820-х годов – 1890-е годы;

- 9) первый неоклассицизм, 1830–1840-е годы;

- 10) неогреческий стиль (неогрек), 1830–1910-е годы;

- 11) неоренессанс, 1830–1920-е годы;

- 12) необарокко и «боз-ар», 1830–1910-е годы;

- 13) византийский стиль, 1860–1913 годы;

- 14) неороманский стиль, 1870–1913-е годы;

- 15) «кирпичный» стиль, 1860–1890-е годы и позже;

- 16) протомодерн с элементами русского, романского и готического стилей, 1880 – начало 1900-х годов;

- 17) неоготика, 1890-е годы – начало XX века;

Рис. 11. Доходный дом страхового общества «Россия» в Харькове. Архитектор И.А. Претро, 1915–1917

Рис. 12. Здание мануфактуры Миндовского в Харькове. Архитектор А.И. Ржепишевский, 1910

Рис. 13. Здание Морозовской мануфактуры в Харькове. Архитектор М.Е. Ройтенберг, 1913

Рис. 14. Здание телеграфа в Москве. Архитектор И.И. Рерберг, инженер С.З. Гинзбург, 1925–1927

18) неорусский стиль, 1900–1910-е годы;

19) эклектика как сознательное смешение элементов различных исторических стилей, 1770–1910-е годы;

20) второй неоклассицизм, 1905 – середина 1920-х годов.

До сих пор весь этот сложно сплетенный конгломерат архитектурных направлений остается достаточно мало освещенным в публикациях и исследованиях. Особенно это касается крупных и средних провинциальных городов Российской империи, где архитектурные направления распространялись под влиянием столичных образцов, зачастую накладываясь друг на друга. Это объясняет трудности стилистической идентификации памятников архитектуры и проблемы, связанные с их реставрацией и реконструкцией.

Литература

1. *Артемьева А.А.* Национальный дух столичной архитектуры в вокзалах Дальнего Востока // Academia. Архитектура и строительство. 2007. № 3. С. 26–27.

2. *Бондаренко І.В.* Передумови і тенденції стильового розвитку храмової архітектури Слобожанщини (друга половина XIX – початок XX ст.): дис. канд. архітектури: 18.00.01 / Харківський художньо-промисловий інститут. Харків, 1999.

3. *Бикадзе Н.В.* Социокультурные аспекты неорусского стиля в храмовом зодчестве конца XIX – начала XX века: дис. канд. ист. наук. М., 2000.

4. *Бурдяло А.В.* Необарокко в архитектуре Петербурга (эклектика, модерн, неоклассика). СПб.: Искусство, 2002.

5. *Воронежская М.* Русский стиль в архитектуре // Собственник. 25 января 2007 г.

6. *Горюнов В.С.* Истоки эклектизма и теория архитектуры второй половины XIX века: автореф. дис. канд. архитектуры. Л., 1984.

7. *Гриц А.Е.* Московское дворцовое архитектурное училище и стилистические поиски в русской архитектуре второй трети XIX века: автореф. дис. канд. искусствоведения. М., 2004.

8. *Кириллов В.В.* Архитектура русского модерна. М.: Изд-во МГУ, 1979.

9. *Кириченко Е.И.* Михаил Быковский. М.: Стройиздат, 1988. С. 51–52.

10. *Ревзин Г.И.* Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века // http://archi.ru/press/journalist_present.html?id=3.

11. *Савельев Ю.Р.* «Византийский стиль» в архитектуре России. Вторая половина XIX – начало XX века. СПб.: Лики России, 2005.

12. *Седов В.* Стиль неогрек в Москве // Проект Классика. 2001. № 16.

13. *Ситникова Е.В.* Застройка Томска второй половины XIX – начала XX века, возведенная на средства купечества: автореф. дис. канд. архитектуры. Новосибирск, 2004.

14. *Скibiцька Т.В.* Київський архітектурний модерн (1900–1910-і роки). Львів: Центр Європи, 2011.

15. *Migno C.* Architecture of 19-th Century. Köln: Tashen Verlag GmbH, 1983.

Literatura

1. *Artemieva A.A.* Nacionalnyj duh stolichnoj arhitektury v vokzalah Dalnego Vostoka // Academia. Arhitektura i stroitelstvo. 2007. № 3. S. 26–27.

2. *Bondarenko I.V.* Peredumovi i tendencii stilovogo rozvitku hramovoi arhitekturi Slobozhanshchiny (druga polovina XIX – pochatok XX st.): dis. kand. arhitekturi: 18.00.01 / Harkivs'kij hudozhn'o-promislovij institut. Harkiv, 1999.

3. *Bicadze N.V.* Sociokulturnye aspekty neorusskogo stilja v hramovom zodchestve konca XIX – nachala XX veka: dis. kand. ist. nauk. M., 2000.

4. *Burdjalo A.B.* Neobarokko v arhitekture Peterburga (eklektika, modern, neoklassika). SPb.: Iskusstvo, 2002.

5. *Voronezhskaja M.* Russkij stil v arhitekture // Sobstvennik. 25 janvarja 2007 g.

6. *Gorjunov V.S.* Istoki eklektizma i teorija arhitektury vtoroj poloviny XIX veka: avtoref. dis. kand. arhitektury. L., 1984.

7. *Gric A.E.* Moskovskoe dvorcovoe arhitekturnoe uchilische i stilevyje poiski v russkoj arhitekture vtoroj treti XIX veka: avtoref. dis. kand. iskusstvovedenija. M., 2004.

8. *Kirillov V.V.* Arhitektura russkogo moderna. M.: Izd-vo MGU, 1979.

9. *Kirichenko E.I.* Mihail Bykovskij. M.: Strojizdat, 1988. S. 51–52.

10. *Revzin G.I.* Neoklassicism v russkoj arhitekture nachala XX veka // http://archi.ru/press/journalist_present.html?id=3.

11. *Saveljev Ju.R.* «Vizantijskij stil» v arhitekture Rossii. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka. SPb.: Liki Rossii, 2005.

12. *Sedov V.* Stil neogrek v Moskve // Proekt Klassika. 2001. № 16.

13. *Sitnikova E.V.* Zastrojka Tomska vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka, vozvedennaja na sredstva kupechestva: avtoref. dis. kand. arhitektury. Novosibirsk, 2004.

14. *Skibicka T.V.* Kiivskij arhitekturnij modern (1900–1910-i roki). Lviv: Centr Evropi, 2011.

The Stylistic Features of Russian Empire Architecture of Eclecticism Period.

By T.F. Davidich, L.V. Kachemtseva

In the article the origins and characteristics of the eclectic architecture of the Russian empire XIX – early XX century are revealed, the main directions of its development are outlined and the chronological frames of them are identified. The character of relations between the eclecticism and modern is shown.

Ключевые слова: архитектура, эклектика, модерн, стилистические направления, основные этапы развития.

Key words: architecture, eclecticism, modern, stylistic directions, mane phases of development.

Актуальное, ретроспективное и уникальное в творчестве И.В.Жолтовского 1930-1950-х годов

А.Д.Бархин

Творческая биография Ивана Владиславовича Жолтовского (1867–1959), прославленного зодчего и знатока итальянской архитектуры, неоднократно привлекала внимание исследователей, тем не менее работы мастера до сих пор таят в себе немало архитектурных загадок и парадоксов.

В 1926 году Жолтовский возвращается из трехлетней поездки по Италии накануне распространения мировой моды на ар-деко и смены стилевых тенденций в Европе и США. В СССР же неоклассика (а точнее – неоренессансная стилизация¹) получила поддержку на самом высоком, государственном уровне – Жолтовскому поручают строительство здания Госбанка (1927–1928). Стиль мастера был академичен (и, можно сказать, старомоден по сравнению с новациями 1910-х), но современен, аналогичен неоклассическому стилю США, ориентированному на высоту европейской культуры. Подобные мотивы были и в СССР, только Иофан должен был превзойти башни Нью-Йорка, а Жолтовский – ансамбли Вашингтона. Именно композиционное и пластическое сопоставление с неоклассикой США позволяет оценить особенность манеры Жолтовского.

Советская архитектура 1930–1950-х годов не была представлена единым стилем, и конкурировать Москве с архитектурными столицами Европы и США позволяли оба премированных на конкурсе Дворца Советов направления – ар-деко и неоклассика (историзм). В Нью-Йорке соперничество двух стилей началось еще в 1920-е годы (работы Р.Уалкера и Т.Хастингса, К.Гилберта и Р.Худа), и в 1930-е советские архитекторы использовали те же стилевые приемы, колоннады Галикарнасского мавзолея, ребристые плиты ар-деко. Монументы двух стилей вырастали рядом, и как в Чикаго высотное здание Биржи соседствовало с неоклассическим Муниципалитетом, так и в Москве для очного сопоставления неопалладианское творение Жолтовского было возведено в 1934 году одновременно и рядом с ребристым домом СТО А.Я.Лангмана (рис. 1).

Дом на Моховой стал ключевым памятником в развитии советского неопалладианства, камертоном вкуса и архитектурно-строительного качества. Однако в постройках Жолтовского ощущается не только опора на мощную итальянскую культуру, но и знакомство с опытом США. Грандиозное здание Муниципалитета в Чикаго (1911) поражает своим масштабом, контрастом ордера в шесть этажей и ортогональных оконных проемов или, как в других случаях, импоста в этаж (рис 2, 3). Так мыслил и Жолтовский, таков стиль дома на Моховой, зданий Госбанка и Института горного дела.

Постановление Совета строительства Дворца Советов от 28 февраля 1932 года гласило, что поиски советских зодчих должны были быть «направлены к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной техники»². И потому в контексте победы на конкурсе Дворца Советов ребристого варианта Иофана Жолтовскому было необходимо подчеркивать не палладианские корни своего стиля, а заокеанские³.

После конкурса на Дворец Советов Жолтовский (в сравнении с Л.В.Рудневым или И.А.Голосовым) строит в Москве немного, только дом на Моховой (1933–1934). В отличие от И.А.Фомина он не участвует в конкурсе на здание НКТП (1934), не заметен и в работе над театрами и административными центрами столиц союзных республик. Своей миссией он видел массовую ретрансляцию классической итальянской культу-

Рис. 1. Дом на Моховой. Архитектор И.В.Жолтовский

Рис. 2. Муниципалитет в Чикаго. Архитектор В.Холаберт

ры, вводя моду на Ренессанс, на охристую гамму Тосканы. Однако общепринятой эта эстетика в 1930-е годы не была, как не затронула она стилистики Б.М.Иофана и Л.В.Руднева, И.А.Голосова и И.А.Фомина.

Неоренессансная школа не доминировала ни до революции, ни в 1930–1950-х годах⁴. Так, стиль студентов МАрХИ и аспирантуры Академии архитектуры 1935–1936 годов оказался близок к экспериментам И.А.Голосова. После войны неоренессансный стиль не был принят ни для высоток, ни для метро или павильонов ВСХВ. Лидерство школы Жолтовского ощущается не в силу численности ее творений, но за счет безусловного художественного качества. Московская неоренессансная школа в сравнении с американской неоклассикой была немногочисленна, тем не менее именно Жолтовский и его последователи осуществили в советском и мировом контексте одни из самых ярких образов 1930-х годов.

Примером для московской неоренессансной школы становится американская архитектура 1900–1910-х – застройка Парк-авеню в Нью-Йорке, работы фирмы «Мак-Ким, Мид энд Уайт», которая осуществила десять копий итальянских палаццо, в частности здания Тиффани в Нью-Йорке (1906), воспроизводящего венецианское палаццо Гримани⁵. Архитектура США провоцировала, убеждала заказчика в художественной эффективности его неоклассического выбора. Проектирование и Дворца Советов, и жилых домов повышенной комфортности (с 1932 года), а затем и московских высотных зданий, судя по результатам, сопровождалось демонстрацией заказчику альбома зарубежных аналогов. Новой целью советской архитектуры становится возвращение к дореволюционным и зарубежным стандартам архитектурно-строительного качества, что было гарантировано при сотрудничестве с Жолтовским.

Работы мастера производят впечатление созданных до революции, и так же как мастера модерна обращались к средневековому наследию Русского Севера и Скандинавии, Жолтовский вспоминал мотивы итальянского Ренессанса. Однако Петербург не знал девятиэтажных жилых домов в 100 м длиной. Такое жилье строилось в 1910-е годы только за океаном⁶. И если в 1890-е архитекторы чикагской школы, соблюдая подлинную обильность, пластическую сложность и размер первоисточников, декорировали свои 15–20-этажные здания целиком, то в 1920–1930-е это убеждало (сначала Ф.Сойера, и Э.Рота, а затем Жолтовского) в допустимости экономии средств и усилий, а также в ставке лишь на отдельные узлы и акценты. Все это делало работы Жолтовского (как и неоренессансной школы в целом) вполне современными, художественно актуальными.

С ростом этажности объединение наличником нескольких окон было логичной новацией американкой архитектуры (впервые такое проникнутое неоренессансным духом решение предложил архитектор Р.Робертсон еще в 1894 году)⁷. Прием же чередования окон с наличником и без был подсказан всем опытом архитектуры 1900–1920-х годов, от петербургского модерна и американской неоклассики до итальянской застройки 1920-х⁸. И потому, работая над фасадами жилых домов на Смоленской площади (1940–1948) и на Большой Калужской улице (1948–1950), Жолтовский тонко нюансирует количество декора, не переходя известной ему меры. Однако ритм и рисунок наличников в работах мастера приобрели какое-то новое звучание (рис. 4, 5).

Используя контраст стены-фона богато решенного акцента, а также объединяя наличником два этажа, Жолтовский, однако, делал и собственные шаги к вершине

Рис. 3. Муниципалитет (1911) и Фореман-банк-билдинг (1930) на улице Ла-Саль в Чикаго

Рис. 4. Жилой дом Студио-билдинг в Нью-Йорке. Архитектор Ч.Платт, 1906

Рис. 5. Дом на Пятой авеню в Нью-Йорке. Архитектурная фирма «Мак-Ким, Мид энд Уайт», 1912

искусства. В декоре жилых домов на Смоленской площади и на Калужской улице он вспоминает мотивы Кватроченто (наличники Скуолы ди-Сан-Марко и капеллы Колеони в Бергамо) и тем самым значительно усиливает художественный эффект (рис. 6, 7). Если выстроенные на Парк-авеню в Нью-Йорке жилые дома 1910-х в полтора-два раза выше ренессансных палаццо уже не могли стать их копиями, то постройки Жолтовского были ближе к итальянским прототипам. Грандиозные карнизы и русты флорентийских дворцов можно было использовать в натуральную величину, так как девятиэтажный жилой дом совпал по высоте с трехъярусным итальянским палаццо.

Рис. 6. Скуола-ди-Сан-Марко в Венеции, 1485–1505

Рис. 7. Жилой дом на Калужской улице. Архитектор И.В.Жолтовский, 1949

Рис. 8. Жилой дом Бересфорд в Нью-Йорке. Архитектор Э.Рот, 1929

Рис. 9. Жилой дом Сан-Ремо в Нью-Йорке. Архитектор Э.Рот, 1929

Рис. 10. Метрополитен-лайф-иншуренс-билдинг в Нью-Йорке, 1909

Восприятие жилого дома как некоей целостности, монолита (присущее модерну) соединилось в работах Жолтовского с идеей «реконструкции» ренессансного образа под утилитарные задачи Советского государства. Только вместо излюбленного северным модерном деревенского дома Жолтовский в качестве основы использовал итальянские палаццо. Так, здание Госбанка было «встроено» в палаццо Пикколомини в Пьенце⁹. Открытый мастерами модерна и американской неоклассики, этот метод был универсален, древний образ «проецировался» на требуемую этажность. И если неоклассические небоскребы Э.Рота (или здание нью-йоркского муниципалитета, 1913) были уже далеки от классики (не деталей, но образов), то Жолтов-

ский, вспоминая колокольни Ренессанса, например, при работе над проектом башни Дома Союзов (1954), был методически близок к создателям Метрополитен-Лайф-Иншуренс-билдинг в Нью-Йорке (1909)¹⁰. Рекордное по высоте (213 м), с 1909–1913 года, это здание очевидно приняло форму венецианской кампанилы Сан-Марко¹¹ (рис. 8, 9, 10).

Жолтовский и его последователи делали ставку не на изобретение красоты, но на блестящее ее исполнение, на знание вечных ценностей итальянского искусства¹². В 1930-е годы работа с ними позволяла освободиться, остаться незамеченным, выйти в мир подлинной культуры. Это требование убедительной, художественно точной стилизации сближало мастера с эпохой модерна (и

шире – 1900–1910-х годов). Внимание к обмерам древних сооружений, точность исполнения их в новых постройках – все это, казалось, было общим для мастера и его коллег из США. Однако Жолтовский допускал внутри цитат те изменения и маньеризмы, которыми неоклассики США не мыслили. Как при создании театральной декорации, Жолтовский позволял себе шутить и быть нетривиальным внутри гармонии, вольно соединять, варьировать мотивы и даже удаляться от итальянских образцов¹³.

Подобная игривость, театральность в советском и мировом контексте отличали работы только Жолтовского¹⁴. Он переносит ренессансные образы нарочито мимо «палладиевой» нормы. И в этом великий парадокс самого итальянского искусства. Миниатюрное и грандиозное¹⁵, гипертрофированное и изысканное, гармоничное – все это в Италии спорит в одном художественном пространстве, в рисунке, масштабах и пропорциях скрепленных временем соседних зданий. Это было известно Жолтовскому не по книгам и пересказам, а по многочисленным поездкам¹⁶.

Целью мастера становится не просто палладианство, но аутентичная ренессансная стилизация, использующая, в частности, и итальянские мотивные, пластические отступления от ордерного канона. В этом состояло принципиальное отличие неоклассики Жолтовского от эклектики и нормативной неоклассики 1900–1910-х годов, отечественной и зарубежной. В США в 1900–1930-е годы черты государственного стиля обретает неоклассика особого рода. Анонимный в точности воспроизведения обмеров Ренессанса и Античности, этот стиль был конвенционален – создаваемый на средства просвещенного общества, он должен был быть подлинно античным, а не авторским. Кроме того, нормативность этого стиля (например, у фирмы «Мак-Ким, Мид энд Уайт») была вызвана высокими темпами и громадными объемами проектирования и строительства. Жолтовский же, в отличие от Фомина (или строителей Вашингтона), не стремился к созданию монументальных неоантичных комплексов. Его увлекали два века итальянского Ренессанса, от Брунеллески до Палладио. А ведь и до революции, и в эпоху пролетарской диктатуры 1920–1930-х годов, более сильным соперником

авангарда мог казаться брутальный монументализм Фомина, Руднева и Троцкого, в 1930-е отчетливо несущий в себе черты тоталитарной эстетики. Однако Жолтовский взял за основу своего стиля Кватроченто, рискнул и преуспел, найдя собственную нишу, уникальную и даже одинокую в советском и мировом контексте.

Работы Жолтовского были игривы и индивидуальны. Так в Доме уполномоченного ВЦИК в Сочи (1935) мастер создает острейшее пересечение образов, по-барочному разорванные фронтоны виллы Альдобрандини соседствовали в нем с трехризалитной схемой палладианской виллы Барбаро, неоантичным портиком и пилястрами Кватроченто. И если итальянские архитекторы (в том числе А.Бразини, А.Маццони и др.) в 1930-е годы уже отошли от канонической декоративности, то Жолтовский еще демонстрировал прекрасное владение аутентичным орденом, мощным, как у Ф.Юварры (в туринской базилике Суперга) и изысканным, как в античном храме Августа в Пуле¹⁷. В 1936 году он создает проекты Института литературы и Дома культуры в Нальчике (совместно с Г.П.Гольцом), в 1937-м – проект театра в Таганроге¹⁸. Эти проекты, к сожалению, остались на бумаге. Тем не менее, середина 1930-х годов стала кульминацией творчества мастера. Сопоставление сочинского шедевра Жолтовского с трехризалитным корпусом А.Мелона в Вашингтоне (архитектор А.Браун, 1926) отчетливо демонстрирует манеру мастера. Сложная красота мотивов и пропорций, ассоциативная игра, редкий рисунок деталей – таков архитектурный почерк Жолтовского (рис. 11, 12).

Поворот от абстрактного неопалладианства к вольной стилизации Кватроченто демонстрирует жилой дом НКВД на Смоленской площади (1940–1948) (рис. 13, 14). Начатый еще до войны, он был полон загадочно нетривиальных решений – это прерывающийся карниз (впервые такой, а-ля палаццо Строцци, карниз был использован в здании Госбанка), сбоченные угловой балкон и башня, неравный шаг наличников уникального рисунка (дом на Смоленской объединил два образа из Феррары, балкон палаццо деи Диаманти и наличник палаццо Роверелла). И таким он мог быть осуществлен еще до революции¹⁹. Например, балкон болонского палаццо

Рис. 11. Корпус А.Мелона в Вашингтоне.
Архитектор А.Браун, 1926

Рис. 12. Дом уполномоченного ВЦИК в Сочи.
Архитектор И.В.Жолтовский, 1935

Рис. 13. Жилой дом на Смоленской площади.
Архитектор И.В.Жолтовский, 1940–1948

Рис. 14. Централ-сейвингс-банк в Нью-Йорке. Ф.Сойер, 1927

Рис. 15. Жилой дом Академии наук
на улице Дмитрия Ульянова, 1954–1957

Рис. 16. Жилой дом на Смоленской площади.
Архитектор И.В.Жолтовский, 1940–1948

Фава (осуществленный Жолтовским в доме на улице Дмитрия Ульянова) в 1910-е годы дважды использовался строителями Петербурга²⁰ (рис. 15). Каноничное и контр-каноничное, проникнутое итальянским духом создавалось с учетом опыта модерна, его пристрастием к синкопии, желанием удивить эрудицией и фантазией. Постройки Жолтовского как бы говорят – художественность итальянского искусства шире «палладиевой» нормы. И потому такому синтезу вольнодумства и гармонии были не страшны ни масштабное отставание от американской неоклассики, ни отставание хронологическое. Таково было великолепное знание мастером итальянской архитектуры, такова была в терминологии С.О.Хан-Магомедова его «живая классика» Жолтовского.

Дом на Смоленской площади воплотил в себе невероятное владение итальянским ордерным каноном и одновременно свободу от него. Башня дома на Смоленской, как считается, была сплетена из очевидных цитат, однако нельзя не заметить и явные, внесенные Жолтовским изменения в отличие, например от аутентичного неоренессанса фирмы «Мак-Ким, Мид энд Уайт»²¹. Это и не флорентийский фонарик, и не севильская башня – это памятник свободной трансформации мотива без отбрасывания образа (рис. 16). Демонстративная нетектоничность наличников, вариативность и отсутствие у них рельефа (в отличие от монументализма 1910-х) – все это усиливало отчетливое впечатление театральности, сближающее мастера с эпохой модерна. Дома Жолтовского были как будто созданы для героев А.Н.Бенуа и К.А.Сомова. И потому замечание В.А.Веснина о мушкетере в доме на Моховой, пожалуй, стало бы лучшим эпиграфом ко всему творчеству Жолтовского²².

Красота проектов и построек Жолтовского особенно поражает в условиях пролетарской диктатуры, в эпоху массовых сносов подлинных памятников архитектуры, насаждения соц-реализма и вкусовщины заказчика. Этого всепроникающего упрощенчества или суровой милитаристской образности у Жолтовского не было вовсе. Тем не менее, он первым в постреволюционной России осуществил классический ордер (Госбанк), затем самый большой ордер в Москве (дом на Моховой), самый длинный карниз (дом на Смоленской) и самый широкий портик (Институт горного дела). Очевидно, что эти высококачественные постройки, так же как и метро, и высотки, выполняли в СССР компенсаторную функцию в годы голода и репрессий. И если в проектах 1930-х годов эпохе

удавалось быть утопически прекрасной, нерациональной и потому художественно осмысленной, то послевоенные годы были в значительной мере проникнуты духом казенного богатства, типизации и экономии. Жолтовскому приходилось убеждать строителей и заказчиков, успевать рисовать и до-сматривать на строительной площадке, и все это в 70–80 лет. Такова была сила эрудиции и таланта, Жолтовского, который покорял качеством своей архитектуры, сложной гармонией своего искусства.

На протяжении нескольких десятилетий Жолтовский доказывал свою приверженность академизму, однако в послевоенный период отличия построек мастера от «нормативной» неоклассики стали особенно заметны²³. Работая над проектами Ипподрома (1951), типового кинотеатра (1952) и Театра им. Немировича-Данченко (1953), Жолтовский соединяет образы разных эпох и стилей – ренессанса и ампира,

Рис. 17. Здание Московского ипподрома.
Архитектор И.В.Жолтовский, 1950–1955

Рис. 18. Кинотеатр «Буревестник».
Архитектор И.В.Жолтовский, 1952–1953

мотивы Брунеллески и Палладио и тем самым удаляется от идеи имитации чужой эпохи. Эпоха «освоения классического наследия» близилась к завершению, и неоренессанс оказался под ударом борьбы с космополитизмом 1948–1953 (в 1950-м году Жолтовский был уволен из МарХИ). Порт�к Ипподрома, казалось, нарушал все постулаты классики, однако, став триумфом вольнодумства, содержал в себе редкие даже в Италии решения (рис. 17). Так, ленты в тимпане вызывают в памяти фасад виллы Поджо-а-Кайано. Абака капители Ипподрома заострена (как и в доме ВЦИК в Сочи) по образцу храма Весты на римском форуме Боариум.

Стилевые сплавы были новацией Жолтовского (впервые наиболее ярко они были воплощены в сочинском доме ВЦИК). Архитектура Ипподрома и типового кинотеатра была едва ли не эклектична и демонстрировала свободную трансформацию образа при соблюдении неоренессансных деталей. Однако блистательный рисунок узоров в арке поразителен и совершенно неподражаем, он искупает все. И в данном случае схожесть декоративного мотива с работой фирмы «Мак-Ким, Мид энд Уайт» (пресвитерианская церковь на Мадиссон-Сквер, 1906, не сохранилась), только подчеркивает мастерство Жолтовского. Карнизы типового кинотеатра и Ипподрома были нарисованы Жолтовским крайне изысканно и оригинально (рис. 18). Такое можно встретить только в Италии, на фасаде миланского палаццо Гуресконсулти.

Советская архитектура 1930–1950-х годов не была стилистически монолитна, довоенная эпоха содержала значительный компонент ар-деко. Нарочитая же триумфальность работ Жолтовского, казалось, была, наоборот, близка к эталону так называемого сталинского ампира. Собственно, триумфальной должна была быть и архитектура 1930-х. Однако она была полна острого драматизма, которого стилистика Жолтовского была лишена совершенно. И если работы Фомина и Щуко, Руднева и Троцкого (или Шпеера и Пьячентини), как считается, откровенно отражали мрачные горизонты того времени, то охристая, избыточная мажорность Жолтовского отличала его работы как раз в 1930-е годы. Она отвлекала и именно потому обретала поддержку власти. И все же аполитичный, вневременной характер стиля Жолтовского очевиден. Основанный на благородной ренессансной традиции, он позволял скрыться в сложной мотивной, пропорциональной и пластической игре с итальянскими ассоциациями. И потому подход Жолтовского был близок к утопии модерна, его неоренессансная стилизация уводила в романтический мир образов, так же далекий от реалий, как художественность неорусского, или северного, модерна в контексте стремительного научно-технического прогресса, Первой русской революции 1905–1907 годов, и пути уже найденного авангардом²⁴.

Театральность неоренессанса, как в свое время и модерна, была проникнута сильнейшей ностальгией по старине, по эпохе мощного и изысканного искусства. Для Жолтовского и его последователей ее источником стали малоизвестные и

провинциальные, недостроенные и полуразрушенные итальянские постройки²⁵. Поиск не монументальной или даже экспрессивной, как у многих в 1930-е годы, но, наоборот, скромной (использующий малый ордер), умеренной эстетики был подкреплен верой в тотальность возводимого неоренессансного города. И потому творения школы Жолтовского всегда рисовались на фоне столь же стройных зданий, поддерживающих отметки карнизов и увенчанных башнями²⁶. Однако осуществляемые в Москве в единичном экземпляре, они нигде не составили ансамбля. Впрочем, характерной фрагментарностью отличалась и неоклассическая застройка городов США.

Одним из самых интересных объектов послевоенного периода стало здание Института горного дела (1951) (рис. 19). По-бернински роскошное, игривое и монументальное, оно решено аттиком наподобие палаццо Спада и лоджиями а-ля палаццо Кьерикатти. И снова перед зрителем оказалось «сочетание несочетаемого». И хотя в Тоскане, охристый цвет построек которой обрели все работы мастера, нет работ ни Палладио, ни Мауро Кодуччи, образы разных веков и регионов Италии были в памяти и блокноте Жолтовского. Более того, подобную игру барочной и академичной линий допускал и Палладио (например, в архитектуре театра Олимпико, на боковом фасаде лоджии дель Капитанио).

Уникальность манеры Жолтовского состояла в работе на стыке аутентичной стилизации, свободной театральности и намеренной, проникнутой итальянским духом эклектичности. Мастер не просто остановил свой выбор на архитектуре XV и XVI веков, но соединял их в одном произведении, сталкивал брутальное и изящное (подобно рустам и наличникам палаццо Пацци), приемы Кватроченто и палладианства²⁷. Жилые дома на Смоленской площади и на Большой Калужской улице, безусловно восходили к палаццо Медичи XV века с его карнизом и уходящей рельефностью стены. Однако Жолтовский использует не рваную поверхность руста, а продороженный руст застройки Рима и Орвието (уже XVI века). И, как и Ф.Сойер (в нью-йоркском Централ-Сейвингс-

банке, 1927), разбивает руст фризом и валом а-ля болонское палаццо Бокки (XVI век).

Начиная с дома на Смоленской площади, создание таких причудливых сплавов стало особенностью манеры Жолтовского. Общая же композиция скреплялась у него верными пропорциями, охристым цветом Тосканы, романтическим соотношением масс и близким к модерну «живым» силуэтом²⁸. Такой живописный подход предполагал расчет не на аналитическое, а на цельное восприятие²⁹. Задачей мастера было создание монолитного сказочного ансамбля. Образы Италии – столичные и провинциальные, античные и ренессансные – спустя годы после зарубежных поездок, соединились в воображении Жолтовского в некий несуществующий собственный мир. Целью мастера стало перенести его по памяти в Москву. Свой город, полный изысканной и монументальной архитектуры, Жолтовский создавал на протяжении четырех десятилетий. По В.А.Веснину, это была лишь инсценировка. Однако, убедительная и прекрасная, она оказалась художественно успешнее «серьезной» классики, переплела ренессансные мотивы и архитектурные идеи 1900–1910-х годов (отечественного модерна и американской неоклассики) и сформировала благородную и прекрасную Москву Жолтовского.

Примечания

¹ Термин «стилизация» здесь понимается внеоценочно, как использование фасадных приемов и деталей определенной эпохи. Такая практика была широко распространена в академической работе. Однако свобода (в выборе и интерпретации первоисточника), что была уместна в учебном проектировании или при работе над частным заказом, не допускалась в рамках государственной, а потому «нормативной» неоклассики конца XIX – начала XX века (от зданий парламента и университета в Вене до государственных учреждений Вашингтона, вокзалов, музеев и библиотек Нью-Йорка и Чикаго). При этом ведомый Жолтовским отечественный неоренессанс 1930-1950-х годов унаследовал раскрепощенность эклектики и модерна

² Дворец Советов СССР. Всесоюзный конкурс. М.: Всекохудожник, 1933. С. 56

³ Фасадная схема дома на Моховой с композитным ордерам в пять этажей была наиболее близка не к дому К.В.Маркова (снабженному четырехэтажным ордерам и эркерами) и не палладианской лоджии дель Капитанио (копией которого стал дом М.А.Соловейчика с четырехколонным портиком, архитектор М.С.Лялевич, 1911), но к зданию муниципалитета в Чикаго. Венчающий карниз дома на Моховой был взят из арсенала Палладио, но снова не из вечентийской лоджии дель Капитанио, а из венецианской церкви Сан-Джорджо-Маджоре (см. иллюстрации в моей статье «Фасады церквей Палладио, их прототипы и наследие»: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569848&fl=5&sl=1>)

⁴ На рубеже XIX–XX веков идея аутентичной неоренессансной стилизации была исключительно редким явлением. Так было и в Петербурге (например, банк М.И.Вавельберга, 1911; дом Р.Г.Вега, 1912), и даже в Италии. Массовой застройке европейских столиц 1890–1900-х годов не хватало композиционной и пластической

Рис. 19. Институт горного дела. Архитектор И.В.Жолтовский

аутентичности, в римской архитектуре того времени ее искали и не находили А.Э.Бринкман, П.П.Муратов, о ней грезил Жолтовский. Тем не менее, именно Италия подала пример Жолтовскому – так аутентично, осознанно контекстуально по отношению к подлинникам работали создатели неоренессансной застройки 1890–1900-х в самом центре Флоренции

⁵ Четырехтомное издание проектов и построек фирмы «Мак-Ким, Мид энд Уайт» вышло в 1910-м году

⁶ Развитие американской неоклассики привлекало внимание отечественных мастеров еще до революции. Так, например, среди книг Г.Б.Бархина были купленные тогда американские журналы по архитектуре 1900-х годов (в частности, были выпуски Architectural Record)

⁷ Наличники, объединяющие несколько окон, возникают в домах И.З.Вайнштейна (1935), Л.Я.Талалая (1937) в Москве, а также, такой прием был использован и Б.Р.Рубаненко, на фасаде школы на Невском пр. в Ленинграде (1939). При этом решение окон, объединенных одним профилем, в доме А.К.Бурова на Тверской ул. (1938) было ответом и одному из первых нью-йоркских небоскребов Американ Траст Сосаити билдинг, (арх. Р.Робертсон, 1894), и, одновременно, ренессансному палаццо Сан Марко (на римской площади Венеция), флорентийскому палаццо Бартолини. Фасад же жилого дома Бурова на Б.Полянке (1940) восходил к представленным в шахматном порядке наличникам дворца в Урбино

⁸ Например, жилой дом Студии билдинг (1906) на Лексингтон авеню в Нью-Йорке, арх. Ч.Платт (1861–1933)

⁹ На это обращает внимание В.В.Седов (см.: Неоклассика в московской архитектуре 1920-х годов. Проект Классика. 2006, №20

¹⁰ Хотя в завершении башни Муниципалитета использованы классические мотивы (церкви Сан-Бьяджо в Монтопульчано и античного мавзолея Сен-Реми), сам образ был лишен романтической укорененности в прошлом

¹¹ После войны источником вдохновения при «проецировании» (например, в жилых домах Я.Б.Белопольского на Ломоносовском проспекте или Б.Г.Бархина на Смоленской набережной) стали служить башни Новодевичьего монастыря. В то же время дома Я.Б.Белопольского (1953) были своеобразным ответом жилому дому Тьюдор-Сити в Нью-Йорке (1927)

¹² Осуществить образы прошлого, пусть и существовавшие лишь на фресках, – такова цель использования помпейских эдикул у Г.П.Гольца (проекты театра Мейерхольда, Камерного театра), А.В.Власова (здание ВЦСПС). Осуществленный А.К.Буровым фасад нового здания Союза архитекторов СССР, как известно, воплотил в себе церковный образ с фрески Пьеро-делла-Франческа в Ареццо

¹³ В проекте Днепрогэса (1929) ритм окон венецианского Дворца дождей был передан Жолтовским средствами флорентийского руста

¹⁴ Еще до реализации дома на Смоленской площади в работах последователей Жолтовского начинает угадываться мода на вариативность мотивов наличников. Таковы фасады домов на Ленинском проспекте (архитектор М.Г.Бархин, 1939), на Цветном бульваре и т.д. После войны манера мастера видна в целой череде жилых домов, в первую очередь, роскошном доме на Можайском Валу, а также дома на улицах Фадеева и Каретном ряду, в 3-ем Войковском проезде

¹⁵ Так, в сравнении с нормативной неоклассикой США нарочито мелки наличники типового кинотеатра в Москве, балкон в доме на Смоленской площади и портал на боковом фасаде дома на

Калужской (такой портал предполагался по неосуществленному проекту в доме на проспекте Мира)

¹⁶ После строительства здания Госбанка флорентийский карниз с деревянной кобылкой возникает в целой череде московских зданий середины 1930-х годов. Это жилой дом А.К.Бурова на Тверской улице (с мотивом арок из неаполитанского замка Капель-Нуово), дома И.З.Вайнштейна на Садовом кольце, Е.Л.Иохелеса у Арбатской площади и М.Г.Бархина на Ленинском проспекте. Именно молниеносность, с которой молодые зодчие достигали высокого уровня гармонии, доказывает влияние Жолтовского, его многолетней разработки идеи неоренессансной стилизации

¹⁷ Вытянутые пропорции античного храма с подачи Жолтовского обретут портки здания КГБ в Минске (архитектор М.П.Парусников, 1947) и здания «Ленфильм» в Ленинграде (конец 1940-х)

¹⁸ Жолтовский вовлекает в свою стилистическую систему и образы Античности (в проекте Дома культуры в Нальчике ими стали Гардский мост и римский Септизоний), и образы Ренессанса. Так, премированный на всесоюзном конкурсе Дворца Советов проект Жолтовского (1931) соединяет в себе образы Колизея, Фаросского маяка и бастиионов виллы Каприарола

¹⁹ Так, камин флорентийского палаццо Гонди вдохновлял Жолтовского и в советские годы (здания Госбанка и Московского ипподрома), и до революции, при работе над интерьерами дома Скаковского общества (1903) (капителью же входного портика служила деталь храма Весты в Тиволи)

²⁰ Дом Жолтовского на улице Дмитрия Ульянова соединил карниз флорентийского палаццо Медичи с балконом палаццо Фава в Болонье. Возникает мода на подобные приемы. Угловые балконы появляются, например, в доме З.М.Розенфельда на Пречистенке, а также в домах на Велозаводской улице и в Новоспасском проезде. Отметим, этот балкон был популярен и в 1910-е годы (в декоре дома К.И.Розенштейна, архитектор А.Е.Белогруд, 1913; дома Благородного собрания, архитекторы братья Косяковы, 1912), и в 1930-е (у А.А.Оля, в доме на Суворовском проспекте в Ленинграде)

²¹ Жолтовскому импонировало не просто копирование европейских памятников (примером которого стало возведение фирмой «Мак-Ким, Мид энд Уайт» в Нью-Йорке амфитеатра Мадисон-Сквер-Гарден, 1891, с башней собора в Севилье, или здания Метрополитен Лайф-Иншуренс-билдинг а-ля венецианская кампанила Сан Марко, 1909), но стилизация, то есть свободное проектирование в древнем стиле (примером чему может служить церковь в испанском барокко, выстроенная для Панамско-Калифорнийской выставки 1915 года, архитектор Б.Гудхью)

²² «Вы выходите на лестницу, на первую площадку... вы чувствуете неверность окружающего, вам кажется, что из-за стены сейчас выльется мушкетер, и вы невольно думаете, что эта лестничная клетка сделана в XVI веке...» (Архитектура СССР. 1934. № 6. С. 13)

²³ В архитектуре башни Московского ипподрома можно заметить очертания и петербургского Адмиралтейства (в 1932 году этот образ использовался мастером в проекте третьего тура конкурса Дворца Советов), и Московского Кремля, наличники Кватроченто соседствуют с барочным бельведером (собранным из мотивов Ф.Борромини, Н.А.Львова и даже английской неоклассики эпохи короля Эдуарда 1900-х)

²⁴ Так, в жанре театральной декорации выдержаны проекты Жолтовского 1953 года (крупнопанельного жилого дома и здания

Холодильника в Сокольниках), украшенные неоренессансными картушами, флагами и гербами.

²⁵ Интерес к малоизвестным редкостям распространился в 1930-е годы и на Испанию. Так, ответом русам дворца Инфантадо в Гвадалахаре стал роскошный дом Д.Д.Булгакова на проспекте Мира. В то же время он отвечал московской дореволюционной традиции, диковиной архитектуре Царицына, особняку М.К.Морозовой (с ракушками из дворца в Саламанке) архитектора В.А.Мазырина. Подобные детали возникают у Жолтовского в проекте комбината «Известия» (1939)

²⁶ Такова, например Москва в предложениях Г.П.Гольца (эскизы решения набережных 1935–1936 годов), таковы его проекты послевоенного восстановления Киева, Сталинграда, Смоленска

²⁷ Анализируя творчество И.В.Жолтовского в контексте стилизаций мастеров модерна, Г.И.Ревзин также отмечает эту удивительную эклектичность («пассеизм мирискусников парадоксальным образом антиисторичен»), тем объясняет, что с точки зрения вечности архитектурные формы разных веков равны. Задачей же архитектора становится лишь выбрать и соединить их, гармонизировать. Работы Жолтовского уже советского периода были явно проникнуты тем же дореволюционным пассаизмом (см.: Ревзин Г.И., Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века. М., 1992. С. 62–63)

²⁸ Охристый цвет Жолтовский называл «светоносным, лучезарным» (по словам Б.Г.Бархина)

²⁹ Таковы, например, создаваемые в наши дни и полные итальянских образов архитектурные фантазмагии А.И.Ноарова

Литература

1. Дворец Советов СССР. Всесоюзный конкурс. М.: Всекохудожник, 1933.
2. Жолтовский И.В. Проекты и постройки / Вступ. статья Г.Д. Ощенко. М.: Государственное издательство литературы по строительству и искусству, 1955.
3. Куцелова А.А. Место Московского метрополитена в советском культурном пространстве // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л.Косенкова. М.: КомКнига, 2010.
4. Паперный В.З. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
5. Ревзин Г.И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века. М., 1992.
6. Седов В.В. Неоклассика в московской архитектуре 1920-х годов // Проект Классика. 2007. № XX.
7. Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. М., 2010.
8. McKim, Mead&White. Architecture of McKim, Mead&White in Photographs, Plans and Elevations. NY.: Dover Books on Architecture, 1990.

Literatura

1. Dvoretz Sovetov SSSR. Vsesoyuznyj konkurs. M.: Vsekhudozhnik, 1933.
2. Zholtovskiy I.V. Proekty i postroyki. Vstup. statya G.D. Oschenkova. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo literatury po stroitelstvu i iskusstvu, 1955.

3. Kutseleva A.A. Mesto Moskovskogo metropolitena v sovetskom kulturnom prostranstve // Arhitektura stalinskoy epohi: Opyt istoricheskogo osmysleniya / Sost. i отв. red. Yu.L.Kosenkova. M.: KomKniga, 2010.

4. Papernyy V.Z. Kultura Dva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.

5. Revzin G.I. Neoklassitsizm v russkoy arhitekture nachala XX veka. M., 1992

6. Sedov V.V. Neoklassika v moskovskoy arhitekture 1920-h godov // Proekt Klassika. 2007. № XX.

7. Han-Magomedov S.O. Ivan Zholtovskiy. M., 2010.

The Actual, Retrospective and Unique Motives in the Works of Ivan Zholtovsky 1930-1950's.

By A.D.Barhin

Moscow buildings of Ivan Zholtovsky, the famous architect and historian of Italian architecture, has repeatedly attracted an attention of the researchers. Yet his works are still fraught with many architectural puzzles and paradoxes. A new understanding arises due to the comparing the decorative and compositional motives of Zholtovsky with the neoclassical architecture of the United States. In Zholtovsky`s works are noticeable not only the motives of the Italian renaissance, but also his knowledge of the neoclassical architecture of the USA 1900–1920 period. Neoclassical style is generally regarded as a sign of the Stalin era of soviet architecture. But the classic style was an official style in the United States in 1920-30-s, and especially in Washington, where the center of the capital was all built in classical order. This makes Neo-Renaissance buildings of Ivan Zholtovsky quite modern and actual. His attention to the detail drawings of ancient Rome and Renaissance architecture and using this knowledge in new buildings - all this seemed to be similar by Zholtovsky and his colleagues from the United States (such as firm «McKim, Mead & White»). But within quotes Zholtovsky made changes and mannerism that we can't see in the works of American neoclassical masters. The works of Zholtovsky were playful and unique. Images of Italy - the provincial and metropolitan, ancient and Renaissance, years after foreign travel, all united in the imagination of Zholtovsky in to a non-existent own world. The aim of Zholtovsky was to build this world in Moscow. This city full of exquisite and monumental architecture was erected by Zholtovsky for more than four decades.

Ключевые слова: неоренессанс, советская архитектура 1930–1950-х годов.

Key words: Neo-Renaissance, soviet architecture of the 1930–1950s.

«Неопознанные» объекты архитектуры

А.В.Анисимов

О двух малоизвестных нашей архитектурной общественности постройках, относящихся к одному и тому же времени (1910–1914) (обеим только что исполнилось по сто лет): одна расположена в Венеции на берегу канала Джудекка, другая тоже на берегу, но реки Волги в Ярославской области. Обе постройки не относятся к «чистопородным» высоким стилям мировой архитектуры и не вошли ни в одну историю архитектуры и профессиональных исследований как выдающиеся памятники архитектуры. Тем не менее их положение в городской структуре и прибрежном ландшафте, а также их биография и история владельцев возбуждают интерес, как и их внешние амбициозные формы. В начале XX века оба здания были достаточно известны и о них даже сочинялись захватывающие легенды. Затем наступили периоды забвения, и судьбы их стали совершенно разными, но интригующими своей почти детективной историей. Теперь они интересны как выразительные памятники волнующей эпохи, в разной степени сохранившиеся и прорвавшиеся сквозь столетие.

Когда я еще в первый раз оказался в Венеции, то, пересекая на катере Бачино Сан-Марко, обратил внимание на необычный трехэтажный домик с тремя большими окнами в стрельчатых отверстиях, вызывающе глядящих с берега острова Джудекка на великий венецианский ансамбль. Он не значился ни в одном путеводителе и ни в одной книге по архитектуре Венеции, во всяком случае известной мне в то время (1985), но в натуре был вызывающе заметным. Гиды и архитекторы также не смогли достаточно ясно ответить на мой вопрос, что это такое. Между тем фасад дома поразил меня безусловной четкостью осевой компо-

зиции на фоне рядовой застройки. Крупный масштаб его деталей отличался от соседних будничных зданий. Он определенно был солистом даже рядом с палладианской церковью. И мне показалось большой несправедливостью молчание, которым он был окружен. Когда я начинал писать книгу об архитектуре Венеции, то уже всерьез обратился к этой постройке. Я видел в ней отражение определенного этапа развития европейской архитектуры с итальянским акцентом и безусловные композиционные достоинства внешней архитектуры. Удивляло только пренебрежение искусствоведов и историков архитектуры к этой незаслуженно обойденной постройке.

Это был дом-мастерская художника Марио де Мария (псевдоним – Мариус Пиктор), построенный в 1910–1913 годах по проекту самого владельца, – ответили на мой вопрос в Музее Коррер на площади Сан-Марко. Там же мне продали книжку-каталог Гвидо Дзуккони, рассчитанную на профессионалов. В ней в шести коротких строчках были обозначены истинное название дома и год его постройки. С этого началось познание объекта.

Здание называется «Тре-Очи» – «Tre occhi» («три ока» – почти по-русски), а построено оно было на исходе своеобразного итальянского модерна – стиля «либерти» с привкусом стилизации под готику. Некоторые специалисты даже относят его архитектуру к так называемой неоготике или, еще вульгарнее, просто к эклектике, другие все же склонны считать его особым венецианским модерном начала XX века, что мне представляется более правильным, несмотря на формальные готические элементы. Его главный фасад отличается безукоризненной целостной композицией, хорошими пропорциями величины

Набережная острова Джудекка. Слева – Дзителле – бывший хоспис и церковь, 1582–1586. Архитекторы Андреа Палладио и Якопо Бозетто. Второй справа – дом-студия «Тре Очи» Марио Де Мария, 1910–1913

проемов и тела стены. Интересна ковровая фактура поверхности стены, имеющая безусловно продуманную перекличку с домом напротив, на противоположном берегу Бачино Сан-Марко – фасадом Дворца дождей. И даже центр Дворца дождей с его знаменитым окном и балконом мастеров Мазенье в виде вольного аналога отражаются в композиции «Тре-Очи». Кривая стрельчатой арки окон и нижней аркады классического произведения почти в точности повторены в оконных проемах среднего, главного этажа дома художника.

Архитектура дома связана с трагическим эпизодом жизни семьи владельца. В 1905 году Марио потерял свою любимую дочь Сильвию, что вызвало у него тяжелую депрессию. Только активное лечение в швейцарской клинике и поддержка семьи и друзей помогли ему вернуться через несколько лет к творческой жизни. В 1909 году он участвовал в Венецианской биеннале и вскоре задумался о постройке дома-ателье в память о пропавшей дочери. Три глаза – три больших окна с полукруглыми изящными балкончиками на главном фасаде символизируют членов семьи: самого Марио, его жену и сына, оставшихся в живых. А усложненное готическими деталями из белого кружева истрийского камня верхнее окно, устремленное в небо, – покойную дочь. Все они смотрят на самые великие произведения классической венецианской панорамы.

Здание состоит из трех этажей, но особого внимания заслуживает «пьяно нобиле» – этаж с тремя огромными стрельчатыми окнами «очи», выходящими на Канал-делла-Джудекка и Бачино Сан-Марко и скрывавшими мастерскую художника, а теперь – выставочные залы. В центре верхнего этажа видно еще одно венецианское окно – бифорий, – обрамленное неоготическими декорациями.

Интерес к этому дому еще раз пробудился, когда я совершенно случайно, оказавшись проездом в Болонье после ознакомительной поездки со студентами ВГИКа, увидел афишу выставки Марио де Мария. Я думал, о нем все давно забыли, поскольку никогда не встречал этого имени ни в музеях, ни в каталогах, и тут же поспешил на эту небольшую выставку

в здании мэрии, чтобы узнать что-то о хозяине сооружения. Оказалось, что он и как художник заслуживает внимания. Интересны его загадочные композиции в лунном свете.

Марио де Мария родился в Болонье в 1852 году, там же и умер 18 марта 1924 года. Воспитывался в дворянской семье, члены которой были известными людьми в музыкальных и художественных кругах. Его прадед Винсент де Мария был скрипачом и дирижером в нашем Санкт-Петербурге, а дед Джакомо де Мария прославился как скульптор-неоклассик. Марио обучался и музыке, и живописи. Был зачислен в Академию изящных искусств, где сблизился с художником Луиджи Серра (1846–1888). Впервые показал свои картины в 1874 году в Болонье и в 1876-м в Ливорно. В 1878 году провел некоторое время в Париже, где сотрудничал с деятелями барбизонской школы. Участвовал в ряде выставок в Германии. В 1892 году переехал в Венецию, где спустя 20 лет построил свой дом-мастерскую на острове Джудекка по соседству с известным комплексом Дзителле – пансионатом для девушек без приданого и церковью, спроектированной Андреа Палладио, но построенной после его смерти в 1582–1586 годы архитектором Джакомо Бозетто.

В доме-студии Марио жил и его сын Астольфо, который также был художником, с женой Аделе. Здесь в периоды Венецианских биеннале собирался узкий круг художников и деятелей культуры вплоть до 1980-х годов. После смерти Марио и его сына сюда, к вдове Астольфо и ее новому мужу, приезжали многие люди, связанные с миром искусства: архитектор Ренцо Пьяно, Хундербассер из Вены, дочка коллекционера Гуггенхайма Пегги, Сцилтиан, Моранди, Фонтана и режиссер Дарио Фо, который в 1985 году использовал этот дом как место действия для своего Арлекино. В 1970 году режиссер Энрико Мария Салерно снимал несколько сцен своего фильма «Венецианский незнакомец» рядом с домом Тре-Очи. Сегодня здание находится в собственности ассоциации, которая занимается организацией культурных мероприятий, посвященных искусству XX века. В доме сохранились оригинальная мебель начала XX века, фотографии и художественные материалы, связанные с

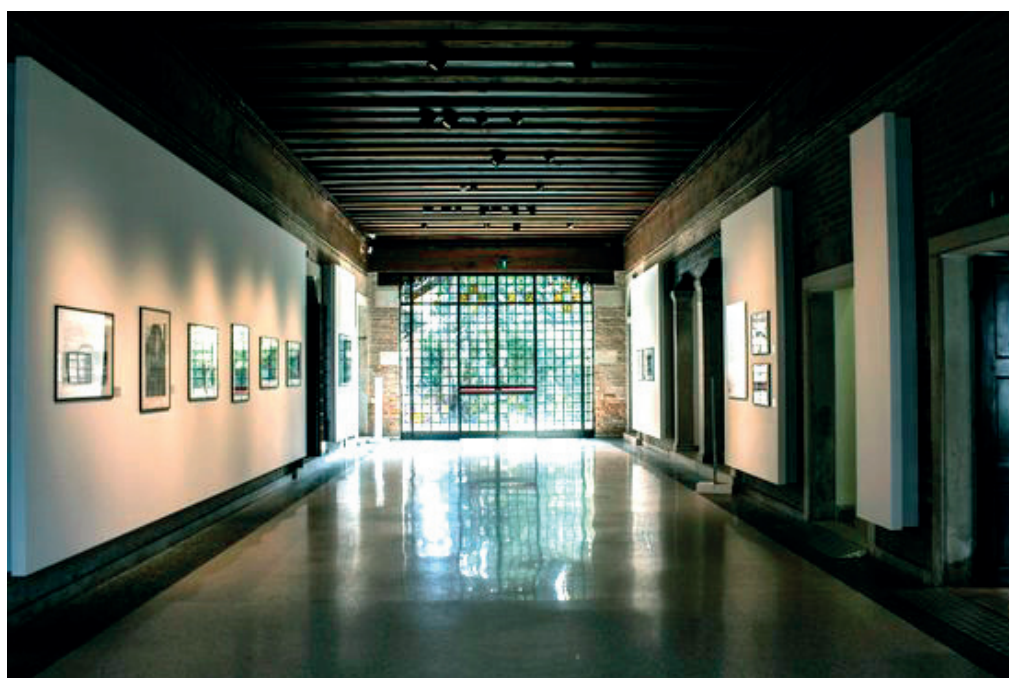

Набережная Волги в Красном Профинтерне. Справа «дом-замок» Н.А.Понизовкина, 1912–1914.

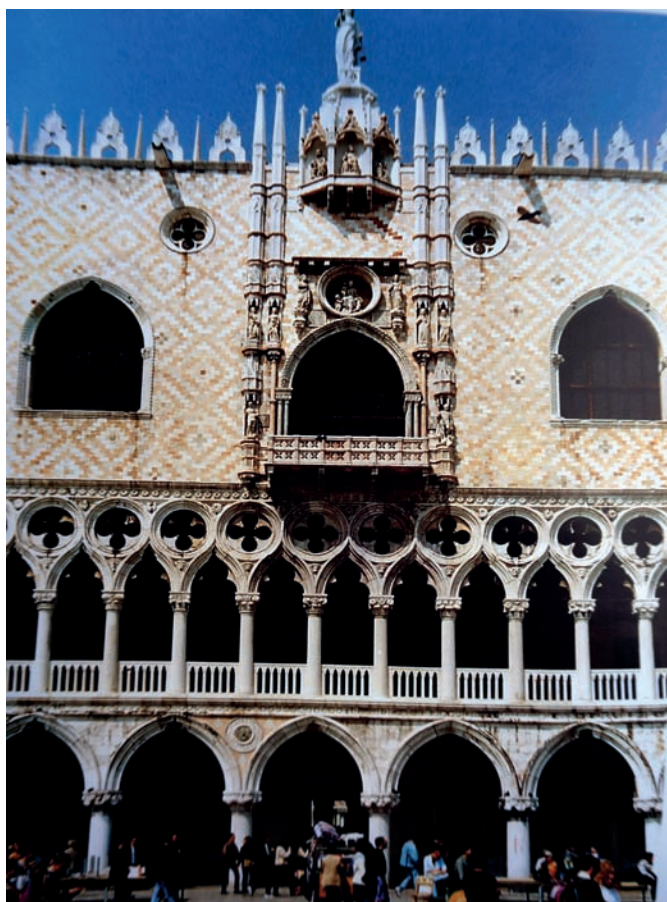
Слева – дом инженеров предприятий Понизовкина (особняк членов семьи Понизовкина). Фото автора. 2015

Главный фасад «Тре очи», выходящий на канал Джудекка. Фото автора. 1998

«Тре очи». Интерьер нижнего выставочного зала. Современное фото

Центральный фрагмент южного фасада Дворца дожей.
1340–1370. Фото автора. Конец XX века

«Тре очи». Интерьер зала второго этажа (бывшее ателье художника). Современное состояние

«Тре очи». Окна главного этажа. Фото автора. 1998

жизнью Марио де Марии и историей дома Тре-Очи. Однако в 1990-х годах дом был недоступен рядовым туристам, часть его окон и дверей были закрыты глухими металлическими ставнями. Мои попытки проникнуть в дом и посмотреть на его внутреннее устройство трижды закончились неудачами.

Но начиная с 2012 года, после проведенной тщательной реставрации, здание стало использоваться в качестве новой экспозиционной площади для образцов авангардного искусства и фотографии. С этого времени оно приобрело популярность у широких слоев художественной общественности. В выставках участвуют художники, архитекторы и фотографы из разных стран, в том числе и из России.

Параллельно с основной программой Венецианской биеннале в Тре-Очи открылась совместная выставка восточноевропейских художников Павла Альтхамера (Польша) и Анатолия Осмоловского (Россия). Выставку «Схождение параллелей» (Parallel Convergences) курировал Николас Каллинен из нью-йоркского музея Метрополитен – автор нескольких статей в каталогах двух недавних выставок российских художников – «Шоссе Энтузиастов», прошедшей здесь же в прошлом году, и персональной выставки воронежского живописца Арсения Жилиева «Музей пролетарской культуры». Каллинен – в прошлом сотрудник британского музея Тейт, активно помогавший музею в покупке работ российских и восточноевропейских авторов (в 2012 году в музее был создан комитет по закупкам в Восточной Европе и России с бюджетом около 400 тыс. долларов в год).

Работы двух художников одного поколения, но разных стран — Польши и России «эпохи посткоммунистического транзита» куратор намеревался сопоставить так, чтобы зритель смог сам поразмышлять о сходстве и различии в одновременном развитии их художественных практик.

Фонд «Виктория – искусство быть современным» в рамках параллельной программы биеннале в Тре-Очи показывает проект «Путь (или шоссе) энтузиастов», в который включены произведения российских художников, так или иначе связанных с архитектурой и окружающим пространством.

Этот фонд открыл в венецианском Тре-Очи выставку «Наследие будущего», на которой американец Марк Дион и россиянин Арсений Жилиев очень по-разному корректируют наше понимание музея, его политической и социальной роли. Оба называют свою выставку антикапиталистической. Здесь много говорят о природе эксплуатации, об экологических и социальных преступлениях, о роли художника в политике.

Совместная выставка молодого российского и заслуженного американского художников посвящена теме музея. На первом его этаже отрывки из проекта Жилиева «Педагогическая поэма» дополнены элементами проекта Марка Диона «Увлечение сэра Уильяма Гамильтона». Уильям Гамильтон был посланником Великобритании в королевстве обеих Сицилий, а также страстным коллекционером и исследователем. В свою очередь, Марк Дион изучает методы исследований XVIII века, создавая терракотовые фигурки Жак-Ива Кусто и Вальтера Беньямина и изображения рыб Неаполитанского залива наподобие того, как это делали ученые во времена, когда между искусством и наукой еще не было четких границ. На последнем этаже Марк Дион устроил лабораторию по созданию диовин, в которой можно наблюдать возникновение коллекции от замысла до полки в музее. Арсений Жилиев, в свою очередь, превратил второй этаж палаццо в музей будущего, где по заветам основателей русского космизма возрождаются к жизни Гагарин, Циолковский и другие великие земляне. При этом возрождение происходит силами коммерческой корпорации, которая обращает радужный замысел в дорогую услугу.

Картины художника Марио Де Мариа

Я думаю, что теперь Тре-Очи не только станет широко известным сооружением Венеции, но и войдет в моду, а также займет достойное место в истории архитектуры.

В годы, когда была построена эта вилла на берегу острова Джудекка (1910–1913), в далекой России и на другом берегу — у главной русской реки Волги загадочным образом возник каменный замок с башнями и высокими крышами. Романтик из успешных ярославских купцов, художник в душе Никита Андреевич Понизовкин щедро бросил огромные средства на создание непостижимого на русской равнине сооружения в рядовой до этого случая деревне Гузицыно. Средства на строительство были подготовлены деятельностью предков Никиты Андреевича, главным образом его дедом — Никитой Петровичем, купцом первой гильдии. Это была легендарная личность, известная во всей Ярославской губернии. В 1830-х годах он фактически освободился от крепостной зависимости и с разрешения бывшего хозяина переехал в район Волги, в деревню Дурково, чтобы открыть свой первый паточный завод. Рассуждение было простое. В этих нечерноземных местах лучше всего росли огурцы и картошка. На базе переработки картофеля Понизовкин наладил масштабное производство крахмала и картофельной патоки, лучшей в стране. Огромные объемы производства позволили ему к 1846 году окончательно выкупиться из крепостной зависимости. То же самое в этих же местах проделал и мой родной прапрадед со стороны мамы. Но он не занимался патокой, а отправил своих внуков в Петербург, где они стали успешными столичными строительными подрядчиками (понятен мой интерес к этому месту). А Понизовкин на собранный капитал в 1849 году построил рядом с паточным еще химический завод, на котором вырабатывали «купоросное масло, зеленый и синий купоросы, кислоту соляную, нашатырный спирт, ярь-медянку, соль глауберовскую...» и в 1863 году записался в первую гильдию. К середине 1860-х годов у Понизовкина уже было 14 паточных заводов. На Всемирной выставке в Париже 1889 года продукция понизовкинских заводов получила серебряную медаль. Дела шли в гору, и решено было построить огромный химический и паточный завод на берегу Волги, который и положил начало истории всего поселения, в 1930-х годах получившего название Красный Профинтерн. Строительство началось в 1866 году. А в 1867-м Никита Понизовкин таинственно исчез. Уехал якобы на лечение в Ярославль и пропал. Александр Пенкин — биограф рода Понизовкиных пишет: «Исследователи истории Понизовкиных приводили разные версии, одна загадочнее другой: по одной из них Никита-старший пожелал удалиться от мирской суеты и постричься в монахи, по другой — он умер, но факт его смерти родня скрыла. А по третьей — он и вовсе сбежал с молодой красавицей».

Жена Анна Васильевна писала в Ярославский окружной суд: «Мой муж — ярославский первой гильдии купец Никита Петров Понизовкин... в мае месяце 1867 года отправился с места жительства в Санкт-Петербург, а оттуда за границу. С тех пор до настоящего времени не возвратился. Сведений о его

отсутствии мы никаких не имеем и предполагаем, что он, имея преклонные лета, не находится уже в живых».

В округе ходили слухи об очень странных гостях Понизовкина, которых видели, когда они входили к нему во двор, но никогда не видели, чтобы кто-то выходил. В складских помещениях завода отыскивались потайные подполы и чердаки, подземные ходы. Поговаривали, что Понизовкин был раскольником из секты бегунов, прятался на склоне лет от людей и властей, умер и был похоронен родней тайком где-то в саду. Домочадцы купца хранили молчание. Жена и сыновья открыли торговый дом «Никиты Понизовкина сыновья». Уже под этим названием начал работать открывшийся в 1868 году завод.

Затем в Гузицыне возвели еще один паточный корпус, мастерские, здание паровых котлов, заводскую трубу в 17 саженей. Кстати, большая часть заводских строений сохранялась до конца XX века и до 1980-х годов использовалась по назначению.

Внук Понизовкина-старшего — тоже Никита активно продолжал дело деда и сумел развить большое хорошо налаженное производство. Вокруг семьи Понизовкиных (особенно двух Никит — деда и внука) вот уже более 100 лет слагаются фантастические рассказы, легенды и небылицы, пищей для которых были реальные события.

Эти рассказы дожили до наших дней. В 1941–1942 годах, когда я жил с дедом в этих местах, имя Понизовкина по-прежнему фигурировало в воспоминаниях стариков и даже моих родственников. Построенный ими завод, между прочим, в военное голодное время, работал на полную мощность. Основным продуктом, кроме патоки, была глюкоза, небольшие куски которой вместо сахара перепали нам, детям. Из застывшей патоки, растянутой через всю комнату, как веревка, нарезали конфеты, а глюкозу, похожую на застывшее сливочное масло, ели с чаем. В голодную зиму 1942 года это был настоящий праздник.

Самой заметной гузицынской постройкой оказался «замок». Никита Андреевич, внук Понизовкина, в 1908 году женился по любви на 24-летней москвичке Розе Бурсиан, происходившей из семьи обрусевших саксонских немцев. Но в народе говорили, что «женился на ослепительно красивой француженке по имени Роза и для нее, чтоб по родине не тосковала, выстроил не обычную усадьбу, а дворец с башнями». В 1912–1914 годах роскошный для этих мест замок был действительно построен. Нет ясности, кто был архитектором. Но известно, что Понизовкины имели дело с ярославским архитектором (точнее, гражданским инженером) Николаем Юрьевичем Лермонтовым, по проекту которого был построен дом для семьи в центре Ярославля. Он же участвовал в застройке Красного Профинтерна. Но причастность его к «замку» неясна.

На берегу Волги рядом с заводскими корпусами выросло добротное здание в формах романтической эклектики, которое больше бы подходило к Петербургу конца XIX — начала XX века. Высокие нездешние крыши с мансардными окнами, стилизованные под крепостную архитектуру, башни — круглая и квадратная — с романтическими балконами, лоджия с тройной аркадой украшали большой дом. Часть наружных стен была

Фасад «дома-замка» Никиты Андреевича Понизовкина со стороны Волги после реставрации. Фото автора. 2015

Особняк Понизовкина в 1940–1950-е годы

Интерьер зала в особняке Понизовкина до реставрации

Деревянный фасад особняка Понизовкина.
Фото начала 1920-х годов

облицована светлой керамической плиткой (модный материал для архитектуры модерна). Внутренняя отделка отличалась роскошью и богатством материалов, о которых в окрестностях ходили фантастические рассказы. Действительно, в здании были стилизованный под Древний Египет вестибюль, как у раннего Шехтеля, широкая главная лестница с эффектным разворотом, двухсветный парадный зал, зимний сад, холл с верхним светом и кинозал. Все это было щедро украшено колоннами, карнизами, рельефами, картушами, позолотой и росписями. По воспоминанию очевидцев ряд помещений был обит дорогими заграничными шелками и бархатом, применялись полудрагоценные металлы и камни, на полу — наборный паркет и дорогая керамическая плитка. О высоком вкусе здесь говорить, видимо, неуместно. Но желание создать нечто совершенно удивительное для русской провинции и применение самой современной инженерной техники были очевидны. В доме, оснащенном электричеством, воздушным отоплением, потоки теплого воздуха поднимались из теплового узла в подвале по каналам в двухслойных кирпичных стенах. Помещения были обставлены дорогой мебелью в разных стилях — от классики до модерна и стиля псевдорояль.

Рядом располагался еще один особняк, первый этаж которого был кирпичный, второй — деревянный, с балконом, украшенным изящной резьбой.

Неясно его использование. Где-то он называется домом для инженеров предприятия, где-то — особняком Андрея Никитича Понизовкина или жилищем для членов его семьи.

Во дворе комбината можно увидеть длинное здание конторы. За его большими светлыми окнами — громадный операционный зал, в котором, как писали в 2007 году, и по сей день стоят массивные дубовые бюро старой работы. Здесь же, в конторе, вам покажут и большую, потемневшую от времени фотографию. Под горделивой надписью: «Промышленно-торговое товарищество "Никиты Понизовкина сыновья", Волжский завод, 1915 год» — десятки крохотных, в овальных рамках портретов инженеров, мастеров, технических сотрудников предприятия. А выше — крупные портреты последних владельцев, внуков Никиты Понизовкина. Перед замком была устроена набережная с высоким гранитным парапетом. Во время разлива лодки могли проехать отсюда прямо во двор, что видно на старой фотографии».

Известно, что Понизовкины устраивали свой завод с размахом, не скупясь на расходы, приглашая иностранных специалистов и заимствуя их опыт организации производства. «В центре, у пристани, высились большие фабричные корпуса. Ныне здесь размещается одно из крупных предприятий пищевой промышленности области — Ярославский крахмало-паточный комбинат. Однако внешне предприятие мало изменилось со времени постройки.

Но его цеха превратились в руины уже в 2010-х годах.

В начале XX века на набережной за производственными корпусами был построен огромный для села пятиэтажный сорокаквартирный дом в стиле модерн по проекту архи-

тектора Н.Ю.Лермонтова. В этом доме для рабочих были проведены электричество, канализация и водопровод, обустроена бильярдная, планировался кинотеатр. Дом активно используется и в наше время. Разрешение на постройку столь редкого сооружения было дано лично ярославским губернатором графом Татищевым 6 апреля 1913 года. Автор проекта стремился создать максимум удобств для жильцов дома. Помимо разнообразных по планировке квартир там были предусмотрены библиотека, бильярдная, буфет, комната для игры в карты, небольшой зрительный зал для любительских спектаклей и показа кинолент. В подвалах помещались в одном конце — ледник, в другом — кочегоарка. Вблизи дома был посажен обширный сад [13].

У Розы и Никиты Андреевича родились дочь и сын. Но едва замок подвели под крышу, супруги развелись и поделили детей. Роза с дочерью уехала в Москву, Никита Андреевич с сыном остался в Ярославле. До революции Роза Бурсиан работала учительницей русского языка, после революции стала библиотекарем. Какое-то время спустя «французенка» нашла нового мужа, бросила работу и сделалась домохозяйкой.

Никита же после развода отдался работе, три года умножал свои капиталы и заодно нашел новую супругу. А потом пришли красные, и настал конец благополучию ярославского капиталиста.

В 1917 году Никита Понизовкина пропал. Говорили, что, когда в России началась революция, Понизовкины уехали в Крым и начали строить точь-в-точь такой же дом, как в Красном Профинтерне. Но революция прогнала их и оттуда. А место это до сих пор называют Понизовкой (из непроверенных данных, но место в Крыму и санаторий с названием «Понизовка» действительно есть). Достоверно лишь то, что Никита Понизовкин находился в ссылке в Тобольске, около 1936 года вернулся оттуда больной туберкулезом и вскоре умер.

После революции завод стал частью комбината «Ярпатока» и продолжал работать. Его замок подвергся разграблению, дорогая обивка со стен была срезана, частично растащили

40-квартирный дом для рабочих и служащих Н.А.Понизовкина
Строитель — гражданский инженер Н.Ю.Лермонтов.
Фото автора. 2015

мелкие предметы, мебель и двери. Позднее в доме долго работала школа, потом сельский клуб, библиотека заводского Дома культуры, закончилось все запустением и разрухой. На балкон поставили статую Ленина в человеческий рост, якобы зовущую жителей Гузицына в светлое будущее. Это запечатлели фотографии 1930-х годов. Но Ленин, опасно балансирующий на балконной ограде, вызывал самоубийственные ассоциации, и статую перетащили на постамент перед домом и покрасили белой краской. Заменяли воздушную систему отопления, под которую был спроектирован дом, на водяную. Раньше в под-

вале располагалась топка, теплый воздух проходил по каналам в наружных стенах, которые прогревались, в доме было всегда тепло и сухо. Батареи водяного отопления, гревшие только внутренние стены, плохо справлялись со своей задачей.

В школе еще во время войны в шестом и седьмом классах училась моя двоюродная сестра. Здесь же тогда работала и хорошая больница, где спасли от тяжелого тифа моего отца. Удалось сохранить кое-что из обстановки особняка, а также альбомы с семейными фотографиями, которые находятся в Ярославском музее...

В 1993 году завод за бесценок выкупили, неудачная коммерческая деятельность новых хозяев привела его в 2001 году к банкротству.

В том же году пришлось спасать чудом уцелевшие сокровища. При ярославском областном департаменте культуры была образована комиссия по спасению исторического наследия Понизовкиных. Мебель, фарфор, хрустальную люстру удалось вывезти в Ярославский художественный музей, но примерно треть списка из существующей описи пропала безвозвратно. Неизвестна судьба и богатейшей библиотеки Понизовкиных.

О.А.Жаров в предисловии к книге А.Г.Пенкина «Никиты Понизовкина сыновья» пишет: «Ежедневно в течение трех лет проезжая мимо этого исторического и архитектурного шедевра, я наблюдал его разрушение. Робко пытался обра-

Современное состояние бывшего Зимнего сада. Фото 2011 года

Вестибюль особняка Понизовкина

Деталь декоративного оформления вестибюля особняка

Вестибюль. Лестница на второй этаж во время начала реставрации

щаться к собственникам завода и к местной администрации о недопустимости такого отношения к нашему историческому наследию. Но мои призывы ни на кого не возымели действия. Удивительно, но факт: здания де-юре не существовало. Его не было на балансе завода (оно не попало в приватизационную массу), его не приняли на учет ни местная администрация, как памятник местного значения, ни государство, как памятник федерального значения. Оказывается, все только считали, что памятник архитектуры и культурного наследия существует, на самом деле его не было. Замок-фантом?! И неудивительно, что памятник находился в таком плачевном состоянии, ведь у него не было собственника и, как выяснилось впоследствии, не сохранилось ни паспорта БТИ, ни охранный свидетельства на памятник архитектуры, ни каких-либо других правоустанавливающих документов. Стало совершенно очевидно, что без определения собственника архитектурный комплекс будет безвозвратно утерян. На оформление прав собственности,

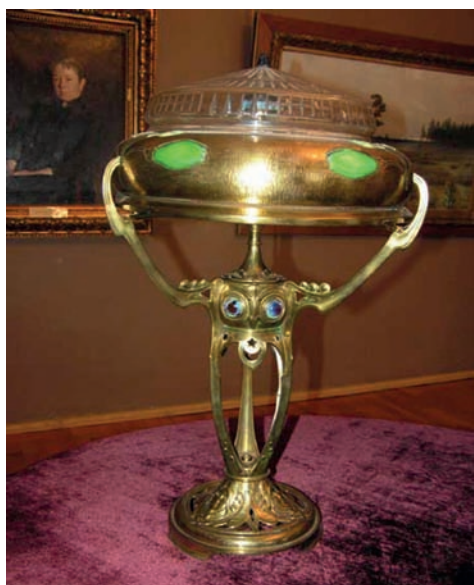
*Н.А.Понизовкин за письменным столом.
Фото между 1914 и 1917 годами*

от архивных поисков до объявления аукциона по продаже здания местной администрацией, потребовалось два года. И в 2007 году я стал первым законным собственником здания за все постсоветское время.

У меня нет ни малейших сомнений в том, что в самое ближайшее время собственник замка группа компаний "Ташир" откроет новый туристско-гостиничный комплекс, который станет мощным стимулом в экономическом развитии территории. Я благодарен лично вице-президенту группы компаний "Ташир" Тиграну Владимировичу Казаряну, оценившему инвестиционный потенциал проекта и вкладывающему серьезные финансовые средства в возрождение исторического наследия страны» [8].

Под руководством Т.В.Казаряна, выкупившего замок у Жарова, действительно начались реставрационные работы в Красном Профинтерне накануне тысячелетия города Ярославля. В замке планировали разместить современный гостиничный комплекс с залом для проведения важных переговоров. Ориентировочное окончание внешних работ намечалось на 2012 год. Было обещано, что при этом остатки старинных интерьеров бывшего роскошного особняка будут сохранены по максимуму. Руины завода Понизовкиных также планировали оставить.

В августе 2015 года я со своей внучкой и женой посетил эти места, где ребенком провел два года во время войны. Мы увидели относительно неплохо отреставрированные фасады замка и порадовались. Но создалось впечатление, что уже никакие работы больше не ведутся. Проходная была настежь раскрыта, ветром раскачивало незапертую дверь и никакого сторожа не было. Прохожих отпугивала стая одичавших собак. Что происходит внутри, увидеть не удалось. Рядом стояли руины когда-то процветавшего завода, который, говорят, работал еще до 2008 года. Ощущение такое, будто бы на днях здесь проходили боевые действия. Крыши над заводскими постройками исчезли, оконные переплеты и дверные коробки варварски выломаны.

Настольная лампа из особняка Понизовкина

Стол из обстановки особняка Понизовкина

Из Интернета я узнаю, что журналисты местных газет и теле-радиокомпаний регулярно пишут и говорят о замке Понизовкиных. «Но власти, похоже, забыли о достопримечательностях, достоинства которых неоспоримы и проверены временем, да и о Красном Профинтерне. Вместо процветавшего до революции района остались загубленное предприятие, поселок, жители которого не знают, что их ждет завтра, и жалкие развалины некогда прекрасных зданий». А фасады замка стоят как новые...

Р.С. Сын Понизовкина Андрей Никитич продолжил начатое отцом дело, приумножил капиталы и в завещании дал наказ своим детям: «Торговое, заводское и промышленное дело производить сыновьям моим под прежней фирмой «Никиты Понизовкина сыновья», стараясь СОХРАНИТЬ ДОБРОЕ ИМЯ ЭТОЙ ФИРМЫ».

Трое сыновей Андрея не только сохранили доброе имя, но и вывели семейную фирму на первые места не только в России, но и в мире, получая золотые и серебряные медали на промышленных выставках.

Особняк Никиты Андреевича Понизовкина до сих пор является уникальным украшением волжского левобережья Ярославской области.

Сын Никиты Андреевича сумел получить отличное образование, всю жизнь проработал в НИИ автомобильного транспорта, выпустил один из самых известных справочников автомобилиста, выдержавший десяток переизданий, добился звания мастера спорта международного класса в автомобильном спорте, установил множество мировых рекордов скорости на отечественных спортивных автомобилях.

Сын Владимира Андреевича Юрий, оставшись сиротой после расстрела отца и гибели матери в советских лагерях, не только выжил благодаря добрым друзьям семьи, но и выучился, стал отличным пианистом, преподавателем, профессором Российской академии музыки им. Гнесиных, оставил после себя много учеников, известных ныне музыкантов.

Один из потомков семьи Понизовкиных Андрей Юрьевич учился по классу фортепиано у выпускницы Гнесинки. Сегодня он активно работающий журналист, главный редактор газеты «Наука Урала».

Однако так и неизвестна судьба Никиты Петровича и Анны Васильевны. Мы не знаем, где похоронены Андрей и Никита Андреевичи, судьбу их сестер, эмигрировавших за границу. Негде поклониться могилам Владимира Андреевича, расстрелянного в Саратове, и его супруги, сгинувшей где-то в бездне ГУЛАГа [7].

Литература

1. Zucconi G. Venice: an architectural guide. Arsenale editrice, 1995.
2. Анисимов А.В. Венеция. М. 2002.
3. Белова М.Ю. Архитектор Николай Лермонтов.
4. ru.wikipedia.org/wiki/Красный_Профинтерн.
5. www.treoci.org
6. Головкина В. Ярославская готика // <http://strana.ru/journal/842033>

7. Пенкин А.Г. «Никиты Понизовкина сыновья» (из истории рода). Серия «История ярославского предпринимательства». Ярославль: Эколайн. 2010.

8. Жаров О.А. Предисловие от издателя к книге А.Г. Пенкина «Никиты Понизовкина сыновья». Ярославль: Эколайн, 2010.

9. http://osmopolis.ru/notice/pages/id_364

10. http://www.votpusk.ru/country/dostoprим_info.asp?ID=8563#ixzz3qDehTYDi.

11. www.treoci.org.

12. <http://www.artguide.ru/posts/816?page=26> Текст Валентина Дьяконова; Материалы выставки Марио де Мария в Болонье. 2013.

13. Бондарева Н. Красный Профинтерн. Замок Понизовкиных. М., 2007.

Literatura

2. Anisimov A.V. Venetsia. M., 2002.
3. Belova M.Yu. Arhitektor Nikolaj Lermontov.
6. Golovkina V. Yaroslavskaya Gotika.
7. Penkin A.G. Nikity Ponisovkina synoviya. Yaroslavl: Ekolajn, 2010.
8. Zharov O.A. Predislovie ot izdatelja k knige A.G.Penkina «Nikity Ponizovkina synoviya». Yaroslavl: Ekolajn, 2010.
9. Bondareva N. Krasnyj Profintern. Zamok Ponizovkinyh. M., 2007.

Unidentified Objects of Architecture.

By A.V.Anisimov

This article is a reminder of two half-forgotten objects built in 1910–1914 near water in different countries, Russia and Italy, one hundred years ago. In Venice, it is the workshop of artist Mario de Maria, who designed it himself. The house has surprisingly big windows. That is why it is called Tre Oci. Now it is used for holding biennales. A house-castle, built in the French manner is a result of an eclectic fantasy of N.A. Ponizovkin. His family, starting from his grandfather, created a network of prosperous starch and treacle factories, which existed to the end of the 19th century, but are lying in ruins today. Both buildings – Italian and Russian – amazing for their unusual forms.

Ключевые слова: берег, вода, дом-студия, художник, окна-очи, выставка, биеннале, купец, завод, замок-особняк, эклектика, реставрация, разруха, фасад.

Key words: bank, water, house-studio, artist, windows-oci, exhibition, biennale, merchant, plant, castle, eclectic, restoration, broken, façade.

Итальянский Ренессанс и монументальная живопись русского неоклассицизма начала XX века (на примере росписей дома Скакового общества и особняка Тарасова в Москве)

А.А.Никольский

Тема, заявленная в названии статьи и отражающая важнейшие историко-художественные процессы в отечественной культуре рубежа XIX–XX веков, раскрывается на примере двух московских памятников неоклассицизма: дома Скакового общества (1903–1905) и особняка Григория Тарасова (1908–1912), авторы которых – архитектор И.В.Жолтовский (1867–1959) и художник И.И.Нивинский (1881–1933) (рис. 1, 2).

Особняки выбраны автором для исследования не случайно. В своем роде это ключевые, образцовые памятники, полностью выдержанные в неоклассическом стиле, возведенные одним и тем же архитектором от начала и до конца, не перестроенные в дальнейшем, созданные с единым подходом к внутреннему пространству. К тому же здесь, в отличие от большинства построек, в той или иной мере удалось воплотить декларируемый принцип синтеза искусств.

Рамки статьи не позволяют проанализировать программу росписей и соотнести сюжеты композиций с функциональным назначением конкретных помещений. Это темы дальнейших публикаций. Собственно проблема синтеза искусств также останется за рамками этого исследования. В задачи статьи в первую очередь входит анализ того, на какие памятники итальянского Ренессанса ориентировались мастера при декорировании интерьеров московских особняков. Автором проведена собственная атрибуция росписей и найдены их прототипы.

В начале XX столетия эхо восприятия античности в России было многоголосым: одни мастера предпочитали отталкиваться от национального варианта классицизма конца XVIII – первой трети XIX века, другие непосредственно об-

ращались к греческому искусству, а некоторые, как, например, Иван Жолтовский и Игнатий Нивинский, в своем творчестве опирались на итальянский Ренессанс.

Монументальная живопись начала XX века (и, в частности, росписи неоклассического направления) оказалась одной из наименее исследованных сфер в отечественном искусствознании. Между тем это был период невероятно бурного расцвета этого вида искусства. После долгого времени господства станковизма пробуждается наконец интерес к монументальным формам, к синтезу живописи и архитектуры, и монументальному искусству, игравшему в период эклектики подчиненную роль, возвращается самостоятельное значение.

Оба здания – и дом Скакового общества, и особняк Григория Тарасова, хорошо известные историкам архитектуры, – никогда не рассматривались в совокупности со своими интерьерами. Л.И.Игнатьевой была написана статья о внутреннем пространстве особняка Г.А.Тарасова, но в ней практически не анализируется декорирование этого пространства, то есть сама живопись [8. С. 61–66]. Исключение делается только для Белого зала, расписанного Е.Е.Лансере. Нужно сказать, что живопись Лансере стилистически стоит несколько особняком; она заслуживает отдельного внимания, впрочем, как и личность самого мастера, но это не является предметом рассмотрения статьи¹. В целом интерьеры дома Скакового общества до настоящего времени были известны только по дореволюционным фотографиям [3. С. 37–44]. В общих трудах по истории искусства начала XX века и в монографиях о Жолтовском и Нивинском об этих интерьерах только упоминается [7. С. 26, 31–36; 13. Табл. 39–47; 18. С. 31–37, 43–69].

Рис. 1. Дом Скакового общества (1903–1905). Фото Сергея Бондаренко. 2013

Рис. 2. Особняк Г.А.Тарасова. Фото автора. 2015

Прежде всего, необходимо остановиться на творческом союзе Игнатия Нивинского с Иваном Жолтовским. Они познакомились в Строгановском училище в 1900 году, когда после окончания Академии художеств архитектор пришел туда преподавателем рисования. Игнатий Нивинский поступил в мастерскую Жолтовского и первоначально был его архитектурным подмастерьем. И хотя архитектура не стала основным занятием Нивинского, она сыграла большую роль в его дальнейшей работе: он спроектировал и реализовал несколько самостоятельных построек [10. С. 357–360]. Вскоре Жолтовский предложил своему помощнику заняться монументальной живописью.

Особое значение для творческого содружества имели совместные путешествия Жолтовского и Нивинского в Италию. Их первая поездка туда состоялась в 1903–1904 годах. Жолтовский уже побывал в Италии годом раньше и стал для Нивинского по сути гидом. Позже они совершили туда еще несколько поездок: в 1907–1908 годах, затем в 1910-м и 1912-м. С тех пор все творчество Нивинского буквально пропитано аллюзиями на итальянское искусство. В своих воспоминаниях он пишет: «Только после первой поездки в Италию с

Жолтовским я научился любить и понимать искусство и стал серьезно заниматься им» [1. Л. 2]. Художников объединяла общая страсть – любовь к архитектуре Палладио, влек тот синтез архитектуры и живописи, который являли собой постройки итальянского Ренессанса. Жолтовский мечтал о том, чтобы вернуть монументальной живописи значение, которое она имела в эпоху Возрождения.

Мастера производили фотофиксацию объектов и делали зарисовки: Жолтовский – архитектуры, а Нивинский – росписей интерьеров. Он создавал их живописные копии, работая в храмах и палаццо Рима, Ассизи, Мантуи, Пизы, Феррары, Виченцы (палаццо Тьене), Вероны, Генуи, Венеции и других городов. В РГАЛИ, ГМИИ им. А.С.Пушкина, ГНИМА им. А.В.Щусева, в офортной студии И.И.Нивинского сохранилось большое количество акварелей с копиями фресок итальянских палаццо, сделанных художником (Диаманти, Те, Мадама, Пойана, Колеоне и др). Нивинского интересуют и помпейские росписи, но предпочтение художник отдает венецианским мастерам позднего Возрождения. Наиболее тщательно он изучает их работы в палаццо Дожей, в церквях Сан-Стефано, Сан-Джорджо-дей-Скьявони, изучает фрески Тинторетто в

Рис. 3, 4. Дом Скакового общества. Вестибюль. Фото начала XX века

Рис. 5. Дом Скакового общества. Планы I и II этажей. [18. С. 32]

Скуола-Гранде-ди-Сан-Рокко и его живописные панно в палаццо Дожей, копирует росписи Веронезе в церкви Сан-Себастьяно. В своих копиях художник стремится передать колористическую сложность и многообразие композиций итальянской монументальной живописи, пытается понять выразительность и общую структуру композиций, выявить значение каждой изображенной детали.

Дом Скакового общества строился с 1903 по 1905 год. Практически одновременно шла и отделка интерьеров (рис. 3, 4). Это здание можно считать первым памятником неоклассицизма в России и первой самостоятельной работой И.В.Жолтовского. По условиям конкурса дом должен был быть построен в стиле английской готики. Но отбросив формальности и не известив заказчика, Жолтовский проектирует здание с оглядкой на наследие русского классицизма, которое зодчий тщательно изучает и анализирует в это время [18. С. 31]. Очевидно, эта увлеченность Жолтовского классицизмом возникла не без влияния творчества Ч.Камерона; знаменательно, что

вестибюль первого этажа дома поразительно напоминает Агатовый кабинет терм Камерона в Царском Селе. Подобный вестибюль архитектор несколько позже (в 1907–1908 годах) повторит в пристройке к особняку В.В.Носова на Введенской площади в Москве.

Живописные плафоны этой постройки созданы практически целиком Игнатием Нивинским. Правда, есть свидетельство художника М.М.Адамовича, что он тоже участвовал в созда-

нии плафонов как для дома Скакового общества, так и для особняка Тарасова, но никаких других документов, подтверждающих это, на сегодняшний день автором не обнаружено². Возможно, его работы не были утверждены заказчиком или архитектором. Зато удалось установить, что с Нивинским уже здесь, в интерьерах дома Скакового общества, работал В.П. Трофимов, тот самый, который, как считалось ранее, присоединился к нему только при росписи особняка Г.Тарасова³.

Расписаны были четыре помещения: вестибюль первого этажа и три зала на втором – столовая, главный двусветный зал и приемная (рис. 5). До нашего времени дошли росписи всех помещений, кроме приемной. Однако сейчас невозможно с полной определенностью говорить о художественных качествах росписей, так как они сильно потемнели и нуждаются в реставрации.

Вестибюль перекрыт крестовым сводом, в центре которого располагается квадратная композиция с копией фрески Мантеньи из Камеры дельи Спозы (рис. 6, 7). Это знаменитый окулюс – иллюзорное круглое окно в своде, зрительно увеличивающее пространство. Почему-то Нивинский делает его квадратным, но во всем остальном повторяет оригинал. В прямоугольных плафонах распалубок и на стенах вестибюля также располагаются композиции, скопированные из Камеры дельи Спозы. В частности, роспись над боковой дверью воспроизводит композицию западной стены этого помещения с группой путти, держащих табличку с надписью (рис. 8). В настоящее время свод и стены покрыты таким темным лаком, что практически ничего нельзя разглядеть. Можно говорить лишь об общем рисунке и композиции. Именно в композиции есть существенные просчеты. Живопись совершенно игнорирует конструкцию свода, конкретно его ребра, что разрушает всю тектонику архитектуры. Коль скоро центральная композиция была выделена широкой лепной рамкой, то следовало бы подчеркнуть и ребра свода, иначе все повисает в воздухе без какой-либо связи с композициями в боковых распалубках. Подобная ошибка хотя и редко, но все же встречается и у мастеров Ренессанса. Однако в лучших памятниках эпохи Возрождения художники учитывали и подчеркивали рабочие элементы свода живописными средствами или лепкой [9. С. 207]. В то же время, в центре свода не сделано той плоской фигуры (квадрата, круга, многоугольника), которая более всего подошла бы для живописи. Ребра свода смыкаются в центральной точке и зрительно разрывают живописную поверхность. Пространство между композициями покрыто сплошь растительными орнаментами и изображениями грифонов.

На сводах вестибюля Нивинский оставил латинские надписи, которые позволяют точно датировать роспись 1903–1905 годами (MDCCCIII–MDCCCIV, ANNO DOMINI, FECIT). Понятно, что здесь имеются в виду конечные даты самой постройки, тем не менее можно заключить, что к 1905 году роспись уже была завершена. В архиволте центральной арки, расположенной над входом, судя по дореволюционной фотографии, размещалась надпись: «Писаль Игнатий Нивинский».

Рис. 6, 7. Дом Скакового общества. Свод вестибюля.
Фото автора. 2013

Рис. 8. Дом Скакового общества. Вестибюль.
Фото автора. 2013

Центральный двусветный зал – творческая удача двух мастеров (рис. 9, 10). Глядя на особняк снаружи, сложно представить, что внутри такое большое и светлое пространство. Живопись плафонов – это вольные копии композиций Тинторетто из Зала Совета венецианского палаццо Дожей. Здесь Нивинский писал маслом не по штукатурке, а на холстах, по сути создавал картины, которые затем были приклеены к потолку. Подобный технический прием стал довольно распространен в

искусстве позднего Возрождения, особенно у венецианцев и постепенно оттеснял стенные росписи [15. С. 85].

Конечно же, нельзя сравнивать итальянский и русский интерьеры по степени богатства оформления и виртуозности мастерства, да и масштабы у них совершенно разные. Потолок центрального зала в доме Скакового общества делится балками на девять больших секций. Центральный плафон занимает овальная композиция – «Происхождение млечного пути», созданная по оригиналу станкового произведения Тинторетто (рис. 11)⁴. В окружающих его прямоугольных секциях – панно, повествующие о различных боевых кампаниях венецианцев⁵. Сложные формы ренессансных полотен Нивинский заменил на прямоугольные. Панно Тинторетто не копируются напрямую художником, а приспособляются под конкретные формы плафонов и их размеры. Нивинский воспроизводит не только те полотна великого венецианца, которые располагаются в палаццо Дожей, но добавляет и другие его картины⁶. Русский автор блестяще повторяет и многоплановые, со сложными ракурсами, композиции итальянского художника.

Далее следует столовая с камином, оформленная менее торжественно и оттого камерная по атмосфере, предназначенная только для членов клуба (рис. 13, 14). Здесь И.И.Нивинскому помогал В.П.Трофимов, оставивший свои инициалы на композиции «Лежащая Венера», авторство оригинала которой восходит к кругу Тициана. Центральный плафон занимает «Вакханалия» – вольная копия с одноименной картины Тициана (рис. 12)⁷. Живописные композиции окружают путти с тяжелыми фруктовыми гирляндами в руках и растительные орнаменты⁸.

В приемной роспись (о ней мы можем судить только по дореволюционной фотографии) выполнена неожиданно в традициях русского классицизма начала XIX века (рис. 15). Сложно сказать, чья это воля – заказчика или авторов, которые, возможно, не увидели противоречия в таком отступлении. Я склоняюсь к тому, что это некий стилистический компромисс между намерениями художников и пожеланиями заказчика.

Рис. 9. Дом Скакового общества. Главный зал. Фото начала XX века

Рис. 10. Дом Скакового общества. Главный зал. Фото автора. 2013

Рис. 11. Дом Скакового общества. Центральный плафон Главного зала. Фото автора. 2013

В 1908–1912 годах была возведена наиболее известная из дореволюционных построек И.В.Жолтовского, ставшая самым обсуждаемым его произведением, – особняк Григория

Рис. 12. Дом Скакового общества. Центральный плафон столовой. Фото автора. 2013

Рис. 13. Дом Скакового общества. Столовая. Фото начала XX века

Рис. 15. Дом скакового общества. Приемная. Фото начала XX века

Тарасова. Отделка интерьеров осуществлялась на протяжении 1910–1912 годов. Здесь внутренние росписи сохранились в хорошем состоянии, что позволяет оценить их высокое художественное качество⁹.

При создании этого произведения Жолтовский опирался уже исключительно на постройки итальянского Ренессанса. Как отмечалось всеми историками архитектуры, особняк Тарасова – это переработанный вариант палаццо Тьене, построенного Палладио в Виченце в 1556 году [18. С. 54; 11. С. 98].

Следуя обычной практике того времени, архитектор лично продумывает все элементы внутренней отделки. Многие детали интерьера были утрачены, но живописные плафоны, к счастью, сохранились. Пространству интерьеров этого особняка архитектор уделял особое внимание. Известно, что расписывали его три художника: И.И.Нивинский, В.П.Трофимов и Е.Е.Лансере. Для разных помещений выбирались образцы различных итальянских школ и мастеров.

Из десяти помещений первого этажа, имеющих живопись, пять расписаны Нивинским (рис. 16). Два кабинета второго этажа, равно как и потолки обеих лестниц, также оформлены

Рис. 14. Дом Скакового общества. Потолок столовой. Фото автора. 2013

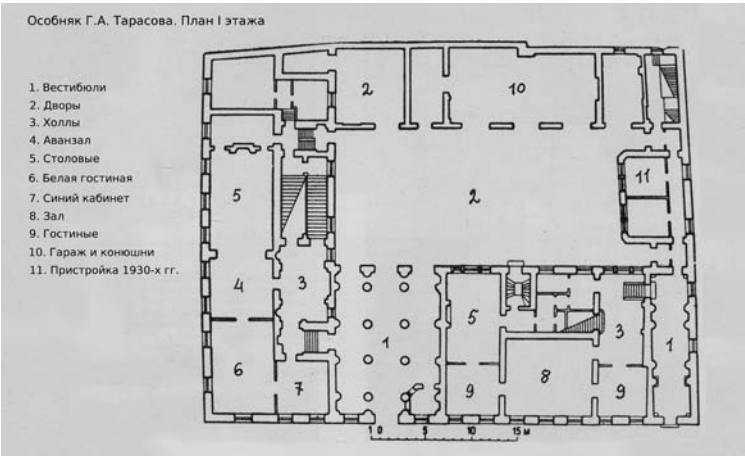

Рис. 16. Особняк Тарасова. План I этажа. [8. С. 63]

им. Параллельно с работами в особняке Григория Тарасова художник занимался росписью интерьеров Музея изящных искусств [12. С. 114–141], тут его технические способности проявились более полно, так как опыт мастера со времени работы над первой постройкой значительно возрос.

Открывает череду расписанных залов парадный вестибюль (или холл) перед лестницей, перекрытый крестовым сводом, вернее даже – цилиндрическим, с двумя распалубками¹⁰. В шельге свода Нивинский воспроизводит, как и в вестибюле дома Скакового общества, фреску Мантеньи, повторяя те же

ошибки, которые были допущены им при декорировании первого интерьера (рис. 17, 18, 19, 20).

Из вестибюля открывается проход к анфиладе залов первого этажа: это две гостиные, фланкирующие парадный зал, и столовая. Гостиные перекрыты сомкнутыми сводами. Центральный зал между ними имеет плоский потолок с балками, между которыми располагаются живописные вставки. В плафонах гостиных располагаются следующие композиции: в первой – копия с картины Тициана «Персей и Андромеда», выполненная, по всей видимости, Нивинским (рис. 21)¹¹. Во

второй гостиной – копия с картины Тинторетто «Происхождение млечного пути» (рис. 22)¹². Ранее этот плафон В.Н.Докучаева ошибочно считала самостоятельным оригинальным произведением Нивинского, выполненным в духе эпохи Возрождения [7. С. 34]. Однако данная роспись создана не Нивинским, а неким художником Ермолаевым, сведений о котором мне обнаружить не удалось¹³.

В плафонах потолка парадного зала воспроизводятся копии различных композиций свода зала Психеи мантуанского палаццо дель Те, расписанных Джулио Романо (рис. 23). Здесь, как и в главном помещении дома Скакового общества, девять секций. В центральном плафоне – композиция «Свадьба Амура и Психеи»; в итальянском оригинале она квадратная, но Нивинский делает ее круглой. Формы других образцов росписей художник также изменил. В плафонах потолка этого зала Нивинский воспроизводит сюжеты мифа о Психее выборочно, поскольку размеры помещения не позволяют ему повторить все композиции, созданные Джулио Романо.

Столовая, завершающая данную анфиладу, имеет цилиндрический свод. Он декорирован квадратными кессонами (низкого профиля) с живописными композициями внутри (рис. 24). В центре свода располагается плафон, представляющий собой копию росписи восточной стены зала Психеи с сюжетом «Приготовление к свадебному пиршеству Амура и Психеи». По стенам – сцены из «Триумфов Цезаря» кисти Мантеньи¹⁴. Очевидно, что помещение,

Рис. 17. Особняк Тарасова. Вестибюль. Фото начала XX века

Рис. 18. Особняк Тарасова. Свод вестибюля. Фото Екатерины Левичевой. 2012

Рис. 19. И.И.Нивинский. Эскиз росписи вестибюля особняка Тарасова. РГАЛИ. Публикуется впервые

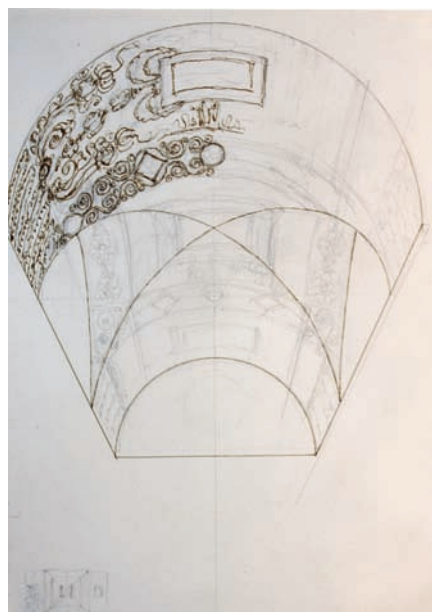

Рис. 20. И.И.Нивинский. Эскиз росписи вестибюля особняка Тарасова. ГНИМА им. А.В.Щусева. Публикуется впервые

декорированное Джулио Романо, было хорошо знакомо И.И.Нивинскому. Сохранилось несколько его эскизов с копиями фресок этого зала. На одном из эскизов воспроизводится конкретно этот фрагмент росписи из итальянского палаццо (рис. 25, 26, 27)¹⁵. Выполненный темперой на холсте, он показывает, как хорошо мастер чувствует композицию и колорит, как анатомически правильно строит пропорции

фигур. Потемневшие полотна, наклеенные на потолки особняка Тарасова, не дают полного представления о мастерстве Нивинского как художника-монументалиста. Поэтому так важны для понимания его творчества изучение и публикация вышеназванных эскизов.

Обеденный зал с камином, находящийся в другой части дома, расписал В.П.Трофимов. Этому залу предшествует

Рис. 21, 22. Особняк Тарасова. Плафоны кабинета первого этажа. Фото Екатерины Левичевой. 2012

Рис. 23. Особняк Тарасова. Потолок главного зала первого этажа. Фото Екатерины Левичевой. 2012

Рис. 24. Особняк Тарасова. Столовая. Фото Екатерины Левичевой. 2012

Рис. 25. И.И.Нивинский. Копия фрески Дж.Романо из зала Психеи. Мантуя. Палаццо Дель Те. ГНИМА им. Щусева. [7. С. 23]

Рис. 26. И.И.Нивинский. Эскиз росписи столовой особняка Тарасова. РГАЛИ. Публикуется впервые

Рис. 27. И.И.Нивинский. Эскиз росписи столовой особняка Тарасова. РГАЛИ [7. С. 14]

аванзал, исполнитель живописного оформления которого неизвестен. Скорее всего, это тоже Трофимов. В пользу данного предположения говорит стилистическая близость росписей аванзала и обеденного зала. Здесь в основе сюжетов – разные ипостаси любви: музыка, сообщающая о любви, фигура Овидия с его возлюбленной, вакханалии как некий пасторальный античный праздник (без культовой подоплеки)¹⁶. Во всех композициях прослеживается влияние Тициана: в позах, в жестах, манере подавать кубок, наливать, запрокидывать голову и т.д. Вообще все сюжеты – на темы перипетий любви: ищущей, страдающей, царствующей.

Кессоны потолка лестницы, ведущей на второй этаж, можно соотнести с кессонами свода сиенской библиотеки Пикколомини, расписанной Пинтуриккио¹⁷.

На потолке одного из кабинетов второго этажа И.И. Нивинский неожиданно воспроизводит картину «Похищение Европы» Франческо Альбани (рис. 28)¹⁸. Насколько мне известно, это единственный случай обращения художника к творчеству мастера XVII века. Плафон потолка второго кабинета украшен композицией «Происхождение млечного пути», воспроизводящей неизвестный мне оригинал, но тоже, судя по всему, итальянский (рис. 29).

Сложно сказать, разделял ли Нивинский итальянский Ренессанс на ранний и поздний, как это делаем сейчас мы. Скорее всего, нет: в одной постройке он мог совмещать разновременные и разностильные произведения. Очевидно, что в этом он не видел противоречия и в своих высказываниях декларировал приверженность классическому искусству Ренессанса. Вся живопись Нивинского в этих плафонах чуть «подправлена» утяжеленной венецианской плотностью фигур, выдвижением их к первому плану, свободой живо-

писного мазка, характерного прежде всего для Веронезе. Общая размытость контуров – дань Венеции. Многие сцены взяты из разных ренессансных композиций с вакханалиями, но они дополнены. Это типичное неоклассическое мышление: цитаты стилизуются, аппликативно «накладываются», сопоставляются.

На первый взгляд может показаться, что работы Нивинского в области монументально-декоративной живописи носят подражательный и исключительно копийный характер. Но это не так. Во всех случаях художник творчески подходит к каждой конкретной задаче, варьируя пропорции и размеры полотен, видоизменяя композиции, количество фигур и их ракурсы. Работая по оформлению интерьеров дома Скакового общества и особняка Тарасова, мастер следовал творческому методу Жолтовского, в соответствии с которым сначала нужно изучить на практике все художественные приемы классического искусства, а уже затем заниматься собственно творчеством. Возможно, работу по созданию настенных росписей и живописных плафонов двух московских зданий Нивинский рассматривал именно как приобщение к великому искусству Возрождения, как вхождение в образный мир итальянского Ренессанса.

Характерно, что Нивинский и Жолтовский выбрали для копирования те памятники, которые видели лично, – этот факт подтверждается архивными документами, фотографиями и зарисовками авторов. Конечно, их познания об искусстве Ренессанса не ограничивались лишь тем, с чем они встречались воочию. Но избранный художниками принцип ориентироваться только на то, с чем они сталкивались непосредственно, заслуживает уважения. Переживание классического искусства не было для них абстрактным. Мечтая о

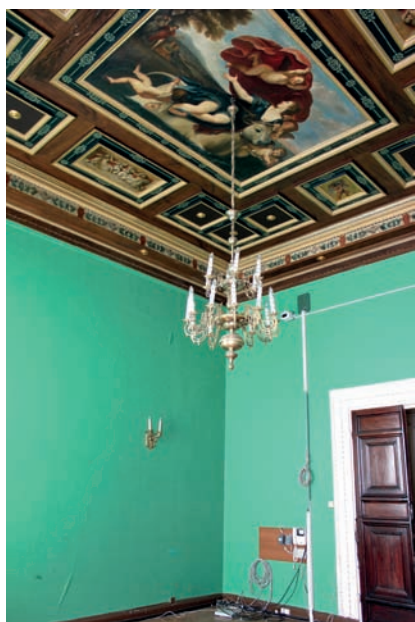

Рис. 28. Особняк Тарасова. Похищение Европы. Плафон кабинета второго этажа. Фото автора. 2013

Рис. 29. Особняк Тарасова. Рождение млечного пути. Плафон кабинета второго этажа. Фото автора. 2013

возрождении ренессансного, идущего от античности, подхода к искусству, свои творческие цели они материализовывали через личные ощущения от встречи с великими памятниками.

Размышляя над фактами появления интерьеров, подобных описанным в статье, можно объяснить их стремлением к созданию некой утопии, эстетическому путешествию во времени, к воскрешению гармоничного духа ушедших времен. Если обращение к русскому варианту классицизма в монументальной живописи начала XX века, имеющее под собой основу в виде конкретной традиции отечественного искусства, стало широко распространенным явлением, то ренессансная ретроспекция в таком виде могла быть только некоторым эпизодическим экспериментом, кратким «воспоминанием» о великой эпохе. В двух московских постройках – доме Скакового общества и особняке Григория Тарасова – успели отразиться романтические устремления замечательных художников, чье творчество развивалось на рубеже XIX и XX веков и в первой половине ушедшего столетия.

Сложно сказать, как бы далее эволюционировала неоренессансная линия в архитектуре и монументальном искусстве России, не случись Первой мировой войны и революции, которые искусственно остановили этот художественный эксперимент. Он возродился в искусстве советской эпохи, но на иной идейной основе и в иных формах, и это уже другая история.

Примечания

¹ Упоминание росписей Е.Е.Лансере встречается в литературе относительно часто: [16, 17, 14, 7]. Причем интересно, что в монографии Докучаевой при описании интерьеров особняка Тарасова живописи Лансере уделено чуть ли не больше внимания, чем самому Нивинскому.

² «По возвращению в Москву по предложению академика архитектуры Жолтовского я написал картины-плафоны для домов Скакового общества, Руперти, Тарасова, Музея Александра III...». Выдержка из автобиографии М.М.Адамовича, написанной им в пайковую комиссию в 1922 году [2. Л. 2].

³ Трофимов Викентий Павлович (1878–1956) – художник, педагог, реставратор. Выпускник московского художественного училища им. Строганова. Близкий друг и однокурсник Игнатия Нивинского по училищу, позже муж его сестры Веры.

⁴ Тинторетто Я.Р. Происхождение млечного пути. 1575. Х., м. 149,5х165. Национальная Галерея. Лондон.

⁵ Это следующие панно Тинторетто: «Витторе Соранцо, ведущий венецианцев на Ардженто», «Оборона Брешиа», «Венецианцы забирают Рива-суль-Гарда у Миланских войск в 1440 году», «Венецианцы борются с арагонцами в Галлиполи в 1484 году» и т.д.

⁶ Например, композиции «Похищение Елены» (1578. Х., м. 186х307. Прадо. Мадрид) и «Происхождение млечного пути» сделаны со станковых произведений Тинторетто.

⁷ Тициан. Вакханалия. 1524. Х., м. 175х193. Музей Прадо. Мадрид.

⁸ Подобных купидонов-победителей можно видеть на картинах Тициана, но прототип образа путти, безусловно, античный.

⁹ Интерьеры сразу были опубликованы в ведущих архитектурных журналах страны [5. С. 85; 4. С. 86–91].

¹⁰ Сохранилось несколько эскизов И.И.Нивинского с разработкой вариантов росписи этого свода: 1) Нивинский. И.И. Эскиз росписи вестибюля особняка Тарасова. Бумага, графитный карандаш, бронзовая краска. 26,6х22,3. РГАЛИ. Ф. 2028. Ед. хр. 25. Оп. 1. Л. 29; 2) Нивинский И.И. Эскиз росписи вестибюля особняка Тарасова. Бумага, графитный карандаш, цветной лак. 27,7х18,9. РГАЛИ. Ф. 2028. Ед. хр. 25. Оп. 1. Л. 31; 3) Нивинский И.И. Эскиз росписи вестибюля особняка Тарасова. Бумага, акварель, графитный карандаш, бронзовая краска. 27,6х18,8. РГАЛИ. Ф. 2028. Ед. хр. 25. Оп. 1. Л. 4; 5) Нивинский И.И. Эскиз росписи вестибюля особняка Тарасова. 1909. Бумага, графитный карандаш. 56,5х45,2. ГНИМА им. А.В. Щусева. РІ-10527; 6) Нивинский И.И. Эскиз росписи вестибюля особняка Тарасова. Бумага, гуашь, графитный карандаш, бронзовая краска. 51х34,2. ГНИМА им. А.В. Щусева. РІ-10525.

¹¹ Тициан Вечеллио. Персей и Андромеда, 1554–1555. Собрание Уоллес, Лондон.

¹² Тинторетто Я.Р. Происхождение млечного пути. 1575. Х., м. 149,5х165. Национальная Галерея. Лондон.

¹³ В правом нижнем углу композиции мне удалось расшифровать подпись «Ермолаевъ», на которую не обращали внимание предыдущие исследователи. Но поскольку художник не оставил инициалов, соотнести его с кем-либо из работавших в это же время однофамильцев не удалось.

¹⁴ С 1480 по 1495 год по заказу дома Гонзаго Мантеня выполнил цикл «Триумф Цезаря», предназначенный для украшения дворцового театра в Мантуе. «Триумфы» – это девять огромных холстов, каждый около трех метров длиной.

¹⁵ 1) Нивинский И.И. Мантуя. Палаццо Дель Те. Холст, темпера. ГНИМА им. А.В.Щусева. РІV-809; 2) Нивинский И.И. Палаццо Дель Те. Мантуя. Холст, темпера. 46,6х31,4. ГНИМА им. А.В. Щусева. РІV-810; 3) Нивинский И.И. Мантуя. Палаццо дель Те. Бумага, гуашь, акварель, графитный карандаш. 27,6х18,8. ГНИМА им. А.В. Щусева. РІ-10522. Также сохранилось два эскиза с разработкой росписи основной поверхности свода: 1) Нивинский. И.И. Эскиз росписи столовой особняка Тарасова. Бумага, гуашь, графитный карандаш, бронзовая краска. 22,2х26,7. РГАЛИ. Ф. 2028. Ед. хр. 25. Оп. 1. Л. 28; 2) Нивинский. И.И. Эскиз росписи столовой особняка Тарасова. Бумага, акварель, графитный карандаш, бронзовая краска. 24,3х19,8. РГАЛИ. Ф. 2028. Ед. хр. 25. Оп. 1. Л. 33.

¹⁶ К Овидию обращались тогда многие художники, например, В.А.Серов совместно с М.В.Добужинским в 1910–1911 годах создал множество эскизов на темы «Метаморфоз» Овидия. Эти эскизы предназначались для неосуществленной росписи особняка Е.П.Носовой. В нашем случае литературным источником, скорее всего, послужила книга «Наука любви».

¹⁷ В то же время в качестве прототипов могли быть использованы росписи Апартаментов Борджиа и капеллы Санта Мария дель Пополо в Риме.

¹⁸ Франческо Альбани. Похищение Европы. Ок. 1640–1645 гг. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

Автор выражает глубокую признательность Дудиной Татьяне Александровне — заведующей Отделом фондов графики Музея архитектуры им. А.В.Щусева, и Ивановой Татьяне Викторовне — старшему научному сотруднику Музея архитектуры им. А.В.Щусева, за помощь при работе в фондах музея и предоставленные изобразительные материалы.

Литература

1. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва). Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 98.
2. РГАЛИ. Ф. 283. Оп. 2. Ед. хр. 529.
3. Ежегодник Общества архитекторов-художников. СПб. 1908. С. 37–44.
4. Ежегодник Общества архитекторов-художников. СПб., 1913. Вып. 8. С. 86–91.
5. Московский архитектурный мир. М., 1912. Вып. 1. С. 85.
6. Данилова И.Е. Итальянская монументальная живопись. Раннее Возрождение. Л., 1970.
7. Докучаева В.Н. И.И. Нивинский. М., 1969.
8. Игнатьева Л.И. Мастерство интерпретации пространства // Искусство. М., 1990. С. 61–66.
9. Кузнецов А.В. Своды и их декор. М., 2003.
10. Нащокина М.В. Архитекторы московского модерна. М., 2005.
11. Нащокина М.В. Наедине с музой архитектурной истории. М., 2008.
12. Никольский А.А. Неоклассические тенденции в монументально-декоративной живописи интерьеров Музея изящных искусств в Москве. Неизвестные эскизы Р.И. Клейна и И.И. Нивинского // Искусствознание. М., 2015. № 1–2.
13. Ощепков Г.Д. И.В. Жолтовский. Проекты и постройки. М., 1955.
14. Подобедова О.И. Евгений Евгеньевич Лансере. М., 1961.
15. Смирнова И.А. Монументальная живопись итальянского Возрождения. М., 1987.
16. Толстой В.П. Е.Е. Лансере – мастер советской монументальной живописи // Ежегодник института истории искусств АН СССР 1956. М., 1957.
17. Толстой В.П. Советская монументальная живопись. М., 1958.
18. Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. М., 2010.

Literatura

1. RGALI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva, Moskva). F. 2028. Op. 1. Ed. hr. 98.
2. RGALI. F. 283. Op. 2. Ed. hr. 529.
3. Ezhegodnik Obshhestva arhitektorov-hudozhnikov. Sankt-Peterburg, 1908. S. 37–44.
4. Ezhegodnik Obshhestva arhitektorov-hudozhnikov. Sankt-Peterburg, 1913. Vyp. 8. S. 86–91.
5. Moskovskij arhitekturnyj mir. M., 1912. Vyp. 1. S. 85.
6. Danilova I.E. Italijskaya monumentalnaya zhivopis. Rannee Vozrozhdenie. L., 1970.
7. Dokuchaeva V.N. I.I. Nivinskij. M., 1969.
8. Ignateva L.I. Masterstvo interpretatsii prostranstva // Iskusstvo. M., 1990. S. 61–66.
9. Kuznetsov A.V. Svody i ih dekor. M., 2003.
10. Nashhokina M.V. Arhitektory moskovskogo moderna. M., 2005.
11. Nashhokina M.V. Naedine s muzoj arhitekturnoj istorii. M., 2008.

12. Nikolskij A.A. Neoklassicheskie tendentsii v monumentalno-dekorativnoj zhivopisi interiorov Museya izyashnyh iskusstv v Moskve. Neizvestnye eskizy R.I. Kleina i I.I. Nivinskogo // Iskusstvovoznaniye. M., 2015. № 1–2.
13. Oshepkov G.D. I.V. Zholtovskij. Proekty i postrojki. M., 1955.
14. Podobedova O.I. Evgenij Evgenievich Lansere. M., 1961.
15. Smirnova I.A. Monumentalnaya zhivopis italijskogo Vozrozhdeniya. M., 1987.
16. Tolstoj V.P. E.E. Lansere – master sovetsoj monumentalnoj zhivopisi // Ezhegodnik instituta istorii iskusstv AN SSSR. 1956. M., 1957.
17. Tolstoj V.P. Sovetskaya monumentalnaya zhivopis. M., 1958.
18. Han-Magomedov S.O. Ivan Zholtovskij. M., 2010.

Italian Renaissance and Russian Early 20th Century Russian Neoclassical Mural Painting (on the example of mural paintings at the Racing Society House and the Grigori Tarasov Mansion).

By A.A. Nikolskij

The Racing Society House and the Grigori Tarasov Mansion – two buildings in the fashionable Neoclassical style were created in Moscow during the first pre-revolutionary decades by the architect Ivan Zholtovsky and the artist Ignaty Nivinsky, who demonstrated in these monuments their attempt to combine architecture and mural painting. Drawing from the traditions of the Italian Renaissance, they based their creations on specific artwork, which is shown in the article. The author also puts into scholarly circulation some previously unknown Nivinsky's sketches for painting the interiors of the two buildings.

Ключевые слова: Иван Владиславович Жолтовский, Игнатий Игнатьевич Нивинский, дом Скакового общества, особняк Г.И. Тарасова, итальянский Ренессанс, неоклассицизм, монументально-декоративная живопись, интерьеры, эскизы росписей.

Key words: Ivan Zholtovsky, Ignaty Nivinsky, the Racing Society House, the Grigori Tarasov mansion, Italian Renaissance, Neoclassicism, monumental and decorative art, interiors, sketches.

Неовизантийские мотивы в архитектуре Испании

Ю.Р.Савельев

История неовизантийского стиля в европейской архитектуре XIX – начала XX века гораздо лучше исследована в странах Северной Европы – Германии, Австрии, Англии и почти неизвестна на самом средиземноморском юге – в Испании и Италии. В значительной мере это объясняется тем, что неовизантийские здания возводились в странах, где отсутствовали памятники классического средневекового византийского периода. Мастера историзма стремились охватить в своем творчестве все средневековые стили, включая неовизантийский. Немногочисленные неовизантийские здания Италии еще не стали предметом изучения по вполне понятной причине: они долгое время не ценились по сравнению с великолепными архитектурными произведениями византийской Италии в Равенне, Риме, Милане, Венеции, Неаполе, Бари, в Апулии и на Сицилии.

Испания в этом отношении занимает весьма сложное положение, которое отличает ее от других европейских стран. Культурно связанная с Восточной Римской империей в период раннего Средневековья, в дальнейшем она находилась в церковной зависимости от Рима, будучи полностью ориентирована на католическую традицию в культуре и искусстве, что выражалось в преобладании романского и готического стилей.

Однако в раннесредневековой Испании, как и в эпоху Античности, юг страны и Балеарские острова входили в состав Римской империи, Византии, и император Юстиниан планировал восстановить территорию державы периода расцвета. Присоединение Южной Испании облегчалось сохранением на ее землях римских порядков. Жители, исповадовавшие православие, были враждебны вестготам Толедского королевства. К тому же портовые города юга страны имели прочные торговые связи с Византией.

Завоевание Испании началось с севера Африки, возвращенного Юстинианом в лоно империи после господства вандалов. Тогда же был создан, как известно, Африканский экзархат с центром в Карфагене. Одна из новых византийских столиц Испании получила название Новая Картагена (сегодня в провинции Мурсия). Поэтому юг страны, вновь оказавшись в VI веке под властью Византийской империи, испытал значительное влияние христианской культуры византийской Африки. Несомненна родственность византийской архитектуры Северной Африки и Испании тех лет. Данный факт подтверждают археологические раскопки церквей в Альгезаресе в окрестностях Новой Картагены и в Сан-Педро-де-Алькантара близ другой, более значительной византийской столицы Ис-

пании – Малаги на южном побережье полуострова. Этот город – крупнейший порт на южном побережье – был тесно связан с византийской Африкой, откуда и распространялись церковные и культурные влияния империи.

Несмотря на относительную кратковременность обладания Константинополя югом полуострова в 552–624 годах, этот период явился фундаментальным для дальнейших судеб Испании, вестготской монархии, испанской церкви, архитектуры и искусства. В эти годы произошло событие, которое ввело Вестготское королевство в круг византийской, то есть римской, цивилизации. Обращение короля Рекаредо (586–601) в православие (ортодоксально-никейское христианство) в 587 году превращает его из короля вестготов в покровителя всего испано-романского населения полуострова. Несомненно, что присоединение к римской (византийской) церкви одного из самых могущественных монархов Европы не обошлось без влияния Константинополя, ведь Толедо, столица вестготов, находился в церковной зависимости от Новой Картагены, византийской столицы Иберии.

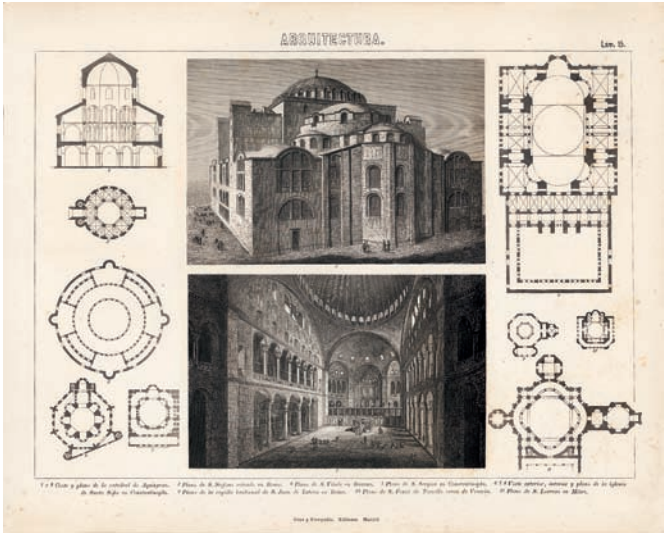
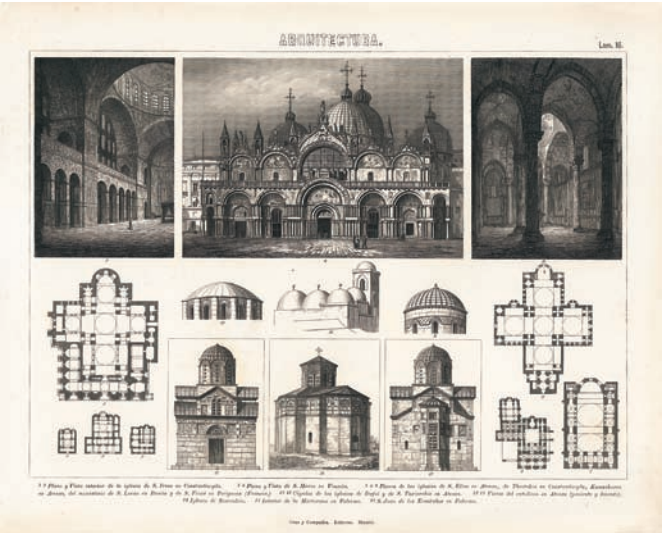
Исследователи подчеркивают влияние Византии на весь ход развития Толедского королевства (по П. Губеру): еще при отце Рекаредо короле Леовихильдо (572–586) происходит «византинизация» вестготского государства. С конца VI века вестготские короли начали подражать византийским императорам в организации придворного церемониала, для которого заказывались атрибуты власти по византийским образцам. Византия оказала значительное влияние на испанскую церковь: от стилистики икон до чинопоследования литургии. По археологическим данным, с середины VI века предметы и украшения, изготовленные в готском стиле, вышли из моды, их место все чаще стали занимать более изысканные произведения византийского происхождения.

В более позднее время, в самом начале Реконксты, центром византийских влияний становится Арагонское королевство (XII – XV века) – обширная средиземноморская монархия, включавшая Арагон, герцогство Барселонское, королевство Валенсии, Балеарские острова, Сицилию, Неаполь и Афинское герцогство. К византийским императорским династиям Комнинов и Ангелов принадлежали короли испанской Реконксты – король Арагона и Валенсии Яков I Завоеватель (1213–1276) и король Кастилии Альфонсо X Мудрый (1252–1284). Благоприятное влияние средиземноморской культуры и самобытной архитектурной традиции вылилось в создание так называемой средиземноморской готики, сильно отличавшейся от средневропейской.

Византийские влияния в Испании стали предметом изучения в ходе эволюции исторической науки и искусства историзма в XIX веке и продолжают поныне. Время правления королевы Изабеллы II (1833–1868) считается эпохой первого расцвета романтизма и историзма в испанском искусстве и архитектуре. Внимание к истории зодчества, проектирование в разнообразных исторических стилях, изучение, реставрация и реконструкция памятников национальной архитектуры, преимущественно готической и романской, развитие археологии – все это характеризует данный период в испанском искусстве. Тогда же начинаются ставшие столь характерными для тех лет путешествия европейцев, в том числе испанцев, на Восток. Прежде всего в Италию, где византийские памятники можно увидеть в Венеции, Равенне и на Сицилии.

Среди посетителей Венеции был знаменитый писатель Педро Антонио де Аларкон (1833–1891), описавший свои впечатления от этого византийского города и полагавший, что пребывание в Венеции – это уже почти пребывание на

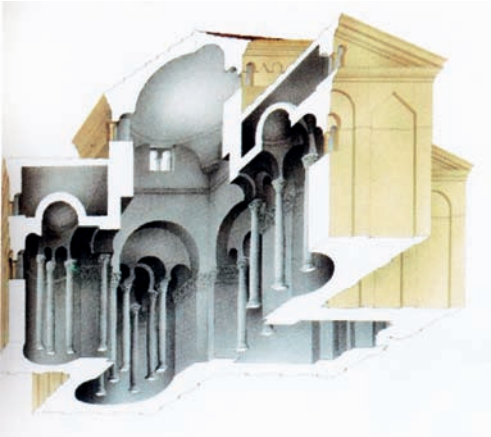
Востоке. Известный испанский историк, писатель и политик Эмилио Кастеляр (1832–1899) писал о соборе Св. Марка как о свидетеле всей богатейшей истории республики. Испанские путешественники отправлялись и дальше – в Грецию, Турцию, на Святую Землю. Их публикации пробудили в испанском обществе интерес к Византии, в то время как история архитектуры стала занимать все больше места в учебных программах архитектурных школ. В Мадриде издавались альбомы с чертежами памятников разных эпох, включая византийский период. Многие испанские зодчие получали образование за границей, прежде всего во Франции, где историзму принадлежала почетная роль в период правления короля Луи Филиппа (1830–1848) и императора Наполеона III (1852–1870). В Каталонии более заметным оказалось влияние немецкой архитектурной школы, где все более популярным становился Rundbogenstil («стиль круглых арок») в отличие от неоготического «стиля стрельчатых арок». Поэтому неовизантийские мотивы часто включались в неороманский архитектурный контекст.

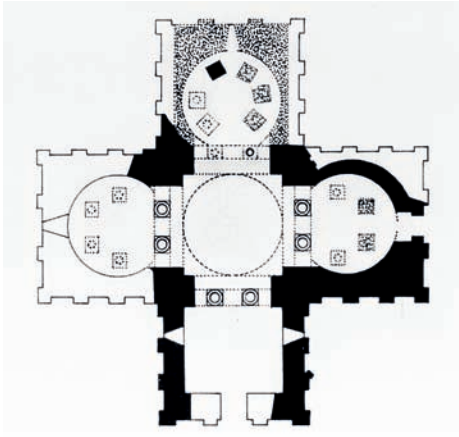
Византийская архитектура. Атлас «Всеобщей истории архитектуры». Мадрид. Последняя четверть XIX века

Византийская капитель. Константинополь. VI век. Археологический музей Каталонии. Барселона

Церковь Спасителя (Св. Фруктуоза де Монтелиос). Брага. 656–665. Реконструкция. Аксонометрия. План

В самой же Испании историзм, наряду с эклектикой, занимает главное место в архитектуре при королях Альфонсо XII (1874–1885) и Альфонсо XIII (1886–1931) в эпоху так называемой Реставрации монархии. В этот продолжительный и плодотворный период зодчие увлеклись формами мавританского, романского и готического искусства, разнообразными орнаментальными и декоративными мотивами, создавая в каждой из провинций своеобразный, основанный на местных традициях архитектурный стиль. Среди конструктивных и декоративных мотивов встречаются и романо-византийские с использованием мозаики, орнаментальных росписей, арочных форм, средневековых ордеров с богато украшенными капителями и перспективными порталами.

Первые неовизантийские мотивы появились в архитектуре городов испанского Леванта – Барселоны и Валенсии – в 1860-е годы. Вначале они были более характерными для

интерьеров, чем для внешнего облика зданий. Тем не менее первые неовизантийские мотивы вводятся в композиции фасадов реконструированных средневековых храмов, например церкви Св. Марии в городе Матаро (1861–1864) к северу от Барселоны. Архитектор Хосеп Симо-и-Фонткуберта использовал в композиции ее фасада аркатурно-колончатые пояса из рядов декоративных арочек со статуями святых, обозначивших двухэтажную структуру здания. Возведенный в 1871 году фасад церкви Сант-Генис в городе Вилассаре, по свидетельству современников, также содержал неовизантийские элементы. Архитектор храма Мигель Гаррига-и-Рока (1804–1888), исполнявший должность городского архитектора Барселоны, построил свое наиболее известное произведение – оперный театр Лисео.

Ведущая роль в каталонской архитектурной школе принадлежала в те годы Элиасу Роженту (1821–1897). Получив

Э.Рожент. Актальный зал (Parapífo) Университета Барселоны. 1863–1892. Колоннада над входом. Вид от главного входа

Р.М.Хименес Крос. Оракторий (молельня) во дворце маркизов де Дос Агуас. Валенсия. 1867. Общий вид. Капители

в 1851 году диплом архитектора, он путешествовал по Европе, посетил Францию и Германию, возглавлял архитектурное образование в Барселоне и руководил работами по сооружению павильонов Всемирной выставки 1888 года. По проекту зодчего были отреставрированы многие средневековые храмы и монастыри, среди которых знаменитый романский монастырский ансамбль Санта-Мария-де-Риполь. Если в реставрации архитектор следовал идеям Э. Виолле-ле-Дюка, то в области современного строительства его творчество можно отнести к традиции немецкого Rundbogenstil. Именно в подобном ключе был выполнен проект и затем построили здание Университета Барселоны (1863–1892). При достаточно скупом, даже суровом внешнем облике великолепно продуманы весь план здания, главный вестибюль, внутренние дворы, окруженные аркадами. Центром ансамбля и самым парадным пространством был задуман актовый зал (Paraninfo), весьма эклектичный благодаря применению элементов разных стилей, но удивительно цельный по своему композиционному и цветовому решению. Он представляет собой своеобразный контраст суровым фасадам университета. Как и в других интерьерах, архитектор вводит в декор зала мотив арок – то мавританских, то романских, то византийских. На аркаду же опираются просторные хоры над входом, а византийские мотивы придают ей особую торжественность и стройность. Художественные достоинства этого пространства определялись удивительно талантливо организованной системой декора, ставшей отличительной особенностью историзма в 1860–1870-е годы, в частности, с применением неовизантийских мотивов.

Примеры подобной стилистики характерны и для Валенсии. Среди них следует упомянуть небольшой ораторий (молельню) 1867 года в великолепном дворце маркизов де Дос Агуас. Архитектор Рамон Мария Хименес Крос (1829–1865) создал на основе византийских орнаментальных мотивов лаконичную композицию из арок, ниш, колонн и пилястр с использованием благородного сочетания белого (стены), голубого (свод) и золотого (фон живописи) цветов. Византийская орнаментика сосредоточена в трехлопастной арке над престолом, в декоре капителей, главной арки под потолком и в обрамлении живописных сцен (художник Хосе Брель, 1841–1894), чем подчеркивается архитектурно выявляемая конструкция интерьера.

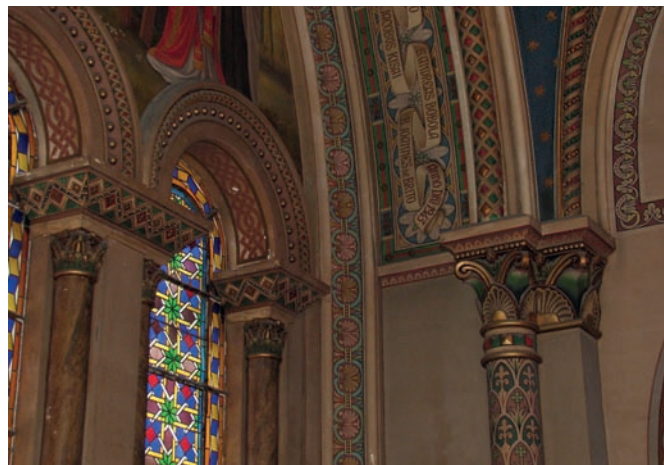
Богатство византийской орнаментики нашло применение и в довольно эклектичном интерьере церкви Пресвятой Девы Марии Милостивой (сегодня – церкви Пресвятой Девы Марии дель Пуч) (1875–1877). Архитектор Хоакин Мария Кальво ввел орнаментальные мотивы в декор центральной апсиды, боковых арок, конструктивные элементы интерьера, что в сочетании с элементами неоготики придало ему еще большую декоративность.

Наиболее известные здания Валенсии с неовизантийскими мотивами построены по проекту Хоакина Марии Бельды Ибаньеса (1839–1912), который принадлежал к се-

мье потомственных зодчих, учился в Валенсии и Мадриде. Однако именно благодаря неовизантийским интерьерам в наши дни архитектора вспоминают особенно часто. В проектах он придал интерьерам удивительно жизнерадостный характер за счет богатства и разнообразия декоративных мотивов, выявляющих их конструкцию и архитектурные формы. Большая роль при восприятии декоративных эффектов принадлежит цвету, в чем видится хорошее знакомство зодчего с атласами орнаментальных стилей, издававшимися во Франции и Испании. Однако декоративные возможности ярких цветов использованы им в гармонии с общим архитектурным замыслом, дополняют и обогащают его.

Наиболее известен интерьер храма Дома благотворительности (Iglesia de la Casa de la Beneficencia) 1875–1883 годов. Как и в актовом зале Университета Барселоны, основным его мотивом являются аркады. Но здесь они имеют конструктивное значение, обрамляя пространство открытых галерей первого этажа и хоров. Роль купола выполняет световой фонарь в центре плоского, но перенасыщенного декором плафона. В декоративном убранстве интерьера преобладают орнаментальные мотивы, а также живописные изображения ангелов и святых, прославляющих Деву Марию, которой посвящен храм. Росписи принадлежат кисти известного валенсийского художника Антонио Кортины (1841–1890), завершившего работы в 1883 году.

Двумя годами позже, в 1885 году, Хоакин Бельда построил еще один базиликальный храм с насыщенным декором интерьером – Во Имя Святейшего Сердца Иисуса при Институте ордена иезуитов Св. Иосифа в той же Валенсии. Выдержанный в неороманских формах с элементами неоготики, он был украшен не так богато, как предыдущий, но с использованием растительных мотивов и священных изображений. Полихромная орнаментика выявляла архитектурные формы аркад, колонн и пилястр. После разрушительной гражданской войны церковь была реставрирована в 1940–1943 годах под руководством архитектора Мануэля Периса Вальбона.

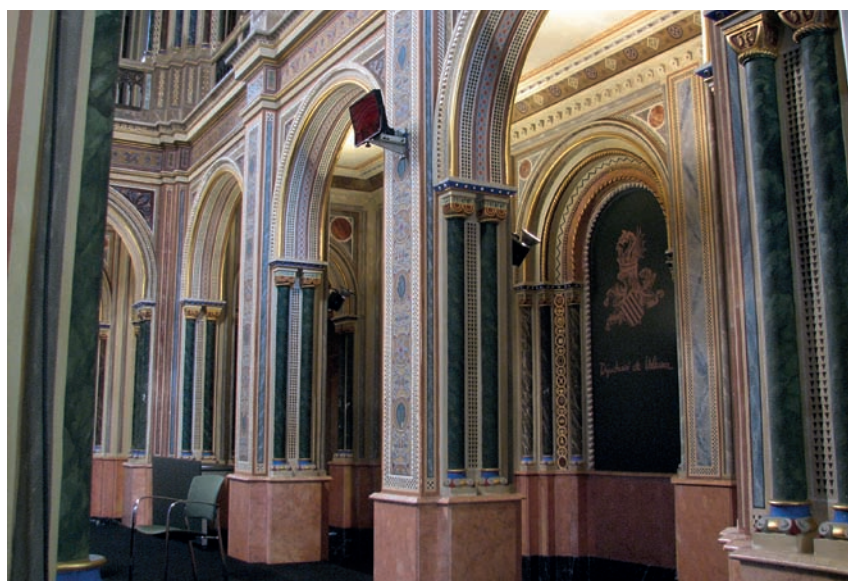
Х.М.Бельда Ибаньес. Церковь Святейшего Сердца Иисуса при Институте ордена иезуитов Св. Иосифа. Валенсия. 1885. Реставрация 1940–1943 годов. Фрагмент интерьера

Бельда Ибаньес. Церковь Дома благотворительности. Валенсия. 1875–1883
«Парус» плафона с изображением орла – символа евангелиста Иоанна. Вид на плафон из галереи

Интерьер

Боковая галерея. Перспектива. Вид из зала

В декоративной системе интерьеров обоих храмов несомненно использование неовизантийских мотивов. Но во втором оно уже не столь активно, что говорит о принадлежности храма к следующему периоду эволюции неовизантийского стиля, когда декор уступает свою ведущую роль самим архитектурным формам, более отчетливо следующим византийским прототипам с полным подчинением орнаментики и системы росписи.

Памятником переходного периода приходится признать церковь Святейшего Сердца Иисуса ордена иезуитов в Барселоне, возведенную архитекторами Жоаном Марторелем и Камилем Оливересом в 1882–1889 годах. Жоан Марторель (1833–1906) – крупнейший каталонский зодчий, учитель Антонио Гауди. В этом здании он талантливо соединил неороманские и неовизантийские мотивы, которые на сей раз были выражены не только в интерьере, но и во внешнем облике архитектурного ансамбля школы и церкви, увенчанной куполом на барабане. В основу структуры храма была положена византийская крестово-купольная система: паруса и подпружные арки, апсиды с конхами вызвали реминисценции с ясно читаемой восточной традицией. Они усиливались благодаря стилистике росписи на золотом фоне, близкой назарейцам. Основное внимание, согласно законам византийской эстетики, зодчий уделил главным в символическом отношении куполу и центральной апсиде, покрытым росписями и декором. В системе декора преобладали арочные композиции, включая окна с витражами и аркаду открытого в храм алтарного пространства. Подобная композиция будет повторена в более позднем интерьере Мартореля и послужит образцом для проектирования других храмов Барселоны.

На протяжении этого периода испанские зодчие, подобно Марторелю, уже не ограничивались включением в свои проекты византийской системы декора и отдельных конструктивных элементов, а обратились к воспроизведению целостной системы византийского храма, конечно же с

деталью других неосредневековых стилей. Это свидетельствовало о более глубоком изучении истории византийской архитектуры и осознании ее значения для европейской культуры. Начиная с 1880-х годов эволюция неовизантийского стиля затронула и другие города Испании – Гвадалахару, Мадрид и Овьедо.

В Гвадалахаре мадридский зодчий Рикардо Веласкес Боско (1843–1923) строит пантеон герцогини де Севильяно – одно из наиболее интересных неовизантийских зданий Испании. Веласкес – великолепный график, реставратор и историк архитектуры, впоследствии возглавивший Высшую архитектурную школу Мадрида, в 1880 году был приглашен читать там лекции по истории архитектуры. Когда в 1882 году самый известный меценат Гвадалахары обратилась к нему с заказом, архитектор не сомневался в выборе стилистики проекта, отдав предпочтение средневековой архитектуре. Именно эта тема была избрана им в 1894 году для вступительной речи в Академии художеств.

В довольно эклектичном внешнем облике пантеона византийские влияния не столь заметны, как в интерьере. Однако за неороманскими фасадами легко читается крестово-купольная структура византийского происхождения с планом в форме равноконечного креста. Византийские орнаментальные мотивы включены также в декор главного портала, что придает ему необходимую торжественность. Неовизантийская стилистика преобладает и в интерьере. Что касается системы декора, то в ней главенствуют мозаики, покрывающие стены, и мраморные детали – арки, киоты, пилястры, разноцветные вставки. Устремленное вверх пространство пантеона декорировано согласно византийским канонам. На золотом фоне купола символически изображены Святой Дух в виде голубя, коронация Девы Марии с коленопреклоненными ангелами и архангелы. В парусах – евангелисты, на арках – медальоны с изображением святых, а на пилястрах – святые в рост. Композиция мозаичных сюжетов удивительно напоминает русские об-

Ж. Марторель и Камиле Оливерес. Церковь Святейшего Сердца Иисуса при Институте ордена иезуитов. Барселона. 1882–1889. Главный алтарь и боковые компартименты. Роспись конхи алтарной апсиды

Ж. Марторель-и-Монтельс, К. Оливерес. Церковь Святейшего Сердца Иисуса в Барселоне. 1882–1889. Ансамбль храма и института. Фото 1939 года

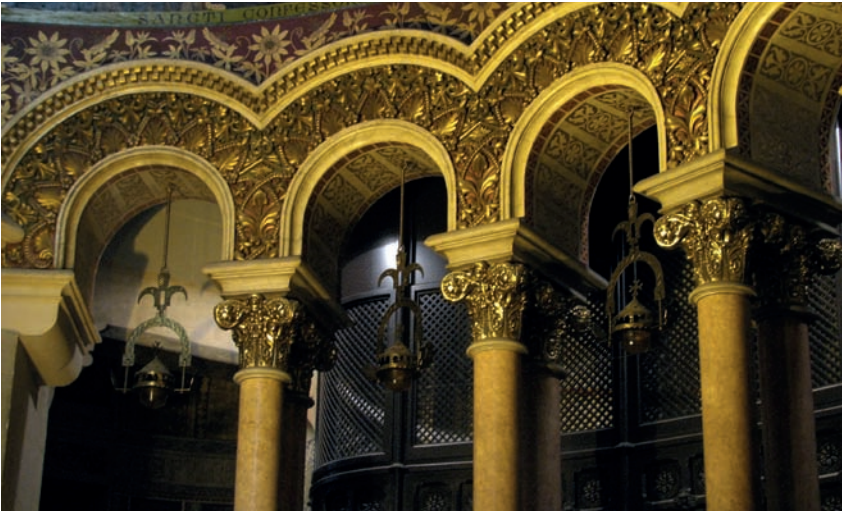
Купол и фрагмент фасада

Вид на алтарь и центральный купол

Купол и подпружные арки

Аркада центральной апсиды

Апсида бокового компартимента

Р.Веласкес Боско. Пантеон герцогини де Севильяно. Гвадалахара. 1885–1921. Вид со стороны главного входа. Купол и подпругные арки

Обрамление главного входа

Орнаментальная резьба над главным входом

Мозаика бокового свода

Мраморные капители в декоре интерьера

разцы того же стиля. Строительство с последующей богатой отделкой здания пантеона началось в 1885 году и завершилось в 1921-м.

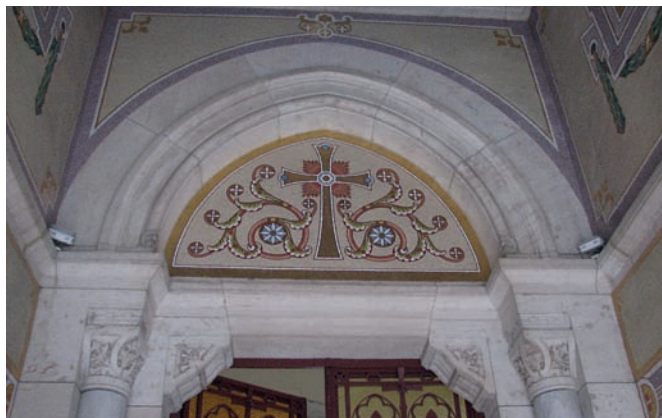
Подобно архитектору пантеона, к мадридской архитектурной школе принадлежал известный испанский зодчий, автор реконструкции музея Прадо Фернандо Арбос-и-Треманти (1840–1916) – создатель двух самых известных неовизантийских зданий столицы Испании. Он учился в Париже, затем в Высшей архитектурной школе Мадрида, которую закончил в 1869 году. В своем творчестве часто использовал знание истории архитектуры, а тема вступительной лекции 1898 года в Академии художеств «Наиболее кульминационные трансформации христианской архитектуры» свидетельствовала о его хорошем знакомстве с историей средневекового зодчества. Знания византийского периода пригодились ему при работе над проектом Королевской базилики Господи Нашей Аточи (Basilica de Nuestra Señora de Atocha), завершеном в 1890 году. Как и в пантеоне Веласкеса, в основу проекта была положена структура византийского происхождения – тетраконх, – дополненная просторным сводчатым нефом с западной стороны. Однако декоративные детали, заимствованные из арсенала не только византийского, но в целом средиземноморского зодчества, представляли причудливое, но довольно органичное сочетание разных стилей. В проект ансамбля, предназначенного для церемоний королевского двора, были включены малые павильоны, увенчанные куполами, галереи и даже колокольня, образцом которой послужила венецианская кампанила собора Св. Марка.

Строительство ансамбля велось в 1892–1899 годах, но так и не было доведено до конца. Возвели лишь П-образную галерею с внутренним двориком, которая должна была примыкать к собору, и колокольню. Построенное здание, в котором расположился «Пантеон выдающихся личностей» (Panteon delos Hombres Ilustres), дает представление об архитектурном замысле всего ансамбля и системе его декора с использованием византийских деталей, купольных форм, сводчатых и арочных конструкций. Наряду с композиционными особенностями византийские истоки замысла обозначались на фасадах чередующимися рядами белой и серой мраморной облицовки, как в храмах Северной Италии, где этот прием был заимствован из Византии.

На противоположном конце обширного парка Эль-Ретиро по проекту Ф. Арбоса был построен самый известный неовизантийский храм в Мадриде – Св. Мануэля и Св. Бенедикта (1902–1910). Талантливый зодчий поставил здание на довольно сложном по конфигурации участке, расположив главный вход под колокольней и повторив в основных чертах композицию неполного тетраконха (южная экседра осталась усеченной). В облик здания он ввел декоративные «минареты», отдав дань восточной традиции. Главным достоинством храма, роднящим его с византийскими образцами, стало огромное подкупольное пространство, свободное

Ф.Арбос-и-Треманти. «Пантеон выдающихся личностей». Мадрид. 1892–1899. Боковой павильон

Мозаика и декор главного входа

Проект ансамбля

от внутренних опор. Поверхность купола, барабана, парусов, центральной апсиды и боковых экседр была покрыта талантливо выполненной мозаикой, изображавшей святых в орнаментальном обрамлении на золотом и зеленоватом фоне. Наряду с мозаичным убранством византийские мотивы поддерживались мраморным декором стен. Благородный серый оттенок дополняло многоцветье колонн с беломраморными капителями разных форм растительного рисунка.

Неовизантийская стилистика всего архитектурного пространства напоминает интерьер строившейся почти одновременно церкви Сан-Хуан-эль-Реаль в городе Овьедо на севере Испании. Автором проекта был талантливый выпускник мадридской Высшей архитектурной школы 1894 года Луис Бельидо Гонсалес (1869–1955). Проект был выполнен в 1901 году, а строительство велось в 1905–1915 годах. За довольно эклектичным внешним обликом здания, облицованного натуральным камнем с обилием декоративных элементов, едва угадывается структура базилики, завершенная с востока формой тетраконха и увенчанная куполом. В отличие от мадридского храма, базиликальность видна и в интерьере по контрасту с вертикальной динамикой подкупольного пространственного объема. Отличие заключается в активном выявлении формы арок, опирающихся на сгруппированные у их основания пилястры. В интерьере преобладает неороманская стилистика, хотя пространственное решение, элементы мраморного декора и мотивы живописных сюжетов адресуют к византийской традиции.

Как было показано, мадридская архитектурная школа дала несколько великолепных примеров неовизантийской стилистики, и, следуя логике ее эволюции, необходимо вернуться к произведениям каталонской архитектурной школы, находившейся на подъеме в начале XX века. В период каталонского Возрождения (la Renaixença) первостепенное значение приобрели национальная история и культура, а также обращение к истокам христианской духовности, одним из свидетельств которой было византийское зодчество. Об этом писал известный каталонский зодчий, историк и публицист Жозеп Пуч-и-Кадафалк (1867–1956). В своем исследовании византийских влияний в испанской средневековой архитектуре он обратился не только к истории юга полуострова и Балеарским островам, где византийские памятники зафиксированы археологически, но и средиземноморского побережья Каталонии. Зодчий признавал большое значение восточной литургии, усвоенной в средневековой Испании благодаря североафриканским византийским влияниям, ее роль в церковной архитектуре.

Большое внимание византийской архитектуре уделял в своих записках Антонио Гауди (1852–1926), считая ее одним из важнейших стилей в средиземноморской архитектурной традиции. В значительной мере на формирование его мировоззрения повлиял Жоан Марторель. Неовизантийские идеи в архитектурном мире Каталонии представляли и другие ее наиболее известные мастера – Л. Доменек-и-

Монтанер (1850–1923), Ж. Доменек-и-Эстапа (1858–1917), А. Фонт-и-Каррерас (1846–1924) и многие другие.

В начале XX века в Барселоне продолжает развиваться неовизантийская традиция предшествующего периода.

Ф.Арбос-и-Треманти. Храм Св. Мануэля и Св. Бенедикта. Мадрид. 1902–1910

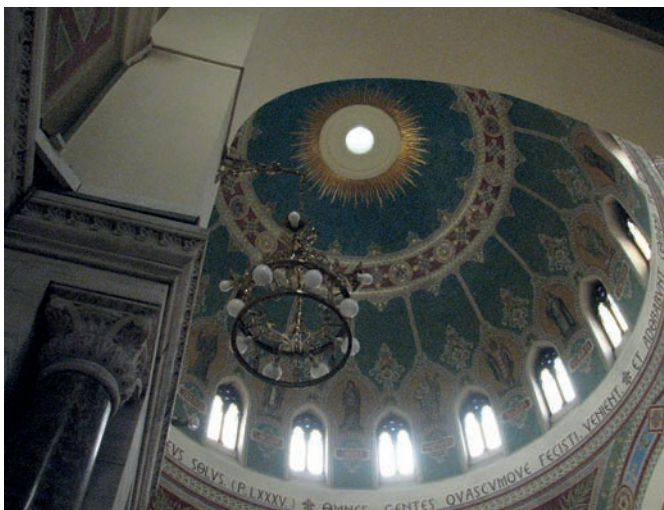
Интерьер храма

Интерьер храма Св. Мануэля и Св. Бенедикта. Мадрид

Купол и подпружные арки

Купол и фрагмент декора

Мозаичное изображение херувима. Фриз конхи центральной апсиды

Мозаика алтаря. Христос Вседержитель с апостолами св. Петром и св. Иоанном Евангелистом

Мозаичное изображение крылатого льва – символа евангелиста Марка

Марторель проектирует и строит в 1904–1913 годах церковь Сердца Девы Марии (*santuario del Cor de María*), в интерьере которой развивает композиционные идеи своего предшественника – храма Святейшего Сердца Иисуса (1882–1889). В новом интерьере опять воспроизведена византийская крестово-купольная структура. Основное внимание уделено декорированию купола и особенно центральной алтарной апсиды, где использованы мотив аркады и орнаментальная живопись, в конхе появляются образы Св. Троицы, Девы Марии и предстоящих святых. Разнообразие убранства дополняется цветными витражами и скульптурными изображениями ангелов. Здесь участвуют все виды искусства: архитектура, скульптура, живопись, орнаментика и витраж. Богатство интерьера скрыто за неороманским фасадом с элементами неоготики, как это характерно для каталонской архитектуры тех лет.

Более цельным выглядит интерьер церкви Св. Марии де Монталегре, построенной по проекту архитектора Аугуста Фонта-и-Каррераса (1846–1924) в 1912 году. Вновь главенствует мотив арок, пространство трансепта усложнено устройством хоров, а над алтарем возвышается сень – характерный элемент неороманского и неовизантийского стилей. Во внешнем облике храма преобладают неороманские мотивы.

Наиболее интересна по своему архитектурному качеству в ряду неовизантийских храмов Каталонии церковь Божией Матери дель Кармен, построенная в 1910–1917 годах по проекту Хосепа Доменека-и-Эстапа (1858–1917). Архитектор создал произведение, удивительно цельное и оригинальное в своей пространственной организации. В работе над проектом он, несомненно, обращался к византийским и романским образцам. Здание очень удачно расположено на пересечении улиц,

Л.Бельидо Гонсалес. Храм Сан-Хуан-эль-Реаль. Овьедо. 1901 (проект), 1905–1915 (строительство). Купола и декор фасадов

Л.Бельидо Гонсалес. Храм Сан-Хуан-эль-Реаль. Овьедо. Интерьер. Капители

Х.Доменек-и-Эстапа. Церковь Божией Матери дель Кармен. Барселона. 1910–1912. Общий вид. Интерьер

Интерьер

Вид на алтарь

Капитель и фриз портала главного входа

Мозаичный образ Божией Матери дель Кармен портала бокового входа

что способствует выявлению его крестово-купольной основы, увенчанной скрытым за барабаном куполом. В композиции фасадов преобладают арочные мотивы окон и галерей, акцентированные растительным декором из камня в обрамлении главного портала и бокового входа с мозаичным изображением Девы Марии дель Кармен.

Большой интерес представляет интерьер храма, прежде всего, из-за гармоничных пропорциональных соотношений подкупольного пространства и центрального нефа, объединенного с боковыми великолепно прорисованными аркадами. Следуя средневековой традиции, зодчий выявил структуру интерьера во внешних формах – один из немногих подобных примеров среди неовизантийских храмов страны. Не менее талантливо и гармонично решено в интерьере соотношение формы и декора. Поверхности стен покрыты орнаментальной росписью на золотом фоне с преобладанием синих оттенков. Особенно насыщен росписями алтарь, где изображены Св. Троица, Силы Небесные и процессии святых, предстоящих Богородице с Младенцем. По византийскому обычаю на стене алтаря изображались пурпурные византийские ткани в качестве своеобразного фона для надпрестольной сени. Ее конструкция и декор адресуют к традициям Каролингского Возрождения, которое в свое время также развивалось под влиянием византийской культуры.

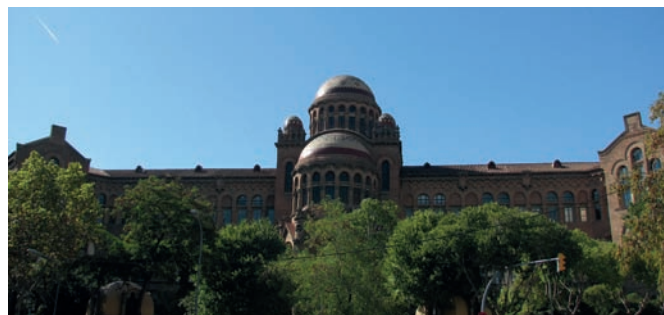
Архитектор Х. Доменек показал удивительное по глубине знание истории средневекового искусства, в особенности византийского и родственного ему романского, получившего отражение в интерьере и внешнем облике храма Божией Матери дель Кармен.

Неовизантийские мотивы присутствуют и в творчестве выдающегося каталонского зодчего, историка, реставратора и государственного деятеля Луиса Доменека-и-Монтанера (1850–1923). Как и многие архитекторы историзма, он был прекрасным знатоком истории искусства, в особенности романского. Монастыри и храмы этого стиля он изучал в процессе реставрации, а в 1886–1897 годах издал многотомную «Историю искусств». Неосредневековыми мотивами насыщены многие его произведения, среди которых выделяется обширный ансамбль госпиталя Святого Креста и Святого Павла на севере Барселоны. Будучи спроектирован в начале столетия, он строился на протяжении двух этапов – в 1902–1913 и 1920-е годы. Ко второму строительному периоду относится возведение Дома выздоравливающих (Casa de Convalescència), центральная часть которого решена в духе византийского пятикупольного храма, а здание в целом напоминает дворцы Константинополя или Фессалоник, конечно же с декоративными деталями каталонского модернизма. Главный мотив фасадов – аркады, облицовочный материал – красный кирпич и поливная керамика куполов и конхи апсиды над выступающим эркером главного входа. Преобладание арочных мотивов в интерьере, тем не менее, больше заставляет думать о зодчем как мастере каталонского модернизма. В целом же архитектура павильона принад-

лежит периоду эволюции историзма, когда в его развитии ощущалось влияние модерна. В начале XX века это было характерно для всех европейских стран.

Как и в других европейских странах, в Испании неовизантийский стиль входил в палитру неосредневековых стилей архитектуры историзма, как правило, наряду с неороманским. Архитекторов привлекали выразительные возможности пространственных купольных и арочных форм, системы декора, выразительной иконографии. Византийский период в развитии архитектуры и искусства воспринимался как родственный романскому как в отношении конструктивных и пространственных, так и декоративных систем. Византийское зодчество было хорошо известно в Испании благодаря публиковавшимся исследованиям европейских ученых и собственным поездкам испанских зодчих по Италии, Греции и Турции. В стиле историзма работали широко образованные архитекторы, знающие историю, многие из них занимались реставрацией и педагогической деятельностью.

Неовизантийские мотивы были особенно характерны для двух главных испанских архитектурных школ – Барселоны и Мадрида. В Каталонии создавались удивительно интересные и самобытные образцы неовизантийского стиля. Однако на первом этапе его развития были сильны неороманские влияния немецкого Rundbogenstil («стиля круглых арок»), а в интерьерах стремление к декоративности приводило к одновременному использованию мотивов византийской, романской и даже мавританской архитектуры. В самом начале эволюции стиля подобное соседство декоративных мотивов было характерно и для Высшей архитектурной школы Мадрида, более связанной с французской образовательной традицией. В дальнейшем от преобладания «декорации» перешли к применению конструктивных форм и, наконец, к воспроизведению целостных конструктивных систем и объемно-пространственных композиций византийской церковной и дворцовой архитектуры. При этом эволюционировала и система декора, все больше приближавшаяся к каноническим византийским основам. Подобный путь неовизантийский стиль прошел и в других странах, следуя логике развития европейского историзма. Но в Испании он обладал удивительно интересными и своеобразными особенностями как конструктивного, композиционного, так и декоративного характера, что выделяло архитектурные произведения этой страны из общеевропейского контекста.

Л.Доменек-и-Монтанер. Дом выздоравливающих. Ансамбль госпиталя Святого Креста и Святого Павла. Барселона. 1902 (проект), 1920–1930 (строительство). Фасад со стороны внутреннего двора. Фрагмент фасада

Апсида и купола главного фасада

Купол со стороны внутреннего двора

Интерьер главного вестибюля. Фрагмент

Купола и апсида главного фасада

Литература

1. Alarcon P.A. De Madrid a Napoles. Madrid, 1861.
2. Castelar E. Recuerdos de Italia. Vol.1. 3 ed. Madrid, 1884.
3. Cortes Arrese M. El descubrimiento del Arte Bizantino en España. Madrid, 2002.
4. Fontbona i de Vallescar F. Del Neoclassicisme a la Restauració (1808–1888) // Història del'Art Català. Vol. VI. Ed. "Edicions 62". Barcelona, 1983.
5. Fontbona i de Vallescar F., Miralles F. Del Modernisme al Noucentisme // Història del'Art Català. Vol. VII. Ed. "Edicions 62". Barcelona, 1985.
6. Fontbona i de Vallescar F. Neomedievalismes al segle XIX. Barcelona, 1999.
7. Puig-Boada I. El pensament de Gaudí. Compilació de textos i comentaris. Barcelona, 2004.
8. Puig i Cadafalch J. L'Architecture religieuse dans le domaine Byzantine en Espagne // Byzantion. Revue Internationale des Études Byzantines. 1924. N. 1. P. 519–533.
9. Santuari de la Mare de Déu del Carme de Barcelona. Barcelona, 1993.
10. Inclán Valdés J.M. y Navascués Palacio P. Arquitectura española. 1880–1914 // Summa Artis. Historia general de arte. Vol. XXXV-2. Ed. "Espasa Calpe". Madrid, 1993.

Neo-Byzantine Motives in Architecture of Spain.

By Yu.R.Saveliev

The origin and evolution of the Neo-Byzantine style in Spain was in accord with the all-European trends of the development of this style, but at the same time it was based on the research by some historians of Spanish culture and art. These historians discovered the Byzantine period in the history of the peninsula and wrote about the influence of the Byzantium on architectural forms and fine and decorative art. The history of the Byzantine architecture was part of educational programs for the architects. Genuine Middle-age masterpieces of the capital and provincial schools were introduced to them during their trips across Italy, Greece and Turkey.

Neo-Byzantine motives first emerged in the buildings by the most famous architects of Barcelona and Valencia in the 1860s – 1870s. E. Rogent (the ceremony hall "Paraninfo" of the University of Barcelona), R.M. Jimenes (the lecture hall of the palace of the Marquesses Dos Aguas in Valencia, J. M. Belda (the churches of the House of Benevolence "Casa de la Beneficencia" and of Saintest Heart of the Jesus in Valencia). Decorative motives are typical for this period. However, already in 1882, architect J. Martorel, the teacher of A. Gaudí, created a project that reproduced the cross-domed structure of a Byzantine typical church in Barcelona for the first time.

In the 1880s – the beginning of the 1900s, the buildings of the mature Neo-Byzantine style were built in Guadalajara (the Panteon of the Duchess de Sevillano by R. Velazques), in Madrid ("Panteon of the outstanding people" and the church of Saint Manuel and Saint Benedict by F. Arbos) and Oviedo

(the temple of San Juan el Real by L. Bellido), representing the Highest architectural school in Madrid. The cross-domed structure of the Byzantine origin is accompanied by mosaic or paintings in the interior.

The last period of the evolution of the style in the 1900s–1920s is represented in Barcelona by the masterpieces of outstanding Catalanian architects J. Martorel (the Church of Heart of Virgin Maria), A. Font-i-Carreras (the church of Saint Maria de Montalegre), J. Domènec-i-Estapà (the church of the Mother of God of Carmen) and L. Domènech-i-Montaner ("Casa de Convalecencia" of the Hospital of Saint Cross and Saint Paul). The buildings of this period, especially the twolast in thelist, represent a peculiar stage in the development of the Neo-Byzantine style in Spain, supporting the idea of the depth in the understanding by their creators the principles of the architecture of Historicism.

Within almost half-a-century evolution in the architecture of Spain, the Neo-Byzantine style was represented by two main architectural schools of Barcelona and Madrid. The domination of decorative motives was typical for the early period of its evolution, while the reproduction of cross-domed structure and the decoration with Neo-Romantic elements became common in thelater periods. The Neo-Byzantine style experienced the same kind of evolution in other European countries. However, interesting and peculiar features of constructive, compositional and decorative nature are typical for Spanish masterpieces of this style that distinguish them from the all-European context.

Ключевые слова: архитектура, историзм, Византия, нео-византийский стиль, соборы, искусство, теория.

Key words: architecture, historicism, Byzance, Neo-Byzantine Style, cathedrals, art, theory.

В статье использованы фотографии автора

Феноменологические основания архитектуры Стивена Холла

М.Р.Невлютов

Знаменитый американский архитектор Стивен Холл родился 3 сентября 1947 года в Бремертоне, штат Вашингтон. Возможно, он единственный современный архитектор, который описывает свой подход как феноменологический. Мир для Холла – это, прежде всего, мир феноменов: цветов, запахов, текстур, звуков, связанных с человеческим существованием. Работа с миром феноменов делает архитектуру Стивена Холла особенно живой, отзывчивой и как бы «укорененной в месте». Феноменология ему необходима, она лежит в основе рефлексии его собственной работы, ее теоретического обоснования.

Размышления Холла об архитектуре и ее свойствах находят отражение в его многочисленных книгах и альбомах. В основном это тексты, описывающие его метод проектирования, но иногда это личные воспоминания, заметки во время путешествий. Рассуждая в них об архитектуре, Холл привлекает тексты мыслителей, художников, режиссеров, таких, как Бергсон, Брентано, Вирильо, Тарковский, Мандельштам, Кандинский. Чаще всего, объясняя свои стратегии проектирования, он ссылается на феноменологическую мысль.

По мнению турецкого исследователя Йорганджюоглу Дерья, философское основание творчества Стивена Холла лежит непосредственно в феноменологии и более всего связано с мыслью французского философа Мориса Мерло-Понти. Архитектор своеобразно трансформирует философские положения в архитектурные концепты [1. С. 2]. Известно, что и сам Стивен Холл неоднократно подчеркивал свою увлеченность феноменологической мыслью французского философа: «Я сразу же обнаружил связь между текстами Мерло-Понти и архитектурой. И я начал читать у него все, что только мог найти» [2. С. 302].

Однако из текстов и многочисленных интервью неясно, что именно имеет в виду Стивен Холл, утверждая свою причастность к феноменологии. Его внимание к свету, материалу, контексту не является убедительным основанием в объяснении сложной концептуальной ситуации, которую ему удается создать и воплотить в своих проектах. В данной статье предпринята попытка приоткрыть тонкую внешне скрытую взаимосвязь концепций Холла с идеями Мерло-Понти и феноменологией в целом.

Тело

Ключевой для Стивена Холла является проблема восприятия. Он считает, что именно то, как мы видим и чувствуем архитектуру, формирует ее понимание. Иного пути узнавания архитектуры у нас нет. Для Мориса Мерло-Понти восприятие и есть понимание мира: «Стало быть, вопрос не в том, воспринимаем ли мы в действительности мир, напротив, все дело в том, что мир и есть то, что мы воспринимаем» [3. С. 16].

Возможным восприятие архитектуры делает то, что она и наше тело существуют в одном поле реальности. Наличие нашего тела в мире позволяет пережить опыт архитектуры, который является не только визуальным, но также и осязательным, слуховым, обонятельным. Стивен Холл говорит: «Рассматривая книгу с иллюстрациями даже величайшей в мире постройки, вы не сможете понять, каково это здание на самом деле. Не оказавшись рядом с ним, вы не услышите мелодии, которая возникает благодаря его специальной акустике, не ощутите его материальности и пространственной энергии, его уникальной игры света» [4].

Восприятие феноменов, то есть пространства, света, материалов, звуков, Холл называет «до-теоретическим основанием архитектуры». Он противопоставляет феноменологический подход критической, рациональной оценке архитектуры. Феноменальные ее аспекты являются основанием для непосредственного контакта человека и мира, преодоления отчуждения сознания от бытия. Через них Холл стремится вывести архитектуру на уровень чувств, приблизить к человеку: «Материальность архитектуры имеет потенциал серьезно влиять на переживание пространства... Одной из важных задач сегодня для архитекторов и градостроителей является пробуждение чувств» [5. С. 18].

Мерло-Понти аналогично в процессе восприятия ищет прямого и примитивного контакта с миром, который понимается им не как непосредственное отражение предметов реальности, действующих на органы чувств, но как особая «чувственность», как способ приятия мира, бытия в нем. Мерло-Понти отрицает возможность феноменологической редукции¹, осознавая «вброшенность» человека в мир через телесность: «Будь мы абсолютным духом, редукция не составляла бы никакой проблемы. Но поскольку мы, напротив, пребываем в мире, поскольку наши размышления имеют место во временном потоке, который они пытаются уловить, нет такого мышления, которое охватило бы нашу мысль» [3. С. 13]. Благодаря невозможности редукции Мерло-Понти находит место, где сознание и мир существуют без конфликта, – это наше тело.

Тело, по мнению философа, было отчуждено от восприятия и от Я, потому что мыслилось как объект, вещь среди вещей:

¹ Феноменологическая редукция – одно из центральных понятий феноменологии Гуссерля, связанное с процессом освобождения сознания от натуралистической установки. Феноменологическая редукция дословно означает редукцию вещей к феноменам и вынесение за скобки обсуждения их реального статуса

«Живое тело, подвергнутое таким преобразованиям, переставало быть моим телом, зримым выражением конкретного Его, оказываясь вещью среди других вещей» [3. С. 88]. Тело, воспринятое как объект, лишается прав в процессе восприятия, разрушая единую природу субъекта и мира. Тем не менее, тело для Мерло-Понти, а вслед за ним и для Холла, является единственным, что связывает нас с миром. «Толщя тела, будучи далекой от того, чтобы соперничать с толщью мира, является, тем не менее, единственным средством, которое у меня есть, чтобы добраться до сердца вещей: превращая себя в мир, а вещи в плоть» [6. С. 196].

Мы можем воспринимать архитектуру, потому что мир и наше тело обладают гомологичной природой. По утверждению Мерло-Понти, конституирование мира не происходит вслед за конституированием тела, мир и мое тело зарождаются одновременно. Архитектура существует в мире и может быть понята как другое тело, конституированное видением, восприятием. Холл описывает пространство мягким и податливым для восприятия, он стремится в проектах формировать тело здания самим процессом видения.

В здании Центра Кнута Гамсуна Стивен Холл воплощает идею: «Здание как тело: поле битвы невидимых сил» [7. С. 154]. Название отсылает к новелле Гамсуна 1890 года «Голод».

Центр Кнута Гамсуна. Хамарой. Норвегия

Постройка стремится выразить характер произведений норвежского писателя архитектурными средствами. Одной из главных тем Гамсуна является принцип взаимосвязи тела и человеческого сознания.

Форма здания, как его интерьер, так и экстерьер, обладает особым значением. Так, просмоленные деревянные стены имеют множество акцентированных впадин, отсылающих к идее невидимых, внутренних сил и импульсов, которые трансформировали постройку. По мнению Холла, здание есть тело, сформированное интенцией нашего сознания, направленно-стью видения. Холл непосредственно работает с этим телом, создает карты восприятия, управляет чувствами зрителя.

Неопределенность

Стивен Холл утверждает, что наличие тела позволяет воспринимать в архитектуре ее «живое пространственное измерение» [2. С. 38]. Он обращается к витальной сфере восприятия архитектуры, пространства, света, материала на пересечении с человеческим опытом. Однако мы не можем трансцендироваться от опыта своего тела, поэтому понимание и чувствование архитектуры не является артикулируемым опытом, его «осознание» происходит из тела, а не из сознания: «Мы осознаем концептуальную интенсивность базового чувственно-пространственного и тактильного опыта, даже если мы не можем артикулировать его» [8. С. 115].

Мерло-Понти говорит о неопределенности и невыразимости воспринимаемого, расположенного в контексте: «Не что иное, как привязанность воспринимаемого к контексту, его податливость, как и присутствие в нем своего рода позитивной неопределенности, препятствуют тому, чтобы пространственные, временные и числовые совокупности нашли выражение в удобных, различных и определенных понятиях» [3. С. 36]. Воспринимаемое оказывается неотрывным от контекста, потому что осознается из него. От контекста нельзя трансцендироваться, так как само воспринимающее сознание расположено в нем, оно есть контекст.

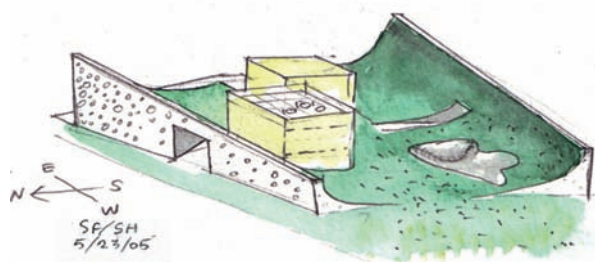
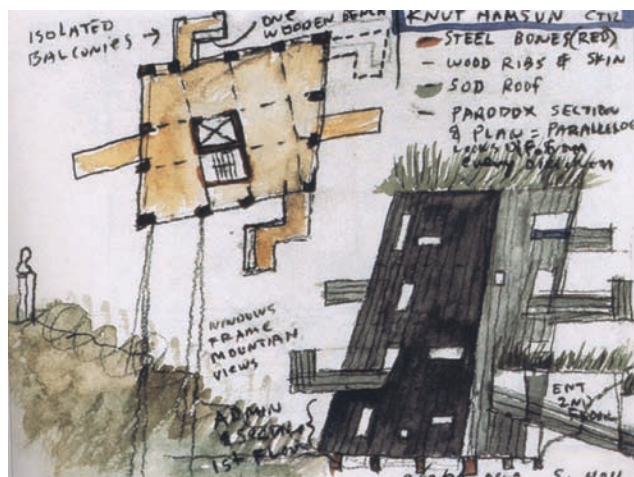
Неопределенность опыта, невозможность его точного знакового определения и завершения Стивен Холл использует в стратегиях проектирования своих зданий: «Каждый проект мы начинаем с информации и беспорядка, отсутствия цели, двусмысленной программы бесконечности материалов и форм. Архитектура – результат действия в этой неопределенности» [9. С. 21]. Холл проектирует восприятие изнутри его самого, поэтому появляется неопределенность, невозможность рефлексировать сам процесс создания воспринимаемого.

Во многом благодаря такому способу мышления единственным инструментом движения в поле неопределенности для архитектора оказывается интуиция. Стивен Холл начинает работу с того, что создает акварельные эскизы к каждой своей идее. Эта интуитивная и ремесленная практика позволяет создать настроение, дает проекту первичное направление, интуицию. «Преимущество акварелей в свободе игры интуиции, которую они предоставляют. В результате они получают одновременно концептуальными

и пространственными. Они позволяют совершать открытия при помощи интуиции» [10. С. 233].

Стивен Холл осмысляет феноменологию как «делание архитектуры». Если такие теоретики, как Кристиан Норберг-Шульц, Юхани Палаасма и Кеннет Фремптон, интерпретируют феноменологию как теорию архитектуры, то для Стивена Холла она обладает иным потенциалом. Для него проектирование – это раскрытие невидимого, неопределенного в процессе создания архитектуры. Холл говорит, что феноменология способна работать с «еще-не-мыслью» и «еще-не-явлением», которые проявляют себя непосредственно в процессе «делания» архитектуры.

При отсутствии сознательной рефлексии о проектировании и методе архитектурная мысль для Холла проявляется через феномены архитектуры: «Здания говорят через молчание воспринятого феномена» [11. С. 40]. Согласно мнению архитектора, переживание феноменов относится не только к визуальному опыту восприятия, весомую роль играют тактильные, слуховые и обонятельные ощущения. Вся совокупность телесных ощущений формирует некоторое целое представление о мире, об архитектуре. При отсутствии одного из качеств мира картина упрощается, теряет полноту контакта с нашим телом. «Материалы теряют пространственное измерение и редуцируются к плоским и наносным поверхностям. Чувство прикосновения девальвируется в коммерческих индустриальных методах производства. Значение детали и материала вытесняется» [12. С. 188].

Акварельные эскизы к проектам Стивена Холла

Среди всех феноменов наибольшим влиянием, по мнению Холла, обладает свет: «Мой любимый материал – это сам свет. Без света пространство пребывает в забвении. Свет – это условие возникновения мрака и тени, прозрачности и непрозрачности, отражения и преломления, все это сплетается, определяет и переопределяет пространство. Свет делает пространство неопределенным» [13. С. 27]. Пространство существует всегда как освещенное, видимое. Свет благодаря своей изменчивости, подвижности, несхватываемости делает пространство неопределимым.

«Наивное восприятие» феноменов архитектуры через разные формы видения и чувствования оказывается вне знаковой структуры. Это происходит благодаря принципиальной неартикулируемости телесного опыта, который существует до называния. По мнению Холла, «живое пространственное измерение» архитектуры нельзя детерминировать, оно оказывается схватываемым лишь на интуитивном уровне в практике архитектуры.

Гибрид

Следует заметить, что идеи Стивена Холла не всегда исходят из феноменологии Мерло-Понти. Например, идея о гибридизации имеет иное происхождение. На ранних этапах своей деятельности Стивен Холл участвовал в движении итальянского рационализма и занимался исследованием архитектурной типологии. Его рассуждения о типах упоминаются в таких текстах, как «Алфавитный город. Городские и сельские типы домов в Северной Америке», и некоторых других [14. С. 105]. Так, идея типологического «гибрида» появляется уже в его ранних теоретических изысканиях.

Стивен Холл считает, что необходимо создавать новое путем наложения простых составляющих. Часто компоненты могут быть из разных уровней различия. Они могут быть функцией, формой, социальным аспектом, историческим фактом, природным или социальным феноменом. Иногда эти синтезы кажутся невозможными, но в итоге оказываются наиболее продуктивными. Холл говорит: «Гибридное сочетание функций в здании может быть более чем простым смешиванием типов использования. Это наложение может стать "социальным конденсатором" – первичным взаимодействием витальностей города, повышением роли архитектуры как катализатора изменений» [15]. Для Холла гораздо важнее не производство новизны, но то, какое влияние на человека и мир оказывает тот или иной синтез.

«Гибрид» не позволяет точно определить и фиксировать свое значение и тип. Такая неопределенность помогла архитектуре ускользнуть из-под гнета логоцентризма и рациональности. Если пространство и его восприятие постоянно находятся в становлении, то каким образом можно точно определить функцию здания, его внешний облик, тип? Все это остается в поле неточностей и изменений, так как сопряжено с самим живым существованием архитектуры. Таким образом, идея гибридизации соотносится с неопределенностью и телесным бытием архитектуры, то есть она в определенном значении также является феноменологической.

Стивен Холл часто обращается к этой идее в своих проектах. Одно из первых ее проявлений описано в тексте «Мост домов» сборника «Памфлеты архитектуры» [16]. Любое здание для архитектора оказывается мостом, жильем, небоскребом с множеством горизонтальных связей, музеем и общественным пространством одновременно. Холл добавляет функции через запятую, при этом они не последовательны, не рядоположены, из них нельзя выбрать главную, они существуют одновременно и до конца не определены.

По принципу гибридизации спроектирован многофункциональный коммерческий комплекс Центр Ванке в Шеньжэне. Его длина равна высоте Эмпайр-стейт-билдинг, публичное здание более известно как «горизонтальный небоскреб». Оно вытянуто в горизонтальной плоскости, но обладает конструктивными характеристиками небоскреба. Архитектор создает гибрид небоскреба и горизонтальной структуры. При этом элементами для синтеза являются и другие компоненты, которые не относятся к категории высотности здания.

В здании размещены всевозможные офисы, апартаменты, отель и т.д. Оно установлено на восьми опорах и парит на уровне 35 м над раскинувшимся под ним общественным пространством – садом. Прогуливаясь ночью по саду, можно увидеть множество цветущих тропических растений, почувствовать запах жасмина. В здании использовано невероятное количество тщательно подобранных материалов. Это сложный гибрид горизонтальной структуры, небоскреба, функций, материалов, запахов, общественных и коммерческих про-

странств. Множество разных феноменов и свойств накладываются друг на друга, переплетаются, взаимодействуют. Это конъюнктивный синтез, где феномены постоянно образуют целостность воспринятого, но не сливаются в одно. Гибрид всегда остается гибридом.

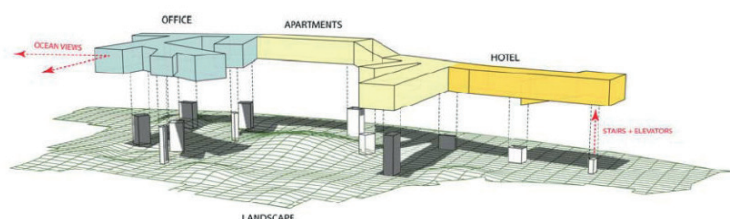
Переплетение идеи и феномена

По мнению Стивена Холла, архитектура оживает, когда преодолевает зазор между идеей и реальностью, связывает разум и чувства, концепт и тело. Проект должен разрабатываться тщательно, сводя различные аспекты в единую «целостную» форму. Невидимый мир идей активизирует феноменальный мир, приводит его в присутствие. Идея и феномен переплетаются, образуют единый процесс: «...концептуализация в архитектуре не может быть отделена от восприятия явления архитектуры, с их помощью архитектура приобретает эмпирическую и интеллектуальную глубину» [1. С. 123]. Таким образом, Стивен Холл осознает важность взаимодействия идеи и феномена. Однако это не просто соединение двух равноценных элементов, это особое их взаимоотношение, которое архитектор вслед за Мерло-Понти называет «хиазмом».

Понятие «хиазм» (переплетение) необходимо Мерло-Понти, чтобы объяснить, каким образом наше восприятие является вписанным в мир, показать, что наше отношение к бытию заключается в том, чтобы принимать и одновременно быть принятым. В восприятии происходит полное размывание границ объективного и субъективного, идеи и феномена, они перемешиваются, переплетаются в неразличимости.

Хиазм есть переплетение зримого и незримого, преодоление двойственности. «Наиважнейшее завоевание феноменологии состоит, несомненно, в том, что ей удалось в своем понятии мира и рациональности соединить крайний субъективизм с крайним объективизмом» [3. С. 20].

Стивен Холл указывает на феноменальное происхождение идей. Они укоренены в реальности и не трансцендентны: «Я бы хотел обнаруживать феноменальное происхождение идеи.

Центр Ванке. Шеньжень, Китай

Я надеюсь соединить феноменальные свойства с концептуальной стратегией» [17. С. 21]. Для Холла идея не является чем-то детерминированным, различимым. Идея интуитивно схватывается самим восприятием. Архитектор утверждает, что переплетение идеи и явления происходит, когда здание «осуществляется и осуществляет», то есть буквально в моменте его присутствия в реальности.

Кеннет Фремpton также отмечает эту идею в подходе архитектора: «По необходимости Холл объединяет концептуальный уровень своей работы и феноменологическое переживание ее присутствия. Феноменология в понимании Холла различными способами усиливает и возвышает концептуальное» [18. С. 8].

Прекрасный пример переплетения идеи и феномена Стивен Холл воплощает в своем Музее современного искусства Киасма в Хельсинки. Сама идея музея – это переплетение, пересечение (хиазм) идеи и феномена. Конструктивно здание представляет собой пересечение двух зданий. Одно соответствует ортогональной сетке города, другое развивает мысль о взаимодействии с ландшафтом, местностью. Стивен Холл создает необычную геометрию музея. «Реализация идеи и ее проверка – в переживании архитектуры: что ты чувствуешь, проходя сквозь здание, как движется тело, как взаимодействует с другими телами, как работают свет, перспектива, звуки, запахи. Весь этот феноменологический слой должен вытекать из основной идеи» [19]. Архитектор стремится проектировать не физическую форму, объем, пространство, но чувства, сам процесс восприятия. Так, в музее воспринимающий переживает идею переплетения пространств не концептуально, но телесно.

Укорененность

Мерло-Понти говорит о том, что субъект существует в пространстве и времени, в которых наличествует конкретная ситуация. Человек обнаруживает себя уже в мире, вовлеченном в различные практики, где процессы восприятия перестают быть субъективными, определяются логикой контекста. По

мнению философа, нам необходимо возвращение от объективного и субъективного восприятия к «жизненному миру», к которому мы сами являемся имманентными: «Первым собственно философским актом должно стать возвращение к жизненному миру, находящемуся по сю сторону от мира объективного, поскольку только в нем мы смогли бы понять законы и пределы объективного мира, вернуть вещи ее конкретный облик, организациям – их собственный способ отношения к миру, субъективности – неотъемлемую от нее историчность, отыскать феномены, тот слой жизненного опыта, через который нам впервые даются Другой и вещи ...» [3. С. 90].

Идея «жизненного мира», которую упоминает Мерло-Понти, находит свое отражение в концепциях Холла: «укорененности», «ограничений», «духа места». Архитектура для него присутствует во всех областях жизни человека, формирует его представление о мире, она «может изменить способ, которым мы живем» [20. С. 43]. Архитектура оказывается укорененной в самом существовании человека, она есть условие его «проживания» в мире.

Холл убежден, что архитектура не просто должна взаимодействовать с определенным контекстом, важна ее «укорененность» в реальности. «Архитектура – это всепоглощающий, опутывающий нас опыт взаимодействия с реальностью. Ее невозможно представить себе на плоскости в виде геометрических фигур в планиметрии. Это феноменологический опыт, то есть совокупность и единство явлений в пространстве, не просто визуальные элементы, но еще и звуки, запахи, тактильные качества материалов» [4]. Архитектура – не просто изображение на листке бумаги, она принимает в себя самые разные аспекты действительности.

Холл описывает архитектуру как явление, существующее всегда в культурном контексте [21. С. 9]. Но, по его мнению, идея-концепция не просто отражает особенности местной, сложившейся культурной традиции, но проникает в ауру места, усиливает и подчеркивает уникальность ситуации.

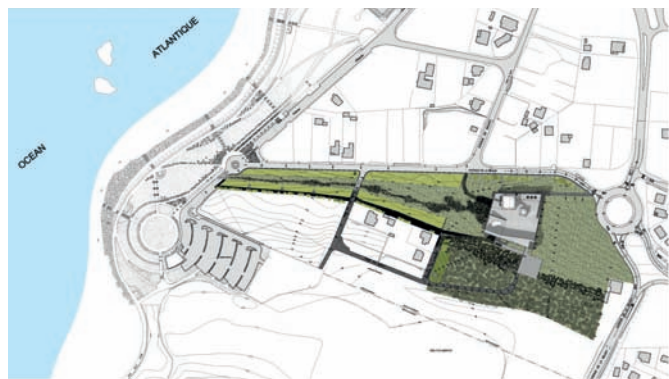

Музей современного искусства Киасма. Хельсинки. Финляндия

Контекст существует для архитектора не только в качестве артикулируемой культурной истории места, но также в виде переживания ситуации, атмосферы места. Холл стремится создать эмоциональную связь с местностью, ландшафтом, историей. Он говорит: «Важно зацепить идею, которая парит в воздухе каждого места. Это может быть все что угодно: истории, передаваемые из уст в уста, живой фольклор, неповторимый юмор. Ведь оригинальные и аутентичные элементы культуры настолько сильны, что заставляют нас забыть о стиле» [4].

Важной для Стивена Холла является идея «limited concept» (ограниченный концепт). Ограничения позволяют ему выявить уникальность конкретной ситуации. В каждом новом проекте ситуация меняется, и появляются новые условия. Они не ограничивают архитектора методологическими принципами, но дают возможность создавать контекстуально укорененный объект.

Примером описанного подхода могут быть многие постройки Стивена Холла. Наиболее контекстуально ясными являются объекты, тяготеющие к ландшафтным проектам.

Музей океана и серфинга. Биарриц. Франция

Один из них, Музей океана и серфинга, был построен по проекту Стивена Холла и его жены, бразильской художницы Соланж Фабиан, на берегу Атлантики, родине серфинга, в городе Биарриц. Целью проекта было привлечь внимание к проблемам экологии воды, исследованию научных аспектов прилива и океана, роли воды в нашей жизни как ресурса и развлечения.

Здание обыгрывает пластику волны-прибоя и развивает пространственную концепцию соотношения частей «под небом» и «под водой». Эта идея и производит контекстуальную форму здания. Часть «под небом» представляет собой эксплуатируемую кровлю выгнутой пластины здания, которая называется «площадь океана». Это общественное пространство, вымощенное булыжником. На площади размещены «два стеклянных булыжника», в которых расположены кафе и киоск для серфинга. Они являются визуальными доминантами и поэтично отсылают к двум реальным валунам в океане напротив. Сам музей расположен в части «под водой». В интерьере здания благодаря вогнутому потолку и отсутствию окон возникает реальное ощущение погружения под воду.

Таким образом, музей успешно вписывается в окружающее пространство, сам становится контекстом. Музей является формальным выражением места постройки и своей функции. Но он еще эмоционально взаимодействует с ландшафтом и атмосферой. Музей занял «свое» место и пребывает в нем. Именно это Холл называет «укорененностью в месте».

Смещение

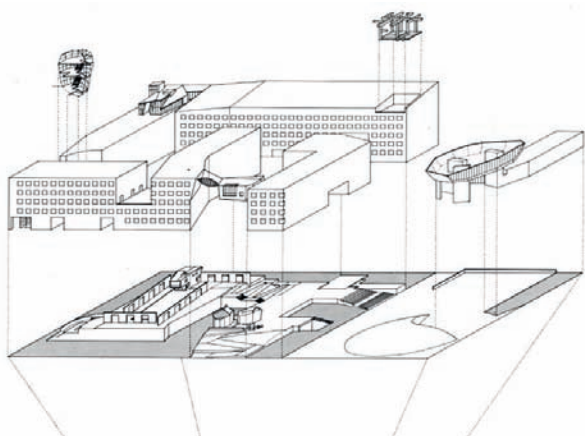
Еще одним важным понятием для Холла является «смещение», или «параллакс», который может быть определен как движение тела в пространстве, смещение восприятия относительно своего основания. Холл описывает «параллакс» как жидкое пространство, постоянно изменяющийся пейзаж: «Архитектура – феноменологическая дисциплина, и я считаю, что мы способны понять ее, только осознавая тот момент, когда наши тела движутся сквозь пространство. Если вы повернете голову, отведете взгляд или повернетесь в другую сторону, то увидите другое, только что раскрывшееся пространство. И эта возможность у вас появилась только потому, что вы совершили движение» [4].

Понятие «параллакса» помогает Стивену Холлу объяснить нестабильность восприятия пространства. Мы видим архитектуру по-разному в каждый момент времени. Меняются свет в течение дня, угол зрения, возраст материалов. Живое тело архитектуры динамично и подвижно, оно существует во времени. В подтверждение Холл говорит: «Дом – это не объект, это динамические отношения местности, восприятия, неба и света с особым вниманием к внутренним сценариям движения... Даже в маленьком доме вы можете восхищаться наложением перспектив, которое возникает благодаря движениям, смещениям, изменениям освещенности» [22. С. 16].

Но меняется и сам воспринимающий, его тело в пространстве. Здесь Стивен Холл в своих суждениях следует за Анри Бергсоном, который говорит о нашем собственном изменении

во времени: «Ощущения чувства, желания, представления – вот модификации, составляющие части нашего существования и поочередно его окрашивающие. Итак, я постоянно изменяюсь» [23. С. 39]. На восприятие накладываются настроение, личные переживания, те изменения, которые затрагивают наше тело. Они происходят постоянно, даже если мы ощущаем некоторую стабильность и последовательность событий. Мы осознаем сдвиг в восприятии, уже оказываясь в этом сдвиге.

Восприятие существует в длительности, то есть оно меняется во времени вместе с трансформацией пространства и самого тела воспринимающего. В действительности нельзя разделить восприятие на объективное и субъективное, оно всегда сохраняет некоторую целостность. «В конечном счете, мы не можем разделить восприятие геометрии, действий и чувств» [24. С. 12].

Новый город Макухари. Тиба. Япония

Для Мерло-Понти восприятие как возникающие отношения мира и субъекта возможно только во времени. По его мнению, субъективность – это и есть временность. «Мы мыслим бытие через время, ибо именно через отношения времени-субъекта и времени-объекта можно понять отношения субъекта и мира» [3. С. 544].

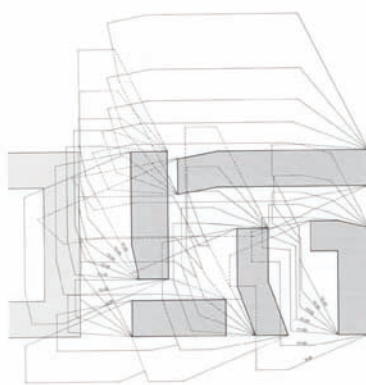
Ярким примером работы Стивена Холла с временем и понятием «смещения» является проект квартала «Новый город Макухари» в городе Тиба, Япония (1996 год). Идеей было взаимодействие между двумя определенными типами структур: основными «тяжеловесными» зданиями и активными «легкими» конструкциями. Стены основных зданий квартала искривлены таким образом, что свет проникает внутрь квартала и самих построек в течение дня под определенными углами. Легкие конструкции мягко изгибают пространство и вторгаются в проходы. Квартал имеет особую программу восприятия. Для этого проекта Холл делает схему, в которой показывает расположение теней в течение дня. Форма основных блоков создается в соответствии с необходимым пространственным сценарием теней, которые отбрасывают корпуса друг на друга и на пространство между ними. Холл мыслит здание как процесс, производящий определенные эффекты восприятия в пространстве. Игры тени и света в течение дня делают постройку изменчивой, нестабильной, сюрреалистичной.

Закключение

Стивен Холл – один из немногих архитекторов, кто пытается концептуализировать свой метод, интерпретирует в архитектуре некоторые феноменологические концепции известного французского философа Мориса Мерло-Понти. Несмотря на частые отсылки к феноменологии, в постройках довольно сложно отследить действительную причастность идей к выбранному философскому направлению.

Несмотря на системность своего метода, Холл остается поэтичным и более ориентированным на архитектурную практику. Он скорее разрабатывает стратегии мышления в каждом проекте индивидуально, в соответствии с некоторыми феноменологическими установками. Такой подход можно обозначить как практическую феноменологию в архитектуре. Холл

противопоставляет свой метод критическому и абстрактному мышлению в архитектуре, стремится обратиться к самим феноменам. В этом смысле феноменология оказывается верным методологическим выбором. «Феноменология, – по мнению Холла, – заинтересована в изучении сущностей вещей, архитектура же обладает потенциалом вернуть их в наличие» [24. С. 11].

Феноменологические концепции, описанные Холлом, оказываются близкими архитекторам. Они отсылают к понятиям кинестезии, опыта, материала, времени, человека, тела, света и т.д. Они обещают возвращение в реальность, к опытному и имманентному миру. «Различные запахи, звуки и материалы – от твердого камня и металла к свободно парящему шелку – возвращают нас к изначальному опыту, который обрамляет и проникает в нашу повседневную жизнь» [24. С. 11].

Феноменологическая мысль сложна и требует внимательного прочтения и сопоставления с архитектурой. Она являлась крупным философским течением, имела много последователей и сильно повлияла на всю интеллектуальную сцену современности. Поэтому неудивительно, что некоторые идеи можно обнаружить в самых разных архитектурных проектах, начиная с XX века. Однако самым ярким апологетом феноменологических идей в архитектурной практике остается американский архитектор Стивен Холл.

Литература

1. *Yorgancıoğlu D.* Steven Holl: A Translation of Phenomenological Philosophy into the Realm of Architecture. Degree of Master of Architecture. The Graduate School of Natural and Applied Sciences of Middle East Technical University. Ankara. 2004.
2. *Holl S.* Parallax. New York: Princeton Architectural Press. 2000.
3. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с фр. И.С.Вдовиной, С.Л.Фокина. СПб.: Ювента, Наука. 1999.
4. *Вин А.* Феноменология Стивена Холла // Архидом. URL: <http://archidom.ru/content/1170.html>.
5. *Holl S.* Simmon Hall. New York: Princeton Architectural Press. 2004.
6. *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое / Пер. с фр. О.Н. Шпараги. Минск. 2006.
7. *Holl S.* Concept 1998, Hamsun Holl Hamarøy. Zurich: Lars Müller Publishers. 2009.
8. *Holl S.* Twofold meaning // *Kenchiku Bunka*, 52 (610) August 1997, Tokyo: Shokokusha-publishing. 1997.
9. *Holl S.* Pre-Theoretical Ground // *The Steven Holl Catalogue*. Zurich: Artemis and ArcenReve Centre d'Architecture. 1993.
10. *Холл С.* Игра отражений и преломлений. Интервью Владимира Белоголовского // *Speech*. 2011. №7.
11. *Holl S.* Questions of Perception. Phenomenology of Architecture. Tokyo: A+U. 1994.
12. *Holl S.* The Matter(s) of Architecture: A Note on Hariri and Hariri // *Frampton K. S.* Holl and O. Riera Ojeda. Hariri and Hariri. New York: The Monacellh Press. 1995.
13. *Holl S.* Idea. Phenomenon and Material // *Tschumi B., Cheng I.* (eds). The State of Architecture at the Beginning of the 21st Century. New York: The Monacelli Press. 2003.
14. *Holl S.* Architecture Spoken. New York: Rizzoli. 2007.
15. *Holl S.* Steven Holl. Vol. 1: 1975–1998 // *GA Architect*. №11. Tokyo: ADA Edita. 1993.

16. *Holl S.* Bridge of Houses. Pamphlet Architecture 1–10. New York: Princeton Architectural Press. 1981.

17. *Zaera Polo A.* A conversation with Steven Holl [interview] // *El croquis*. 1996. №78.

18. *Frampton K.* On the Architecture of Steven Holl // *Holl S.* Anchoring. New York: Princeton Architectural Press. 1989.

19. *Паперный В.* Стивен Холл: квадрат Малевича и губка Менгера // *Fuck context?* М.: Tatlin. 2011.

20. *Holl S.* Dwellings, The Steven Holl Catalogue. Zurich: Artemis and ArcenReve Centre d'Architecture. 1993.

21. *Holl S.* Anchoring. New York: Princeton Architectural Press. 1989.

22. *Holl S.* House: Black Swan Theory. New York: Princeton Architectural Press. 2007.

23. *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой. М.: Терра-книжный клуб, Канон-Пресс-Ц. 2001.

24. *Holl S.* Intertwining. New York: Princeton Architectural Press. 1998 (first published in 1996).

Literatura

3. *Merlo-Ponti M.* Fenomenologiya vospriyatiya / Pod. red. I.S.Vdovinoj S.L.Fokina. SPb.: Yuventa, Nauka. 1999.
4. *Vin A.* Fenomenologiya Stivena Holla // *Arhidom* URL: <http://archidom.ru/content/1170.html>.
6. *Merlo-Ponti M.* Vidimoe i nevidimoe / Per. s fr. O.N. Shparagi. Minsk. 2006.
9. *Papernyj V.* Stiven Holl: kvadrat Malevicha i gubka Mengera // *Fuck context?* М.: Tatlin. 2011.
10. *Holl S.* Igra otrazhenij i prelomlenij. Intervyu Vladimira Belogolovskogo // *Speech*. 2011. №7.
23. *Bergson A.* Tvorcheskaya evolyutsiya / Per. s fr. V. Flerovoj. М.: Terra-knizhnyj klub, Kanon-Press. C. 2001.

The Phenomenological Foundation of the Steven Holl's Architecture.

By M.R.Nevlyutov

Steven Holl is one of architects who tries to conceptualize his approach to architecture. He interprets some phenomenological concept of French philosopher Maurice Merleau-Ponty. He needs phenomenology to reflect on his own work, to give it theoretical justification. Despite the systematic character of his method, Holl remains poetic architect and he focuses more on architectural practice. He develops strategies of thinking in accordance with some phenomenological basis in each project individually. This approach could be described as a practical architectural phenomenology.

Ключевые слова: Холл, Мерло-Понти, феноменология, восприятие, тело, переплетение, укорененность, смещение, длительность, гибридизация, тактильность, свет, цвет, материал.

Key words: Holl, Merleau-Ponty, phenomenology, perception, body, intertwining, anchoring, parallax, duration, hybridization, haptic realm, light, color, material.

Переосмысление пространства японского жилого дома в работах архитекторов 1920–1940-х годов

А.В.Гусева

Японский дом производит глубокое впечатление на всех иностранцев, особенно тех, кому довелось в нем пожить. Отсутствие привычных вещей, помогающих сориентироваться в пространстве дома, – кровати в спальне или софы в гостиной, озадачивает. Как замечал еще в конце XIX века американский синолог Эдвард Морс, в Японии ничто не вызывает у иностранцев такую обширную критику, как японский дом, являющийся «постоянным источником недоумения и раздражения» [15. С.10]. В своей книге «Японские дома и их окружение» Морс практически впервые подробно анализирует, почему и как устроен традиционный японский дом; и доказывает, что постройка, в которой нет привычных западному человек окон со стеклами, распахивающихся дверей, прочных стен и даже мебели, имеет право называться домом.

Однако на протяжении XX века японский дом пережил значительную трансформацию не только внешне, но и внутренне [3, 5, 6, 20, 22]. При этом сложно сказать, что было первично — изменение формы или быта. Западноевропейская модель организации быта, апеллирующая к современным санитарным нормам, пропагандировалась одновременно с изменением структуры и формы дома. Феномен трансформации японского дома сложно рассматривать только под одним углом — с точки зрения архитектуры, истории или антропологии. Именно поэтому, например, в работах японских архитекторов Кэнго Кума [1] или Рикэн Ямамото [8] при глубоком анализе формальных и конструктивных аспектов устройства дома рассматриваются также принципы эволюции и трансформации всего круга понятий, связанных с японским жилищем. В то же время антропологи, социологи и историки, работы которых сфокусированы как раз на изучении особенностей повседневной жизни японцев, не могут обойтись без апелляции к архитектурным материалам [3, 6, 22, 11, 20].

Как показали исследования, анализ жилого пространства с точки зрения мировоззрения и традиций японского общества позволяет глубже понять значение изменений, происшедших с японским домом на протяжении XX века [10, 17, 19, 21]. В данной статье с целью выявить истоки трансформации японского дома пространство, разработанное архитекторами, анализируется в контексте традиционного круга понятий, связанных с отношением к жилищу в японском обществе.

В качестве предмета анализа были выбраны три частных дома, спроектированных архитекторами для себя в середине 1920-х (А. Раймонд), середине 1930-х (К. Цутиура) и начале 1940-х (К. Маэкава) годов. Выбор этих архитекторов был определен тем, что все они вышли из западноевропейской

архитектурной школы и оказали значительное влияние на формирование именно послевоенного проектирования, в частности, жилища. И хотя период Тайсё (1912–1926) и начало периода Сёва (1926–1989) можно назвать переходным этапом в формировании типологии пространства современного японского дома, именно в это время происходит апробация западных приемов в японских условиях. При том, что качественные изменения в реорганизации жилища перешли в количественные лишь после 1950-х годов, основные поиски решений осуществлялись именно в первой половине XX века.

Статья состоит из трех частей. Представленный в первой исторический обзор основных направлений и поисков в сфере реформы японского дома в первой половине XX века предваряет описание домов архитекторов во второй. В третьей части дан анализ пространственных решений, предлагаемых архитекторами.

Часть 1. Японский дом на европейский лад: тенденции и поиски конца XIX – первой половины XX века

Примерно в то же время, когда Морс с восхищением описывает рациональность планировки и функциональность всех элементов традиционного японского дома, в Японии начинается изучение западного опыта устройства жилища. Несмотря на то что фактически до 1950-х годов массовое жилое строительство было вне сферы интересов профессиональных архитекторов, оставаясь в целом прерогативой плотников, работающих по традиционным образцам, путь к современному японскому дому открывается с начала 1880-х, когда начинают работать первые выпускники Императорского инженерного колледжа, получившие архитектурное образование уже по западной модели¹. Однако впервые о задаче модернизации жилища говорит, как ни странно, не архитектор, а писатель. Новеллист Кодэ Рохан (1867–1947) в своем эссе «Каоку» («Здание, дом»), опубликованном в архитектурном журнале «Кэнтику дзасси» в 1897 году, призывает к реформе «отношений между людьми и домами», подчеркивая, что современные люди эпохи Мэйдзи нуждаются в новых домах, отдельно предназначенных для отдыха и для работы [22. С. 39].

В следующем, 1898 году в одной из самых влиятельных газет эпохи Мэйдзи (1868–1912) «Дзидзи синпо» («Текущие

¹ В 1886 году было создано профессиональное сообщество «Архитектурный институт Японии» (AIJ), которое с 1887-го начинает издавать первый архитектурный журнал «Кэнтику дзасси» (англ. Journal of Architecture and Building Science).

события») начинается дискуссия, посвященная устройству японского дома. Серия статей уже не только призывает поддерживать нарождающееся разделение зданий для жилья и для работы, но и преобразовывать интерьер традиционного дома, не имеющего не только индивидуального пространства для каждого члена семьи, но даже отдельного пространства для приема пищи, то есть столовой [Ibid].

Но строительство по иностранным образцам и технологиям требовало приглашения иностранного архитектора и закупки иностранных материалов, что было по средствам только крупным промышленникам, таким, как Сумитомо, Мицубиси (семья Ивасаки) или Фурукава, которые могли позволить себе заказать иностранному архитектору проект не только здания банка, но и частной виллы. Как вспоминал американский архитектор Антонин Раймонд, работавший вместе с Ф. Л. Райтом над отелем «Империал» в Токио в начале 1920-х, «единственным классом людей, которые по крайней мере пытались жить на европейский лад, были отдельные аристократы и состоятельные торговцы, получившие образование в США или Европе. В их домах можно было найти пристройку или хотя бы так называемую иностранную комнату» [Цит. по: 10. С. 145].

С началом эпохи Тайсё проблема организации жилища и быта не только обсуждается на страницах популярных брошюр и газет, публике предлагаются и практические решения: под эгидой газеты «Кокумин синбун» («Национальная газета») проходит большая «Выставка резиденций», на которой широкой публике представляются дома нового типа и примеры модернизации старых на новый лад [5. С.76–77].

Архитектор Тjuta Ито (1867–1954) в эссе, сопровождавшем проект образцового дома для современной семьи среднего класса, описывает ее как семью нуклеарного типа

из четырех человек, в которой отец работает, двое детей учатся в начальной школе, жена занимается хозяйством и детьми, в чем ей помогает одна горничная. Такая семья занимает одноэтажный дом в пригороде; хозяин принимает близких гостей у себя в кабинете, а других в гостиной; жена занимается делами в комнате, расположенной рядом со столовой; вся семья собирается за обедом в столовой и слушает музыку в гостиной. Обстановка дома предполагает сочетание традиционных японских комнат с татами и комнат, оформленных в западном стиле, то есть с высокими стульями и столами (рис.1).

Западные модели домов не просто представляли новое решение пространства, но задавали совершенно новую систему координат восприятия пространства дома и его окружения. Например, простое деление на комнаты вводило в пространство японского дома новое понятие приватности (privacy) как индивидуального уединения от общества и, в частности, от семьи. В Японии наиболее близкое приватности понятие «ути» («внутри, дом») обозначает скорее приватность семейную, но не персональную [19]. Кроме того, само наличие западной мебели — кресел, диванов и высоких столов — вместо татами и дзабутонов (подушка для сидения, которая кладется на татами) буквально поднимало весь привычный уклад вверх. При таком перемещении точки зрения с высоты полуметра (сидящий на полу человек) на метр традиционные японские комнаты сразу казались низкими и неудобно спланированными.

Со второй половины 1920-х годов возникает понимание, что задача реформировать японское жилище лежит не просто в его замещении западными моделями, но в поиске адекватных японскому обществу решений с учетом новых материалов, технологий и санитарных нововведений. И хотя революционный переход к новой модели жилого пространства в массовом строительстве не произойдет до начала 1950-х, примеры предлагаемых решений можно увидеть в домах архитекторов, спроектированных ими для себя в 1920–1940-е годы. Поставленные в условия рядового застройщика и, как правило, ограниченные жесткими рамками небольшой площади и бюджета, архитекторы при этом, будучи в одном лице и заказчиком и строителем, получали неограниченную свободу для эксперимента.

Част 2. Дома архитекторов 1920–1940-х годов

Одним из самых значительных событий, оказавшим влияние на формирование японской архитектурной школы всего последующего периода, стал приезд в 1917 году архитектора Ф. Л. Райта в Токио для работы над строительством нового здания отеля «Империал». За шесть лет, что Райт провел в Японии, был построен не только отель, но и около десятка частных и государственных резиденций, в разработке которых принимали участие молодые японские архитекторы Арата Эндо (1889–1951) и Камэки Цутиура (1897–1996).

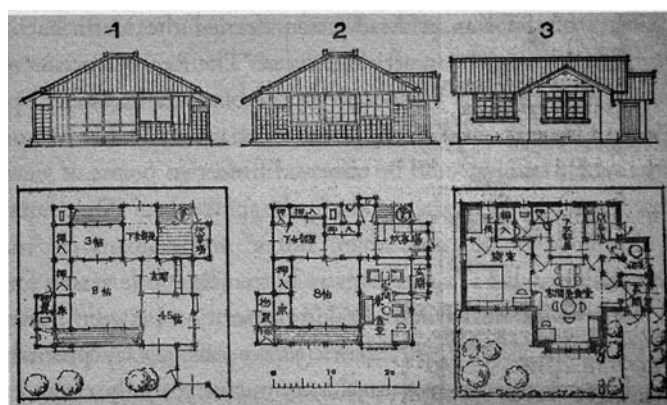

Рис. 1. Архитектор Дзюнкити Танабэ (1879–1926). Образец модернизации традиционного дома. 1920. Слева направо: традиционный дом с террасой-энгавой и гостиной с нишей-токонома; промежуточный вариант с новой кухней и выделенной зоной гостиной-столовой с креслами; вариант с функциональным зонированием и делением на комнаты, при котором татами сохраняются только в комнате для горничной [22. С. 178]

Собственный дом архитектора А. Раймонда в Токио, 1923–1924

В 1919 году по приглашению Райта в качестве ведущего помощника в из США в Японию приезжает молодой архитектор чешского происхождения Антонин Раймонд (1888–1976). Проработав два года в проектной команде на строительстве отеля «Империял», в 1921 году Раймонд, разочаровавшись в работе Райта, увольняется и открывает свое собственное ателье.

По значимости воздействия на развитие архитектурной школы Японии Раймонд сравним с фигурой Джосая Кондера (1852–1920), английского архитектора, почти не работавшего и малоизвестного у себя на родине, но ставшего основоположником архитектурной школы и образования в Японии. Раймонд, выполнявший главным образом частные заказы, стал пропагандистом европейского подхода к архитектуре в духе Де Стиля, Баухауса и пуризма Ле Корбюзье.

«Дом Рэйнандзака», проектирование которого заняло почти два года, а строительство всего шесть месяцев (1924–1926; январь – июль 1926), занимал всю площадь участка в 60 цубо (200 кв. м; общая площадь дома 180 кв.м; снесен в 1994 году) на углу квартала в районе Адзабу к юго-западу от центра Токио. В этом доме супруги Раймонды прожили до своего возвращения в США в 1938 году (рис. 2).

В качестве строительного материала вместо традиционного для Японии дерева, с которым Раймонд работал довольно много (дом для Рашель Рейд, 1924; дом для виконта Хамао, 1927–1928; летний дом Раймондов в Каруидзава, 1933), архитектор выбирает бетон, из которого буквально отливают свой дом. Сложная асимметричная форма здания, совершенно лишенная декора, принадлежит уже дискурсу интернационального модернизма, хотя и не сразу была туда вписана, как замечает Стюарт [23. С. 104]. Использование бетона помимо сейсмоустойчивой конструкции имело еще несколько преимуществ по сравнению с деревом — звукоизоляция и теплоизоляция были выше, чем в деревянных домах, благодаря чему и в современном жилом строительстве в Японии бетон пользуется заслуженной популярностью. Документальных свидетельств о степени знакомства Раймонда с работами группы Стиль нет, но то, что он вместо столба и линии использует стену и плоскость в качестве конструктивного и художественного элемента, сближает его с поисками неопластицистов [7. С. 225].

На проектирование общей композиции дома повлиял опыт работы с японскими клиентами и непосредственного проживания в японском доме (до 1923 года супруги снимали небольшой деревянный дом с садом в районе Синагава). С одной стороны, дом замкнут сам на себе и отгораживается высокой стеной от улицы, с другой — внутри соблюдается принцип проницаемости границ между пространством наружным и внутренним, отличающий японскую архитектуру. Большие раздвижные окна-двери салона открываются в сад, позволяя, как говорил Раймонд, «почти входить в гостиную», как это принято в японских домах [цит. по: 10. С. 167] (рис. 3, 4).

В декоративном решении японские мотивы не бросаются в глаза. Раймонд использовал японские водостоки в виде подвесных цепей вместо труб, но отказался, например, от такого типичного для японского дома элемента, как татами, хотя к этому времени у него уже был опыт по созданию синтетических японско-западных интерьеров как в «Доме для семьи Танака» в Токио (1922) [9. С. 69–93]. Все полы, за исключением служебных зон, — паркет, вся мебель — в западном стиле.

Рис. 2. А. Раймонд. «Дом Рэйнандзака», 1926. Токио. Фото из архива лаборатории Т. Фудзимори

Рис. 3. «Дом Рэйнандзака»: гостиная. Фото из архива лаборатории Т. Фудзимори

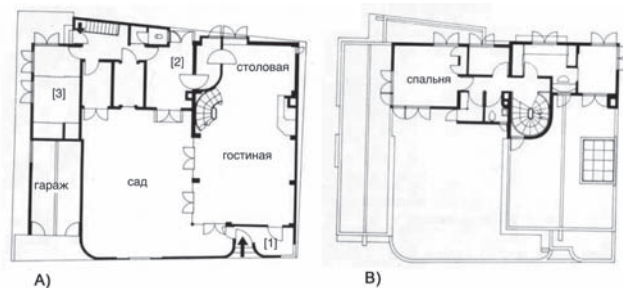

Рис. 4. «Дом Рэйнандзака»: поэтажный план. А) 1-й этаж: прихожая, гостиная-столовая (1), кухня (2), комнаты слуг (3) и гараж; В) 2-й этаж: спальни членов семьи и ванная комната

Реакция архитектурного мира на «Дом Рэйнандзака» была положительной. В 1925 году его планы и макеты были представлены в зимнем номере журнала «L'Architecture vivante». В японской архитектурной прессе проект Раймонда начинает обсуждаться после 1930 года. В 1931-м в токийском издательстве «Коёся» в томе 19 серии «Кэнтику дзидай» («Архитектурная эра») выходит небольшая монография «А. Рэймондо но сакухинсю» («Работы А. Раймонда») с предисловием японского ученика Райта — архитектора Камэки Цутиуры, чей собственный дом сегодня считается признанным образцом архитектуры модернизма в Японии [7. С. 219].

Собственный дом архитектора Камэки Цутиуры в Токио, 1935

Архитектор Камэки Цутиура (1897–1996), как и А. Раймонд, был учеником Райта. Однако, в отличие от Раймонда, он никогда не стремился формально порвать с влиянием своего учителя, хотя большая часть созданных им проектов была намного ближе к поискам Гропиуса и Ле Корбюзье, чем к мастерской Талиесина, где Цутиура с женой провели три года. Вернувшись в Японию в 1926 году, Цутиура получил место архитектора в строительной компании «Окура» (сейчас «Тайсэй»). Из его наиболее известных проектов этого периода необходимо отметить общежитие для студентов Киотского университета «Ракуто апартмент» (1933) в духе Баухауза и многоквартирный комплекс «Нономия апартмент» в Токио (1937), который своими геометрическими объемами с одинаковыми вытянутыми по горизонтали прямоугольниками окон и гладкой поверхностью стены предвосхитил стандартизированную архитектуру 1960-х.

В проекте собственного дома, построенного в 1935 году в Токио в районе Синагава, архитектор продолжает следо-

вать европейской линии функционализма². В отличие от Раймонда, Цутиура выбирает традиционный для японского строительства материал — дерево. Небольшой двухэтажный дом общей площадью около 120 кв.м стоит на склоне холма, за счет чего лужайка перед гостиной приподнята почти на два метра выше уровня улицы, создавая дому визуальный буфер (рис. 5, 6).

² Дом сохранился и в 1999 году был внесен в Список памятников архитектурного наследия модернизма японского отделения DOCOMOMO (<http://www.docomomojapan.com/registration/>).

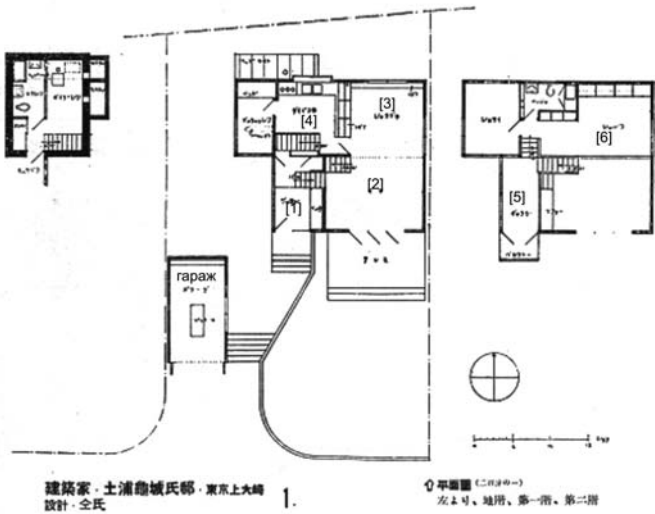

Рис. 5. Дом К.Цутиуры: поэтажный план. Слева направо: заглубленный этаж с ванной комнатой; 1-й этаж: прихожая (1), салон (2), столовая (3), кухня (4); 2-й этаж: антресоль (5), спальня (6)

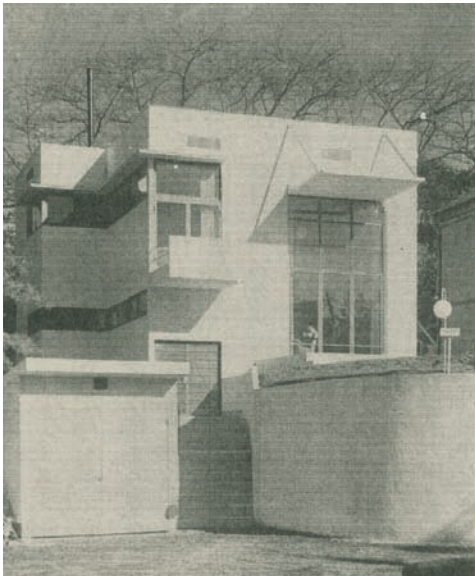

Рис. 6. К.Цутиура. Собственный дом, 1935. Токио. Слева: фото конца 1930-х годов. Из архива лаборатории Т. Фудзимори. Справа: современное состояние. Фото автора

Кубический объем дома открывается вовне двухсветным проемом окна гостиной, которое вместе в широком нависающим над ним карнизом становится основным элементом композиции фасада здания. С фасада дом напоминает плоский лист бумаги, где вырезали отверстия, а образовавшиеся излишки отогнули перпендикулярно.

Как и у Раймонда, главное пространство дома образует двухсветная гостиная, на которую открываются небольшая боковая антресоль и спальня второго этажа. Входная дверь выполнена из матового стекла, благодаря которому прихожая наполнена светом (рис. 7).

Собственный дом архитектора Кунио Мазкава, 1942

Большим двухсветным сетчатым проемом выходит на фасад и гостиная дома архитектора Кунио Мазкавы (1905–1986), который он построил для себя в Токио в 1941 году. Дом сохранился, но перенесен в архитектурный музей под открытым небом в Токио. Последовательный модернист³, ученик Ле Корбюзье, в парижской мастерской которого он

провел два года (1928–1930), образцом для собственного дома Мазкава выбрал наиболее традиционный тип японского дома — крестьянский дом-минка под большой двускатной крышей (рис. 8).

Вполне возможно, что именно личный опыт проживания в доме, спроектированном коллегой-модернистом, побудил Мазкаву обратиться к традиционной типологии. С 1938 года Мазкава жил в «Нономия апартмент», построенном по проекту Цутиуры. Большие окна, лишённые карнизов, жарким японским летом превращали квартиру в раскаленную печь [18. С. 183].

Мазкава взял за образец тип хонмунэ-дзукури, распространенный с XVII века в центральном регионе Японии, большей частью в Нагано и Тояме (рис. 9). Как правило, дома такого типа

³ Вернувшись из Парижа в Токио, Мазкава был принят в ателье А. Раймонда, где проработал пять лет до 1935 года. Параллельно он много внимания уделял участию в архитектурных конкурсах по проектированию общественных зданий, в котором следовал образцам, разработанным Ле Корбюзье для Лиги Наций или Дома Центросоюза в Москве [23. С.152–155; 18. Ch.5].

Рис. 7. Дом К.Цутиуры: гостиная и прихожая. Фото автора

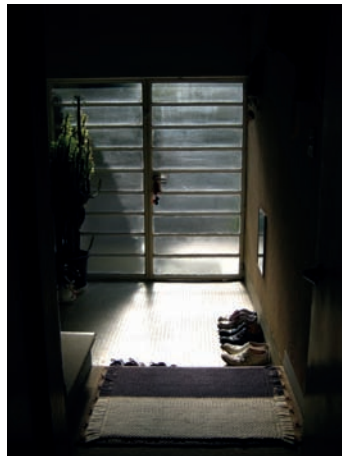

Рис. 8. К.Мазкава. Собственный дом (южный дворовый фасад), 1942. Токио. Фото автора

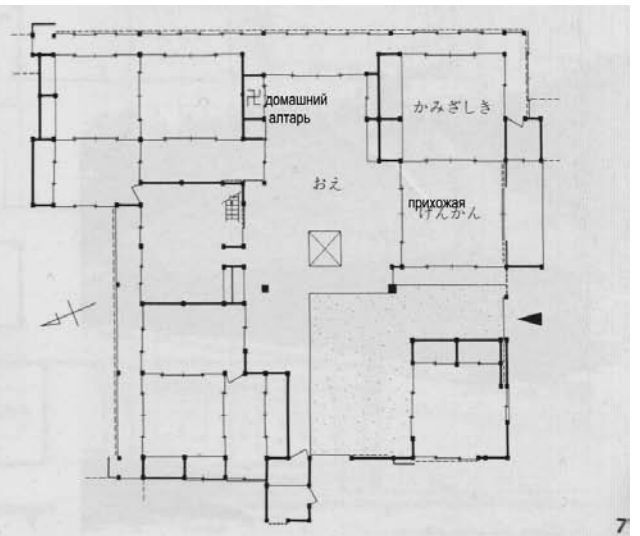

Рис. 9. Дом семьи Хориути (тип хонмунэ-дзукури), вторая половина XVIII века. Сиодзире, префектура Нагано [4, С. 94]

принадлежали главе общины, что обусловило особенности их планировки: в центре большого (около 200 кв.м) квадратного в плане дома — просторная гостиная, в которой при необходи-

Рис. 10. Дом К.Мазкавы. Гостиная. Фото автора

Рис. 11. Дом К.Мазкавы. Вид из гостиной на зону столовой. Фото автора

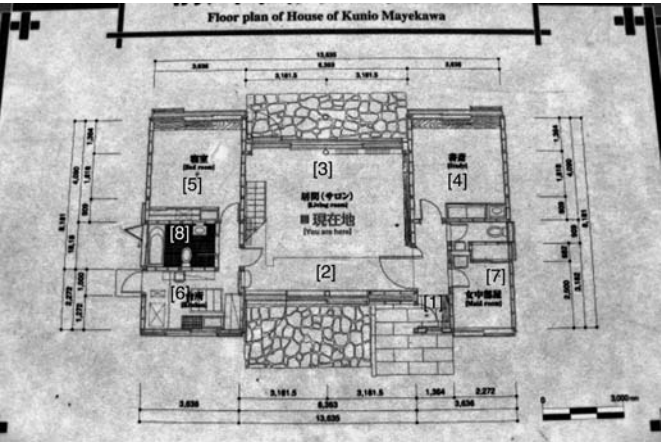

Рис. 12. Дом К.Мазкавы. План: прихожая (1), столовая (2), салон (3), кабинет (4), спальня (5), кухня (6), комната горничной (7), ванная комната (8)

мости может собраться вся деревня. Другими отличительными особенностями этого типа стал фахверковый фасад, пологий скат большой двускатной крыши, расположение входа близко к центральной оси фасада дома [15. С. 257–258].

Мазкава почти буквально следует образцу: большая двускатная крыша, открытые деревянные столбы, подчеркнутые конструктивные деревянные детали фасада, большие окна первого и второго яруса, расположение входа почти в центре фасада. Довольно небольшой дом (общая площадь дома 108 кв.м; площадь застройки — 94 кв. м) производит впечатление внушительной постройки благодаря массивной крыше.

Широкий фронтонный свес крыши дает тень на северную стену, а еще более заглубленная фронтальная ниша центрального проема на южном фасаде предохраняет салон от палящих лучей летнего солнца. Композиционное решение большого двухсветного окна салона с одной стороны имитирует традиционные японские раздвижные жалюзи-сёдзи, с другой — перекликается с «Домом Ситроен» (1922) Ле Корбюзье, который, без сомнения, был хорошо известен Мазкаве (рис. 10–11).

Если в форме апелляция к японским традициям очевидна, то внутри здание, несомненно, продукт западной архитектуры, причем, не только в деталях, дизайне, профилировке оконных рам, подоконников, дверей, но, в первую очередь, в организации пространства (рис. 12). Хотя салон, как и в доме типа хонмунэ-дзукури, является центром дома, группирующие вокруг него комнаты отделены не раздвижными перегородками, а стабильными стенами. Использование стены с распашными дверями создает непроницаемые границы между отдельными комнатами, превращая вариативное по функциями и размерам пространство традиционного японского дома в фиксированный набор из нескольких комнат.

Часть 3. Анализ жилого пространства домов архитекторов в контексте японской традиции

Для того, чтобы оценить степень нововведений, предложенных архитекторами в своих проектах, необходимо понять, как они соотносятся с традиционным укладом японцев.

Одной из ключевых черт японской среды и социума является четкая граница между внешним-чужим-нечистым и внутренним-своим-чистым [14]. Это разграничение проявляется не только на физическом уровне организации дома, но и в психосоциальных критериях, прилагаемых к его пространству [17. С. 93]. Например, именно поэтому пространство прихожей, где снимают обувь, чтобы не занести грязь в дом, одновременно выступает как физическая и психологическая буферная зона между миром снаружи и внутренним миром дома.

Ключевыми элементами, которые выделял еще Морс [15. С. 8–9] во внутренней организации физического и психосоциального пространства традиционного японского дома, являются:

- прихожая-гэнкан с перепадом уровня пола (ступенькой агарика-мати);

- столовая-гостиная-(спальня), ориентированная по возможности на юг;
- кухня, располагающаяся сбоку или в глубине дома, ориентированная на север;
- ванная комната (фуроба);
- туалет.

Сюда же входят элементы оформления традиционного японского интерьера, такие, как татами и раздвижные и мобильные панели-фусума и жалюзи-сёдзи. Именно раздвижные панели, по мнению японского философа Вацудзи Тэцуро, в отличие от непроницаемых стен в западных домах, в наибольшей степени олицетворяют общность японской семьи, которую он противопоставлял индивидуализму Запада: «[в японском доме] нет как деления на отдельные комнаты... так и нет разделения между индивидуумом и обществом как целым» [Цит. по: 21. С. 560].

Из всех вышеперечисленных самым устойчивым элементом, который сохраняется до сих пор в любом японском доме (и квартире), оказалась прихожая [17. С. 104]. Во всех трех домах архитекторов есть прихожая-гэнкан. Если для японских архитекторов сохранение привычной им организации пространства было естественно, то для архитектора-иностранца это, несомненно, сознательный ход по включению японских элементов в западно-европейский проект. Более того, Раймонд проектирует прихожую, из которой можно попасть как в гостиную, так и в сад, со встроенной мебелью на японский манер. У Цутиуры и Мазкавы особый — буферный — статус прихожей подчеркнут применением другого материала в отделке пола (плитка, камень) и традиционным перепадом уровня пола.

Социальным сердцем японского дома является гостиная-столовая, которая часто бывает и самой большой комнатой в доме в силу своей многофункциональности. Все три архитектора объединили салон и столовую, однако, в отличие от традиционного японского дома, где зона для еды не выделяется⁴, их зона столовой визуально отделена от гостиной (рис. 4, 6, 12). Как ни странно, наименьшее отделение столовой происходит опять же у Раймонда. Зона столовой выделяется только при необходимости при помощи мобильной ширмы на колесах. Цутиура и Мазкава выносят столовую в отдельную комнату, смежную с салоном, но пространственно выделенную из него: оба располагают столовую под «козырьком» антресоли второго этажа.

Третьим важным моментом является сама пространственная организация дома, которая традиционно развивается снаружи, от улицы, вовнутрь — к внутренним комнатам и саду. При этом туалет и ванная, как и кухня, могли нахо-

диться в отдельных постройках или располагаться сбоку (иногда в глубине) от основного блока комнат. Интересно, что и Раймонд, и Цутиура выстраивают композицию нижнего этажа по традиционной для японского дома схеме: от внешнего-общественного к внутреннему-частному. Между тем, как Мазкава, выбравший для дома наиболее традиционную форму, выстраивает композицию внутреннего пространства ровно наоборот: размещает кухню и столовую вдоль уличного фасада, а салон — в глубине дома. Таким образом, попасть в салон можно только через коридор и столовую. Благодаря тому, что столовая объединена с гостиной, такой переворот в иерархии пространства сегодня почти незаметен, но, вероятно, удивлял в 1940-е годы⁵.

Такой «переворот» в иерархии был обусловлен, как ни странно, другой японской традицией: ориентацией дома и комнат по сторонам света, при которой гостиную и спальню стараются всегда расположить окнами на юг. Эта традиция, уходящая корнями в Средние века⁶, сохранилась и сегодня: при сдаче или продаже квартиры цена вырастает, если окна выходят на юг. Это связано не только с тем, что южная сторона наиболее солнечная, но и с тем, что согласно китайской геомантии юг является самым благоприятным направлением из всех четырех [13. С. 429]. Из-за того, что уличный фасад дома Мазкавы обращен на север, салон был спроектирован в южной части дома окнами во внутренний сад.

В двух других проектах сохраняется следование южной ориентации центральной комнаты дома. У Цутиуры дом расположен на участке таким образом, что уличный фасад и двухсветное окно гостиной выходят на юг; Раймонд же решает проблему за счет расположения основных окон гостиной на южной стене, открывающейся во внутренний сад.

В целом в решении входной и гостевой зон архитекторы следуют традиционной модели устройства японского дома. Совсем по-другому они подходят к решению проблемы частного пространства для каждого члена семьи. Здесь все трое отдают предпочтение западной модели выделения индивидуального пространства перед общинной японской. Во всех трех проектах представлены отдельные спальни с дверьми и стабильными стенами, а не мобильными бумажными перегородками, как в традиционном японском доме.

Еще более западный подход реализуется в проектировании туалетной и ванной комнат, которые объединяются в одном пространстве. Соединение чистого (ванной и воды) с нечистым (туалет) в одном пространстве до сих пор полагается большинством японцев как крайнее психологическое

⁴ Фактически до середины XX века в традиционной японской семье было принято есть за небольшими столиками, которые ставились перед каждым членом семьи. Эта практика сохранялась в некоторых крестьянских семьях вплоть до 1970-х годов. С первой половины XX века постепенно распространяется новая практика — есть вместе за одним столом [21. С. 33–39]

⁵ Предложенное Мазкавой «перевернутое» зонирование жилого пространства с расположением кухни ближе к зоне входа, а салона, наоборот, в глубине стало крайне популярным решением в планировке малогабаритных квартир во второй половине XX века.

⁶ Центральный компартимент (синдэн) усадьбы эпохи Хэйан (794–1185), игравший роль зала приемов одновременно со спальней хозяина усадьбы, был обращен на юг [12. С. 17].

неудобство, если они сталкиваются с ним за границей [17]. Отделение туалетной комнаты от общего пространства в японском доме подчеркивается, в частности, наличием всегда специальной «туалетной» пары тапочек, которые надевают при входе в туалет и оставляют при выходе [2. С.133].

Вода же занимает особое положение в японской культуре, являясь наряду с солью, одной из очищающих субстанций в ритуалах синто [14. С. 36]. Полное омовение — мисоги — очищает человека от грехов, несчастий и загрязнений (метафизических). Поэтому бытовая реинкарнация этой традиции в виде бани (о-фуро) также занимает значительное место в повседневной культуре японцев [2. С. 112–124]. Японская ванная отличается от европейской прежде всего формой. Это глубокая бочка, в которой сидят погружаясь в горячую (около 40 °С) воду по шею. Погружаются в ванную, предварительно помывшись. Именно поэтому ванная комната в японском доме состоит из двух частей: самой ванной и зоны, где моются. И несмотря на глубоко укоренившуюся традицию, японские архитекторы-модернисты отдают предпочтение более экономичному использованию площади, объединяя ванную и туалетную комнаты. Как ни странно, только архитектор-иностранец решает следовать японской традиции организации пространства ванной комнаты, вынося туалетную в отдельное помещение.

Таким образом, помимо того, что в жилом (и, главное, спальном) пространстве вместо татами — деревянный пол, на котором расставляется западная мебель (высокие столы, стулья, диваны), кардинальные нововведения касаются все же не формы, а организации пространства дома. Если в традиционном японском доме пространство разделяется на внутреннее жилое (комнаты) и нежилое (кухня, ванная, туалет и прихожая), разница между которыми четко обозначена не только их функциями, но и при помощи планировки и дизайна помещения (приподнятый пол жилых помещений и земляной кухни и прихожей), то в модернизированном доме эти различия нивелируются. Более того, кухня, столовая и салон размещаются на одном уровне, а кухня может даже предшествовать гостиной, как у Маэкавы.

С целью выявить истоки современной пространственной организации японского дома в статье были рассмотрены три примера организации пространства частного дома в работах архитекторов 1920–1940-х годов. Фактически решения, предложенные тремя архитекторами, затрагивают все аспекты проблематики проектирования японского дома XX века: материал, строительные технологии, форму дома, организацию внутреннего пространства и быта.

А. Раймонду уже в 1926 году удалось показать, что японские приемы организации пространства (мультифункциональная столовая-гостиная, подвижность границ между интерьером и садом, создание буферной зоны между улицей и домом) могут чрезвычайно эффективно работать внутри западноевропейской формы, создавая новое, но адекватное климату и условиям жизни пространство дома. К. Цутиура в 1935 году продемонстрировал, как можно использовать прин-

ципы модернизма, чтобы создать комфортное и современное пространство для японской семьи внутри компактного городского дома общей площадью чуть более 100 кв. м. К. Маэкава в 1942 году показал, что в поисках модернизированного образа нового японского дома совершенного не обязательно отказываться от традиций. И доказал, что вернакулярная форма удачно сочетается с абсолютно западным подходом к решению внутреннего пространства.

В довоенный период происходит поиск материалов, в наибольшей степени удовлетворяющих как климату, так и возможностям среднего класса. Бетон, фактически впервые предложенный А. Раймондом для частного строительства, становится одним из самых популярных материалов благодаря своим сейсмоустойчивым, тепло- и шумоизоляционным качествам. Являясь традиционным материалом, дерево с которым работали Цутиура и Маэкава, не потеряло своих позиций благодаря экономичности технологии строительства.

Намеченная архитекторами 1920–1940-х годов тенденция к выделению индивидуального пространства для каждого члена семьи внутри дома в послевоенный период уже закрепились как устойчивая модель планировки и проживания, при которой отдельная спальня-комната станет стандартом [17]. Между тем другие нововведения, такие, как объединение туалетной и ванной комнат, если они входят в противоречие с устойчивыми представлениями о иерархии и границах пространства, оказывались отвергнуты.

Начиная с 1950-х годов работы и предложения Раймонда, который вернулся в Японию после Второй мировой войны, наряду с проектами Цутиуры и Маэкавы, становятся той базой, которая питает как японский модернизм второй половины XX века, так и наиболее интересные решения для современного японского дома, выработанные уже архитекторами 1950–1960-х годов.

Литература

1. Кума К. 10 (Дзю)таку рон: 10 сюруй но нихондзин га 10 сюруй но дзютаку [Теория десяти домов: десять видов домов десяти видов японцев]. Токио: Тикумо сёбо, 1990.
2. Мещеряков А.Н. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, Рипол Классик, 2006.
3. Накагава Т. Нихон но из: кукан, киоку, котоба. [Японский дом: пространство, память, слова]. Токио: ТОТО Сяппан, 2002.
4. Нихон кэнтику гакай [Ассоциация архитектуры Японии]. Нихон кэнтикуси дзюсю [Иллюстрированная история японской архитектуры]. Токио: Акаиракуниси, 1980.
5. Утида С. Нихон но киндай дзютаку [Японский современный дом]. Токио: Кадзима сяппанса, 1999.
6. Уэда А. Нихондзин то сумай [Японцы и жилище]. Токио: Иванами сяппанса, 2002.
7. Фудзимори Т. Нихон но киндай кэнтику: Тайсё-Сёвахэн [Японская современная архитектура: период Тайсё-Сёва]. Токио: Иванами сётэн, 2007.

8. Ямамото Р. Дзюкёрон [Теория жилища]. Токио: Хэй-бонся, 2004.

9. Gloaguen Y. Towards a Definition of Antonin Raymond's 'Architectural Identity': A Study Based on the Architect's Way of Thinking and Way of Design. PhD diss. Kyoto University, 2008.

10. Helfrich K.G.F. Building the Contemporary House: Modernity, Regionalism and the Ideal of Japan in Antonin Raymond's Residential Designs, 1921–1952. PhD diss. University of Virginia, 1997.

11. Hirayama Y., Ronald R. (eds). Housing and Social Transition in Japan. London & New York: Routledge, 2007.

12. Jiroh T., Keane M.P. Sakuteiki: Visions of the Japanese Garden: A Modern Translation of Japans Gardening Classic. Tokyo: Tuttle Publishing, 2001.

13. Mak M.Y., Ng S.T. The Art and Science of Feng Shui—A Study on Architects' Perception // Building and Environment, 2005, 40(3). P. 427–434.

14. Morita Y. Japanese Shinto Rituals for Revering Nature: Following the Way of the Kami to Reconnect with Nature. Order No. 1438627, California Institute of Integral Studies. 2006 // <http://search.proquest.com/docview/304953958?accountid=45451>.

15. Morse E.S. Japanese Homes and Their Surroundings. Boston: Ticknor and company, 1886.

16. Nishi M. Regional Variations in Japanese Farmhouses // Annals of the Association of American Geographers, 1967, 57(2). P. 239–266.

17. Ozaki R., Lewis J.R. Boundaries and the Meaning of Social Space: A Study of Japanese House Plans // Environment and Planning D: Society and Space, 2006, 24. P. 91–104.

18. Reynolds J.M. Maekawa Kunio and the Emergence of Japanese Modernist Architecture. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 2001.

19. Roland A. In Search of Self in India and Japan: Toward a Cross-Cultural Psychology. Princeton: Princeton University Press, 1991.

20. Ronald R., Allison A. (eds.) Home and Family in Japan: Continuity and Transformation. London & New York: Routledge, 2011.

21. Ronald R. Privatization, Commodification and Transformation in Japanese Housing: Ephemeral House–Eternal Home // International Journal of Consumer Studies, 2009, 33 (5). P. 558–565.

22. Sand J. House and Home in Modern Japan: Architecture, Domestic Space, and Bourgeois Culture, 1880–1930. Cambridge (Massachusetts) and London: Harvard Univ Asia Center, 2005.

23. Stewart D.B. The Making of a Modern Japanese Architecture: 1868 to the Present. Tokyo and N.Y.: Kodansha International, 1987.

Literatura

1. Kuma K. 10 (Ju)taku ron: 10 shurui no nihonjin ga 10 shurui no jyutaku. Tokyo: Chikumo shyobo, 1990.

2. Meshcheryakov A.N. Kniga yaponskikh obyknoveniy. M.: Natalis, Rapol Klassik, 2006.

3. Nakagawa T. Nihon no ie: kukan, kioku, kotoba. Tokyo: TOTO Shuppan, 2002.

4. Nihon kenchiku gakkai. Nihon kenchiku zushu. Tokyo: Akairakunisha, 1980.

5. Uchida S. Nihon no kindai jutaku. Tokio: Kajima shuppansha, 1999.

6. Ueda A. Nihonjin to sumai. Tokyo: Iwanami shuppansha, 2002.

7. Fujimori T. Nihon no kindai kenchiku. Tokyo: Iwanami shoten, 2007.

8. Yamamoto R. Jukyoron. Tokyo: Heibonsha, 2004.

Reconsideration of Japanese Dwelling Space in the Works of Architects of 1920–40s.

By A.V.Guseva

In the 20th century Japanese house has undergone a tremendous metamorphosis transforming from established vernacular typology to a vast range of different architectural approaches. This process took form of complex interaction between Japanese vernacular and new western dwelling. The purpose of this research is to identify the origins for the space organisation of contemporary Japanese house. This has been done by examining three houses of architects A. Raymond (1926), K. Tsuchiura (1935), and R. Maekawa (1942) with a focus on correlation between architectural space and social meaning of dwelling space in Japanese tradition.

Ключевые слова: архитектура Японии, жилище, жилое пространство, К. Маэкава, А. Раймонд, К. Цутиура.

Key words: Japanese architecture, housing, dwelling space, K. Maekawa, A. Raymond, K. Tsuchiura.

Формирование образа зданий медицины

А.Р.Гайдук

Изучение архитектуры зданий медицины, несмотря на значительный объем исследований, является по-прежнему актуальным. Рассмотрение облика таких зданий в культурно-временном контексте позволяет определить тенденции развития их архитектурных особенностей. Современные архитекторы и дизайнеры, особенно в странах Европы и США, озадачены вопросом радикального изменения больниц путем их «очеловечивания». Над актуальной проблемой работают такие архитекторы, как Тони Монк, издавший в 2009 году книгу «Строительство больниц», Сунэнд Прээзд, Арвид Оттар, Фрэнк Гери, Рей Винтер, Пирс Гог, Эдвард Каллинан, Рем Колхас, Кисё Курокава, Крис Уилкинсон и др. Отношение к архитектуре, планировочному решению, внутреннему и внешнему дизайну медицинских учреждений меняется со временем, поэтому целесообразно их классифицировать и оценивать по временному признаку.

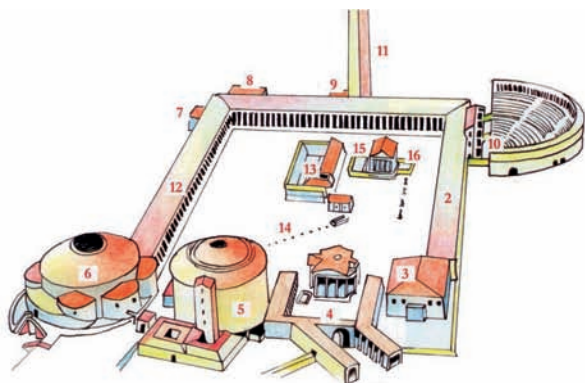
Первые попытки создания лечебных зданий отмечены в городах Древней Греции и Древнего Рима. В Греции лечебные заведения устраивались при храмах – асклепиях. В Римской

империи строили специальные дома – валетудинарии – предназначенные для лечения раненых воинов.

Впервые больницу на государственные деньги построили в Египте (около 873 года). Но предназначена она была лишь для бедных слоев населения. Известно деление больницы на женскую и мужскую половины.

Средневековые европейские города с точки зрения гигиены и санитарии представляли собой довольно удручающее зрелище. По улицам бродили домашние животные и птицы, сюда же выбрасывались весь мусор и остатки еды. Днем в сухую погоду город окутывала пыль и невозможно было дышать, в дождливое время он превращался в болото. Свиристствовали голод, эпидемии чумы, дизентерии и проказы.

В середине VII века во Франции парижский епископ Ландри построил первую в городе больницу «Отель-Дьё» («Дом Божий»). Первые упоминания о ней в исторических летописях относятся к 651 году. Однако больница была больше благотворительным приютом, чем лечебным учреждением.

Храмовый комплекс Асклепион в Пергаме

Главный корпус старейшей больницы «Отель-Дьё» в Париже. Новый корпус

В Средние века лечебные учреждения были частью храмов. Роль врачей исполняли монахи. Больных размещали в комнатах монастыря с массивными стенами, узкими оконными проемами, тяжелыми сводами. Расстановка кроватей строго зависела от расположения алтарной части храма. Тогда же шло бурное развитие медицины на Востоке. Пик расцвета пришелся на времена арабских халифатов – X–XI века. Интересно предание о способе, каким восточные архитекторы определяли место будущего строительства больницы: в разных частях города развешивали куски сырого мяса и наблюдали, где оно загниет последним. Там и приступали к строительству.

Больница Святого Духа в Германии — одно из лучших сохранившихся до наших дней средневековых зданий подобного рода в Центральной Европе. Больничный комплекс составляют сама больница и прилегающая к ней церковь. В своем качестве здание проработало вплоть до 1970 года. Одно из его помещений сейчас отдано небольшому приюту. В западной части комплекса находится больничная церковь, построенная в 1286 году.

В позднее Средневековье в Европе стал формироваться новый тип больничных учреждений. В этих зданиях были не только комнаты для больных, но и подсобные, хозяйственные

помещения, аптеки и сады для прогулок. Стоит отметить, что такие больницы были доступны лишь состоятельной части населения Европы.

Конец XII – начало XVI века – время развития готической архитектуры. Здания получили так называемый готический каркас, который был способен распределять нагрузку каменных конструкций на определенные точки. Эта находка позволила экономить на материалах, объединять внутреннее пространство здания в единое целое, отказаться от колонн, которые сокращали внутренний объем здания. Вместе с этим была увеличена высота зданий.

С резким и быстрым технологическим ростом в конце XIX века происходит трансформация лечебных зданий. Повсеместное введение электричества, отопления, водоснабжения, канализации и вентиляции диктовало изменения в объемно-планировочной структуре здания. Кроме того, появился рентген, требовавший особых условий применения.

В XX веке широко распространились учения о гигиене. За основу планировки зданий медицины была принята павильонная система. Больницы состояли из множества отдельных корпусов. Преимуществом такой системы является возможность расширения и перестройки отдельных корпусов без затрагивания других. Однако длинные линии связи между корпусами требовали увеличения числа персонала и повышали эксплуатационные издержки. Примером может служить Больница им. Боткина в Москве, строившаяся под руководством архитектора Иллариона Иванова-Шица (1910) на деньги купца первой гильдии Козьмы Терентьевича Солдатенкова, который в своем завещании жертвовал 2 млн. рублей на строительство новой больницы в Москве. Лечебное учреждение было рассчитано на 505 коек и состояло из 12 лечебных корпусов, оснащенных передовым по тем временам оборудованием. В годы Первой мировой войны часть новой больницы была отведена под госпиталь.

С распространением учения о функционализме функция здания стала диктовать изменения его формы и объема. Ле Корбюзье называл дом «машиной для жилья». Повсюду шло

Больница Святого Духа в Германии (XIII–XIV века)

Больница им. С.П. Боткина в 1920 году

строительство из монолитного железобетона и бетона. Появляется новый тип зданий с характерными прямоугольными формами, ленточным остеклением фасадов серого или белого цвета. Критики тогда говорили о безликости, бездуховности, угловатости и грубости, присущих зданиям в стиле функционализма. Но у строений такого типа были и положительные качества: сокращались линии связей между отдельными блоками, создавалась возможность относительно быстрого внедрения нового технологического оборудования без изменения конструктивной составляющей здания, обслуживание осуществлялось меньшим количеством персонала. Примером может служить Центральная больница Северной Карелии, открытая в 1953 году. Авторами ее проекта являются Юсси Паатела и Олли Пёйю.

Прототипом многих построенных в конце XX века больниц может служить открытая в 1933 году туберкулезная больница в Паймио (Финляндия), ныне переоборудованная в лечебный корпус санатория. Архитектором больницы был известный финский зодчий Алвар Аалто, стремившийся в своих проектах объединить функционализм и «гуманистический дизайн».

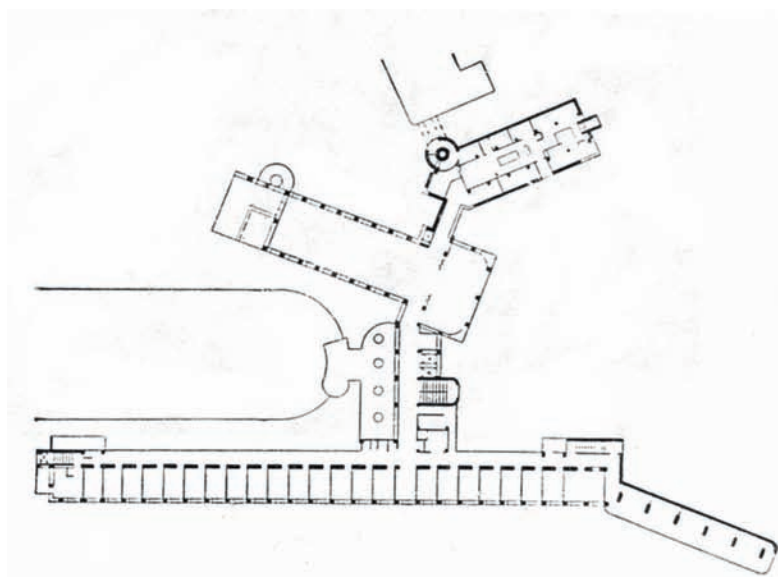
Все корпуса здания размещены таким образом, чтобы быть хорошо инсолированными. Интерьеры больницы имеют мягкое рассеянное освещение. В каждой палате предусмотрена своя раковина, которая сконструирована архитектором так, чтобы подавлять шум текущей из крана воды. Разработанная Аалто мебель для больницы сегодня хранится в музее.

В конце XX века меняется облик городов и зданий. Высокие технологии в строительстве, повсеместная компьютеризация, новые возможности в проектировании, развитость системы инженерии определили абсолютно новые объемы зданий. Больницы превратились в крупные центры, вмещающие не только клинику, но и исследовательские институты. В США в русле модного модернизма начинается строительство небоскребов – призм из стекла и бетона. Как известно, запатентовал широко используемый сейчас железобетон французский садовник Жозеф Монье. Интересно, что изобрел он его, когда искал наилучший материал для садовых кадок. Железобетонные конструкции позволили изменить облик как жилых, так и промышленных зданий.

Первую многоэтажную (13 этажей) больницу «Божон» построили в Клиши (Франция). Рассчитанная на 1500 коек,

Центральная больница Северной Карелии

Переоборудованная в санаторий туберкулезная больница в Паймио (Финляндия). 1929–1933. Архитектор А. Аалто. План и изображение на почтовой марке

она была решена как единый комплекс. Преимуществами больницы стали короткие виды горизонтальной и вертикальной связи, полноценное использование новейшего технологического оборудования, сокращение обслуживающего персонала, меньшая площадь в перенаселенном городе. К недостаткам таких зданий относятся невозможность введения строения в эксплуатацию частями, а также расширения его объема. Опыт строительства подобных больниц перенимают и другие западные страны.

На основе опыта строительства больниц-небоскребов архитекторами-рационалистами была предложена блочная система застройки.

Технологический прорыв во время высоких технологий и компьютеризации способствует превращению все новых зданий медицины в крупные центры. Со становлением в 1970-е годы стиля хай-тек в архитектуру зданий входят прямые и четкие формы, используются пластмасса, стекло и металл. Все инженерное оборудование прячется либо на крышах, либо в подвалах. Невероятные для того времени формы Хрустального дворца английского архитектора Джозефа Пакстона или Эйфелевой башни открывали безграничные возможности в формировании архитектурной пластики. Менялся и облик больниц. Примером тому может служить Европейский госпиталь им. Жоржа Помпиду в центре Парижа – современный многопрофильный медицинский центр, соответствующий требованиям медицины XXI века. Госпиталь был введен в эксплуатацию в 1999 году, а в 2000-м принял первых пациентов. Восьмизэтажное здание рассчитано на 806 койко-мест для стационарных больных и 89 мест для амбулаторного лечения.

Современным зданиям медицины присуще «очеловечивание», направленность архитектурных форм на контакт с человеком на разных уровнях: символическом, социальном, психологическом и эмоциональном. Это помогло решить проблему безликости зданий больниц и поликлиник. В то же время изучение названных уровней позволило архитекторам определить основные минусы зданий медицины:

- наличие длинных и темных коридоров;
- искусственный холодный свет;
- скучная отделка;
- примитивность мебели.

Оказалось, что лечат не только лекарства, но и обстановка. Архитекторы стали проектировать новые объемы, позволяющие учитывать выявленные недостатки. Примером современной больницы может служить детский медицинский центр «Косэйр» в городе Браунсборо (США). Яркие и пластичные фасады радуют детей, помогая побороть их страх перед осмотром и возможным лечением. Дети просто забывают, где они находятся. Все в больнице располагает к игре. Архитектор проекта Рей Уинтер старался создать для детей притягательную атмосферу здания.

«Архитектурным лекарством» называет испанский архитектор Рафаэль де Ла-Оз Кастанис свой проект – больницу «Рей-Хуан-Карлос» в Мадриде. Нижняя часть больницы представлена тремя модулями, объединенными стилобатом. Фасады здания одеты в декоративные модули из стекла с рисунком.

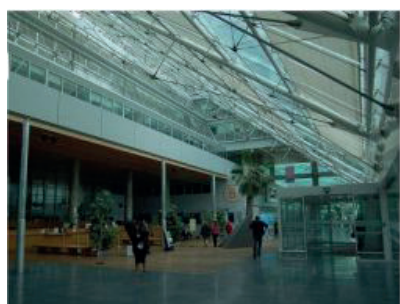
Каждый такой модуль имеет круглую вогнутую форму и является окном в палате. По замыслу архитектора о больнице должно напоминать только оборудование, которое

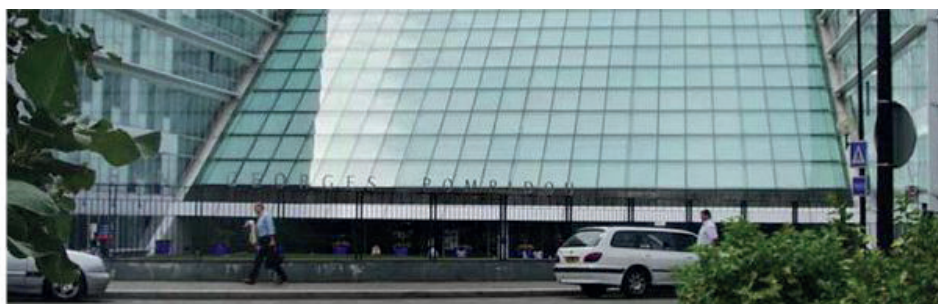
Больница «Божон» в Клиши (1930–1935)

Детский медицинский центр «Косэйр»

Госпиталь им. Жоржа Помпиду (Франция)

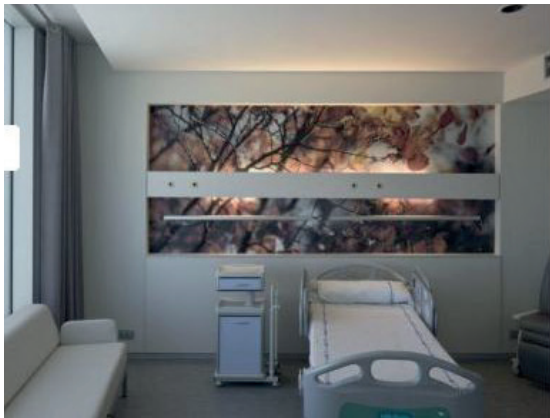

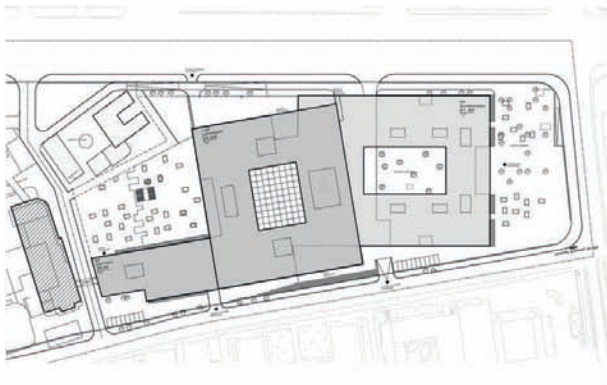
Больница «Рей-Хуан-Карлос» в Мадриде. Решение фасадов

невозможно скрыть от пациента. Интерьер больницы решен в теплой и, спокойной гамме, без агрессивного верхнего освещения. Внутри каждого из трех формообразующих модулей есть атриумы с садами, полуприкрытые от непогоды. Интересно решены кабинеты врачей-специалистов – они присоединены к внутреннему атриуму башни, а между собой соединены открытыми коридорами и комнатами ожидания. Такое планировочное решение позволяет обеспечить больницу естественным светом и быстрым доступом к каждому модулю. Удобные подъездные пути к больнице выполнены с использованием георешетки.

Интересен опыт перестройки существующих больниц. Например, здание больницы «Драм-Тауэр», основанной в конце XIX века канадским миссионером доктором Маккли-

Больница «Рей-Хуан-Карлос» в Мадриде. Решение интерьера палат

Больница «Драм-Тауэр». План и общий вид

Больница «Драм-Тауэр». Общий вид и решение фасада

ном. Больница со временем теряла свою функциональность, становилась менее комфортной для пациентов и персонала. Специалистами из международного архитектурного агентства Lemanarc SA был разработан проект ее переоснащения, расширения и реорганизации. Теперь на базе больницы функционируют клиника и кафедра Медицинского университета Нанкина.

Современные здания медицины имеют разнообразную инфраструктуру. Архитекторы наполняют их пространство гостевыми блоками для посетителей пациентов, точками питания, библиотеками, спортзалами, кинотеатрами, спа-центрами. Таким образом, пациенты больниц не чувствуют себя оторванными от внешнего, привычного им мира. Дизайнеры, работая вместе с архитекторами, включают в интерьеры многочисленные детали, создающие уют. Отмечено, что больные люди острее, чем здоровые, воспринимают пространство, цвет, свет, фактуру и наполненность среды. Больному человеку важно быстро ориентироваться в пространстве, быть самостоятельным, ощущать свободу.

Главным принципом шведского архитектора Эрика Асмуссена при проектировании больницы «Видарклиникен» было создание свободы для пациента, которая приравнена к спасительной таблетке. Например, дизайнерами были разработаны дверные ручки: если дверь открывается наружу, то место ручки занимает отпечаток ладони, а если внутрь – ручка выполнена в форме руки, поданной для приветствия. Личное пространство пациента формируется в отдельной палате, удобной для частого посещения его близкими. Использование натуральных материалов и по возможности дневного света, имитация комфортной домашней обстановки, красивый вид из окна, живые цветы, наполнение интерьера предметами искусства, картинами и фотографиями, внимание к деталям – все это не только благоприятно влияет на состояние пациентов, способствуя их скорейшему выздоровлению, но и является важным маркетинговым инструментом. К вопросам, требующим внимания архитекторов и дизайнеров, относится также снижение уровня шума в медицинских учреждениях. Шумная обстановка становится причиной стресса у пациентов, часто они не могут нормально спать в больнице из-за постоянно открывающихся и закрывающихся дверей и шума приборов, тогда как сон является крайне важным аспектом при выздоровлении.

Таким образом, архитектура зданий сети медицинского обслуживания сегодня переориентирована на быструю смену процессов лечения, технологического оборудования. Архитекторы при проектировании сложных систем больничных служб стремятся к достижению максимальной их эффективности. Больницы и госпитали наполняются различными элементами инфраструктуры. Четко прослеживается тенденция к трансформации строгих казарменных помещений больниц в комфортные с тщательно продуманным интерьером. Меняется и планировочная структура зданий медицины. Архитекторы отходят от использования коридорных планировочных систем как менее

удобных. Во всем мире для консолидации архитекторов, дизайнеров, инженеров и других специалистов, работающих в области проектирования зданий медицины, проводятся ежегодные форумы и конференции. Опыт последних десятилетий в проектировании и строительстве показал, что современная больница – это целый город, живущий своей жизнью.

Литература

1. *Алексушин Г.В.* Летопись областной клинической больницы. Самара: Самарский дом печати, 2000.
2. *Финкельштейн Л.О.* Больница // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.
3. *Graban M.* Lean Hospitals: Improving Quality, Patient Safety, and Employee Satisfaction. CRC Press, 2008.
4. *Arthur J.* Lean Six Sigma for Hospitals: Simple Steps to Fast, Affordable, Flawless Healthcare. 2011.
5. Rey Juan Carlos Hospital [Электронный ресурс] // <http://vestnik.icdc.ru/index.php/world/359-bolnitsa-rey-juan-carlos-hospital-gorod-mostoles-ispaniya/>.
6. Медицина будущего глазами архитекторов [Электронный ресурс] // <http://vestnik.icdc.ru/index.php/world/375-1/>.

Literatura

1. *Aleksushin G.V.* Letopis oblastnoj klinicheskoy bolnicy. Samara: Samarskiy dom pechati, 2000.
2. *Finkelshtein L.O.* Bolnica // Enciklopedicheskiy slovar Brokgayza i Efrona: v 86 t. SPb., 1890–1907.
6. Medicina budushchego glazami arhitektorov [Electronnyy resurs] // <http://vestnik.icdc.ru/index.php/world/375-1/>.

Formation of the Image of Medical Buildings.

By A.R.Gajduk

In the article questions of formation of buildings of medical services are considered. Studying of references allowed to reveal the features influencing planning decisions of hospitals. Various planning decisions and tendencies to formation of modern hospitals are noted. The factors influencing comfort of the patient in the building of medical appointment are revealed. It is noted that architects began to project the new volumes allowing to consider shortcomings of earlier constructed hospitals.

Ключевые слова: архитектура зданий медицины, больница, современные тенденции в проектировании больниц.

Key words: architecture of buildings of medicine, hospital, current trends in design of hospitals.

Значимость архитектуры для устойчивого развития сельских территорий С.Б.Моисеева

Сельские территории обладают природным, демографическим, экономическим и историко-культурным потенциалом, который при рациональном и эффективном использовании может обеспечить их устойчивое развитие, высокий уровень и качество жизни населения.

В то же время жизненная ситуация на селе сложная. Низкие заработки, тяжелый физический труд, бесперспективность, оторванность от культурных центров, опустевшие деревни побуждают население, особенно молодое, мигрировать в города: около 30% сельских жителей, в том числе 50% молодежи, либо точно намереваются уехать, либо задумываются о переезде.

Естественно, такая ситуация волнует руководство страны. В подобных условиях без государственной поддержки и многосторонней дотации не обойтись.

С 2002 по 2013 год в стране действовала Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года», которая вместе с национальным проектом «Развитие АПК» и другими приоритетными национальными проектами по жилью, образованию и здравоохранению была ориентирована на укрепление производственного потенциала, жилого сектора и социально-инженерной инфраструктуры на сельских территориях. Программа выполнила в основном количественные задачи: было возведено 18,1 млн. кв. м жилья для 265,4 тыс. семей (рис. 1), в том числе 5,7 млн. кв. м для 91,6 тыс. молодых семей и молодых специалистов (31,5%); сеть сельских общеобразовательных школ пополнилась 105,8 тыс. ученических мест (рис. 2); открылось 744 фельдшерско-акушерских пункта

(рис. 3); проложено 62,2 тыс. км распределительных газовых сетей, 18,4 тыс. км локальных водопроводов [1].

Все это способствовало определенным успехам в социальной сфере: обеспеченность жильем увеличилась за 10 лет с 20,7 кв.м до 24,8 кв. м на человека; уровень занятости повысился с 57,8% до 60,2%; общая безработица сократилась с 10,4% до 8,3%; продолжительность жизни возросла на 4,3 года [1. С. 5].

Рис. 2. Общеобразовательная школа на 500 ученических мест со спортивным залом и бассейном в селе Сива (5 тыс. жителей) Сивинского района Пермской области. Построена в 2012 году. Стоимость – 282 млн. рублей

Рис. 1. Жилая застройка села Крестовоздвиженка Амурской области

Рис. 3. Фельдшерско-акушерский пункт в деревне Бычки Дмитровского района Орловской области. Построен в 2012 году. Стоимость – 5,9 млн. рублей

Недостатками по итогам выполнения этой программы можно считать: отставание ввода социальных объектов в связи с отсутствием финансирования на эти цели в 2003–2006 годах; однообразие типов жилых домов – без учета потребностей заселяемых семей; невыразительность облика поселений как в отношении художественных качеств объектов, так и в планировочной структуре жилых образований, поскольку строительство велось без предварительного составления генеральных планов. Однако неоспоримым достижением программы стала ориентация на пилотное проектирование целых поселений с комплексной компактной застройкой или отдельных жилых образований при производстве.

На начальной стадии выполнения программы пилотных поселений было всего два: поселок Варницы Вологодской области и деревня Култубан в Республике Башкортостан. Это были полноценные поселения с развитой селитебной и производственной зонами, запроектированные местными институтами. О них мы уже писали в 2012 году [4].

Позднее упор был сделан на возведение многочисленных, но не комплексных, а преимущественно жилых образований при вновь возводимом или реконструируемом производстве. Этот метод имеет ряд преимуществ – скорость ввода жилья, возможность приглашения на производство квалифицированных кадров, повышение комфортности проживания за счет инженерного оснащения, поддержка в финансировании возведения жилья со стороны муниципалитетов и хозяйств.

Как правило, пилотное образование представляет собой группу из 20–30 одно-двухэтажных жилых домов, иногда с добавлением к ним детского сада, фельдшерско-акушерского пункта, спортивной площадки.

В качестве примера может служить пилотный проект комплексной компактной застройки и благоустройства села Чистопрудное Шадринского района Курганской области (рис. 4). Здесь предусмотрены размещенные вдоль улицы 22 жилых дома, детский сад малой вместимости, фельдшерско-акушерский пункт и спортивные площадки.

В разных регионах количество таких пилотных образований колеблется, особенно много их в Рязанской области.

Рис. 4. Пилотный проект комплексной компактной застройки и благоустройства – село Чистопрудное Шадринского района Курганской области

Рис. 5. Регионы, участвовавшие в реализации проектов комплексного обустройства площадок под компактную жилую застройку в 2009–2014 годах

Общая картина размещения и реализации проектов комплексного обустройства площадок под компактную жилую застройку в 2009–2014 годах представлена на карте (рис. 5).

Недостатками такого подхода к застройке пилотных жилых образований представляются: отсутствие необходимых видов обслуживания, помимо минимальных; однообразный характер размещения домов – «в строчку» вдоль улицы; ограниченность градостроительных приемов формирования жилых групп – отрезок улицы, сквер, квартал.

В планах НИР Российской академии архитектуры и строительных наук ежегодно присутствуют научные исследования, посвященные сохранению и развитию российского села. В 2015 году завершилась продолжавшаяся три года тема 2.1.8 «Роль архитектуры в формировании среды жизнедеятельности на сельских территориях».

В ходе работы исследовались положительные результаты и недочеты Программы по социальному развитию села, действовавшей до 2013 года, и велась подготовка предложений по стратегии архитектурного преобразования села в соответствии с проблемами новой Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» [2]. Эта программа, сокращенно называемая «УРСТ», ориентирована на материальное преобразование деревни за счет нарастания объемов жилищного и культурно-бытового строительства, оснащения сел газификацией и водопроводом, замены ветхого фонда, создания 132 пилотных поселений.

В ходе подготовки программы устойчивого развития сельских территорий до 2020 года рассматривались три варианта целевых индикаторов и ожидаемых результатов, из которых был выбран наиболее перспективный – базовый вариант. По нему намечен ввод (приобретение) 5438,8 тыс. кв. м для обеспечения жильем 75,5 тыс. семей, в том числе 3032,3 тыс. кв. м для 42,1 тыс. молодых семей и молодых специалистов. В области общеобразовательных учреждений намечен ввод 22,3 тыс. мест в школах, причем исключительно взамен ветхого фонда; в области медицинского обслуживания – ввод 858 фельдшерско-акушерских пунктов и (или) офисов врачей общей практики в целях повышения доступности для сельских жителей первичной медицинской помощи; в области культурно-досугового обслуживания – ввод 9,9 тыс. мест учреждений культуры для улучшения их территориальной доступности.

За каждой цифрой стоит архитектурное воплощение. Наиболее многослойным, многовариантным представляется сельское жилище – и по типу, и по величине в зависимости от заселяемых семей. Общий фонд вводимого жилья можно разделить на три неравные части:

– социальное жилище, безвозмездно предоставляемое государством наиболее уязвимой категории населения, – примерно 3–4% от вводимого фонда;

– социально-частное жилище, предоставляемое молодым семьям и молодым специалистам с дотацией от муниципалитета или хозяйства на 15 лет с ежегодной выплатой 1/15 части и переходом во владение через 15 лет, – примерно 30–32% от вводимого фонда;

– частное жилище, возводимое или приобретаемое на собственные средства, – примерно 65–67%.

Из жилых домов наиболее целесообразны усадебные с участками, «растущего типа» по горизонтали за счет пристройки и по вертикали за счет мансарды. Такие дома особенно удобны для молодых семей. Для социального жилья и размещения приглашаемых специалистов удобнее блокированные дома.

Дома дифференцируются также по степени достатка, по назначению – с местом приложения труда, как перспективные жилые комплексы – с товарным хозяйством, фермерские, дома на несколько поколений («родовое гнездо») и т.д.

По данным Департамента сельского развития и социальной политики МСХ России, общий объем ресурсного обеспечения мероприятий по улучшению жилищных условий селян в 2014 году составил 23 млрд. рублей, в том числе 43,1% – из федерального бюджета, 35,2% – из бюджетов субъектов Российской Федерации, 21,7% – из внебюджетных источников. Эти средства позволили завершить начатые еще в 2010 году объекты. Ввод (приобретение) жилья в 2014 году составил 1298,7 тыс. кв. м.

Лучшие из сданных в 2014 году жилых домов представлены на рисунке 6. Если сравнить их с жилыми домами начального этапа (рис. 1), видно, что в архитектурном плане они значительно совершеннее: отвечают природно-климатическим условиям места строительства, обладают развернутой планировочной структурой, выразительной входной группой, высокими скат-

Рис. 6. Жилые дома, завершенные в сельской местности разных регионов в 2014 году

ными крышами, отличаются качественными строительными материалами, благоустройством придомового участка.

В школьном строительстве преобладают средние школы с нормативной (25 учащихся) или уменьшенной наполняемостью (12 учащихся). Помимо школы в поселке Сива (рис. 2), примерами могут служить школа в поселке Подосинки Дмитровского района (рис. 7), школы сел Романово и Шопино Калужской области. Такие школы требуют надежно организованного подвоза учащихся специализированным транспортом, что не всегда возможно. Поэтому не теряют своей актуальности другие типы школ – начальные (I ступень – 4 класса); начальные, объединенные с детским садом; основные с уменьшенной наполняемостью (I и II ступени – 9 классов). Во всех школах, требующих подвоза учащихся, необходимо предусматривать помещения для сна на случай непогоды.

Фельдшерско-акушерские пункты (по примеру ФАП, представленному на рисунке 3) требуют определенной модернизации за счет устройства временных стационарных мест, организации выездного медицинского обслуживания, создания услуг для престарелого населения.

Учреждения культуры сохраняют свою значимость на селе, несмотря на развитие телевидения, однако вместо зрелищных мероприятий в них преобладают клубно-досуговые, необходимы помещения для общения, массовых действий, празднеств; часто клубы объединяются с библиотечными и спортивными помещениями.

К зданиям, целесообразным для строительства на селе, относятся также гостиницы. Обычно «дом приезжих» малой вместимости размещался в здании торгового центра и лишь в особых случаях, как в поселке Верхняя Троица Тверской области, гостиница возводилась как самостоятельное сооружение. На наш взгляд, гостиница в селе должна быть обязательно. Это оправданно и функционально, и экономически: в ней могут временно проживать приглашенные специалисты до получения жилья; сюда могут приезжать специалисты для обмена опытом; летом гостиница, используемая в рекреационных целях для отдыха и экотуризма, может приносить доход хозяйству. В поселке Романово Медынского района возведен красивый четырехэтажный «гостиничный дом», используемый многопланово (рис. 8). В зависимости от местных условий гостиница может принадлежать муниципалитету или хозяйству либо быть частным пансионом на основе индивидуальной трудовой деятельности.

В числе задач программы УРСТ – демонстрация достижений в сфере преобразования села. В качестве примера могут быть представлены объекты

– победители конкурса «За достижение высоких результатов в сфере устойчивого развития сельских территорий» в рамках программы «Золотая осень – 2013». Среди этих объектов не только села, но и племзавод, и муниципальное образование, и целый район. К ним относятся: село Крестовоздвиженка Амурской области, Илишевский район Республики Башкортостан, племзавод «Октябрьский» Кировской области, Сяськелевское сельское поселение Ленинградской области, село Преображеновка Липецкой области.

Село Крестовоздвиженка выделяется не столько жилой застройкой, сколько развитым социальным сектором, превышающим средний уровень учреждений обслуживания. Здесь для 1215 жителей, помимо детского сада, средней школы на 150 учащихся с мобильным классом и музеем, Дома культуры на 160 мест, библиотеки, бани с бассейном, фельдшерско-акушерского пункта, почтового отделения, торговых предприятий и пекарни, работают детский дом, сборно-разборная ярмарка, на которой местные фермеры выставляют свою продукцию,

Рис. 7. Средняя школа на 20 классов в поселке Подосинки Кузьяевского округа Дмитровского района Московской области, обслуживающая два округа

Рис. 8. Гостиничный дом в поселке Романово Медынского района Калужской области

пожарный пост, ветеринарный участок. Хозяйственный сектор села как основа всех общественных преобразований включает крупное сельскохозяйственное предприятие по разведению свиней и четыре фермерских хозяйства по выращиванию зерна и сои. Самым притягательным местом села является уникальный заказник «Амурский» с зарослями лотоса (рис. 9) и местами гнездования редких птиц. Все это делает село Крестовоздвиженка предметом гордости жителей и не побуждает к миграции.

Илишевский район Республики Башкортостан – другой победитель конкурса «Золотая осень» – имеет население 34 066 человек, проживающих в 87 населенных пунктах, подразделен на 22 сельских Совета-округа. В районе действуют 10 сельскохозяйственных кооперативов, 123 малых и 13 средних предприятий, 128 крестьянско-фермерских хозяйств. Наиболее интересным в архитектурном плане является центральное село района Верхнеяркеево с компактной, разноэтажной, ярко колоритной застройкой (рис. 10).

Большую роль в стратегическом развитии архитектуры сельских поселений играет внимание государства к проблемам села, причем не только материальным – бюджетному

финансированию, но и духовным, связанным с укреплением престижа труда и проживания в сельской местности. Эта роль имеет важное геополитическое значение.

В градостроительном отношении необходима ориентация на развитие приближенных к жителям муниципальных единиц района – округов, волостей, сельских поселений, улусов и т.д. Такие образования с органом самоуправления и общим населением в 1,5–2,0 тыс. жителей способны наиболее рационально обеспечить жизнеустройство всех поселений, расположенных на их территории, а также выбор разных вариантов предоставления услуг периферийным поселениям.

Основой всех социальных преобразований на селе является развитие производства, поэтому возведение новых производственных мощностей целесообразно сочетать с реконструкцией существовавшего производства при ориентации на переработку выпускаемой продукции.

Возведение пилотных поселений можно подразделить на два вида: а) с подлинно комплексной компактной застройкой – реконструируемой или вновь возводимой; б) в виде небольших жилых образований – квартала, участка улицы, сквера, жилой группы непосредственно при производстве.

Наиболее благоприятны для сельской местности одно-двухэтажные дома с участками и возможностью «роста»; необходимо многообразие жилых домов – многосемейных, для нескольких поколений, с развитым личным товарным производством, фермерских и т.д.

В строительстве общественных зданий востребованы типологические направления, связанные с возможностью кооперирования учреждений, блокирования, универсального использования и трансформации помещений, применения объектов в нескольких округах.

В градостроительном отношении необходимо составление генеральных схем территории округа в пределах района и генеральных планов поселений.

В Федеральной целевой программе придается большое значение творческой инициативе граждан и созданию коллективных сообществ.

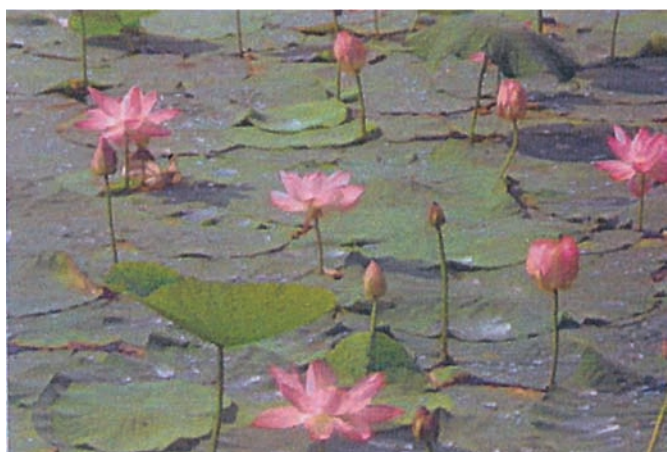

Рис. 9. Заросли лотоса на озере Осиновом близ села Крестовоздвиженка

Рис. 10. Общественный центр села Верхнеяркеево Илишевского района Республики Башкортостан

Для достижения художественной выразительности и акцентирования региональной принадлежности можно воспользоваться традиционно существовавшей в исторических селах системой взаимосвязанных пространств. Главная улица всегда была центром общественной жизни, на ней размещались общепоселковые сооружения, основная застройка; на окраине выделялась поляна для игр и спорта, был четкий ориентир – обычно объект духовного содержания. Важно находить градостроительный акцент в виде уникального элемента природы (скалы, реликтового леса, альпийской горки, водной поверхности), а также использовать памятники исторического наследия (старинную усадьбу, конный двор, амбар, мельницу), которые придадут своеобразие поселению и станут предметом гордости его жителей.

Литература

1. О предварительных итогах реализации Федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2013 года». М.: Минсельхоз России, 2014.
2. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30. Ст. 4110.
3. Статистические материалы развития агропромышленного производства России. М.: ФГБУ «Типография Россельхозакадемии», 2013.
4. Моисеева С.Б. Пилотные проекты комплексной застройки поселений и их значимость для создания среды жизнедеятельности на сельских территориях // Academia. Архитектура и строительство. 2012. № 3. С. 47–52.

Literatura

1. O predvaritelnyh itogah realizacii Federalnoj celevoj programmy "Socialnoe razvitie sela do 2013 goda". M.: Minselhoz Rossii, 2014.
2. Federalnaya celevaya programma "Ustojtchivoe razvitie selskih territorij na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda" // Sovanie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii. 2013. N 30. St. 4110.
3. Statisticheskie materialy razvitia agropromyshlennogo proizvodstva Rossii. M.: FGUP "Tipografia Rosselhozakademii", 2013.
4. Moiseeva S.B. Pilotnye proekty kompleksnoj zastrojki poselenij i ih znachimost dlja sozdaniya sredy zhiznedejatel'nosti na selskih territorijah // Academia. Arhitektura i stroitel'stvo. 2012. № 3. S. 47–52.

The Importance of Architecture for Sustainable Development of Rural Areas.

By S.B.Moiseeva

This article highlights the architectural and urban factors that can increase the quality of life in rural areas and reduce migration. Quantitative and qualitative characteristics are

taken into account. This article is a contribution to the search for a Survival Strategy in Rural Areas.

Ключевые слова: архитектурно-градостроительный фактор, гарантия занятости, сельские муниципальные образования, обеспеченность жилищем, доступность обслуживания, транспортные и дистанционные связи, средства художественной выразительности.

Key words: architectural and urban-planning factor, guaranteed employment, rural municipalities, provision of housing, easy access to services, transport and telecommunication, means of artistic expression.

Агломерации как объект экономической политики, государственного регулирования и территориального планирования

Л.Я.Герцберг

Развитие агломераций – естественный процесс, поддерживаемый и стимулируемый рыночной экономикой. Социальные мотивы этого процесса связаны с предпочтениями населения в выборе качества среды проживания. Привлекательность для населения крупных и крупнейших городов и зон их влияния обусловлена доступным разнообразием мест приложения труда, возможностью получения высокооплачиваемой работы, разнообразием мест обучения, высоким уровнем развития социальной инфраструктуры, качественным медицинским обслуживанием, развитой транспортной инфраструктурой и т.п. Экологическая составляющая качества среды проживания не является приоритетной для населения, стремящегося жить в крупных городах. Вместе с тем, рост уровня благосостояния населения, развитие транспортно-дорожной сети, повышение уровня обеспеченности населения индивидуальным транспортом способствуют переселению более обеспеченной части населения в пригородные зоны, где есть возможность иметь собственный дом и жить в среде с более комфортными экологическими условиями. Особенность процессов субурбанизации в России состоит в том, что эти слои населения, переселяясь в пригородные зоны, сохраняют городские квартиры и городскую прописку по целому ряду причин (медицинское обслуживание, транспортные пробки и значительные потери времени на передвижение).

Экономические стимулы роста агломераций – кумулятивный эффект, который дает концентрация производственных мощностей, квалифицированных трудовых ресурсов, кооперированное использование инфраструктуры. Емельянов Н.В. отмечает, что «в условиях России, с ее огромными пространствами агломерации особенно востребованы. Благодаря им осуществляется эффективное экономическое сжатие территории. В них концентрируются важнейшие объекты промышленности, науки, образования, культуры, рекреации. Благодаря сближенности в агломерациях этих взаимодействующих объектов повышается доля ближних связей, замыкающихся в территориально небольших агломерационных ареалах. Это дает значительный социальный и экономический эффект» [1. С. 263–281]. Согласно данным Глазачева В.Л. увеличение численности населения агломерации на 1 тыс. человек приводит к росту продуктивности экономики на 0,1% [2].

Кроме того, и это крайне важно в условиях рыночной экономики, хозяйственный комплекс агломераций обладает наибольшей устойчивостью. Анализируя целенаправленное развитие агломераций, Любовный В.Я. подчеркивает: «В

условиях перехода экономики на рыночные отношения территориально-хозяйственный комплекс крупных городских агломераций обладает наибольшей устойчивостью и способностью к адаптации к новым условиям в силу его диверсифицированности и возможности перераспределения функций и ресурсов между различными элементами агломерации» [3].

Особенность современного этапа развития агломерационных процессов состоит в том, что агломерации становятся объектом государственной бюджетной и экономической политики, претерпевающей в последние годы существенные изменения, важнейшим из которых является новая парадигма пространственного развития экономики. Суть ее состоит в смене концепции выравнивания внутрирегиональных и межрегиональных уровней социально-экономического развития на концепцию выявления и поддержки точек роста. Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ на 2002–2010 годы и до 2015 года» не дала ожидаемых результатов. Комментируя эту программу, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Северокавказском федеральном округе Александр Хлопонин писал: «У России нет внятной региональной политики, сейчас курс взят на выравнивание доходов субъектов РФ. Этот курс рано или поздно приведет к тому, что сократится число регионов-доноров, что мы сейчас и наблюдаем. Я считаю, что должна быть принята иная стратегия – ставка на базовые регионы роста, вокруг которых начинается опережающий экономический рост, которые втянут в орбиту своего развития соседние территории». О кризисе политики выравнивания уровней социально-экономического развития свидетельствует увеличение разрыва между регионами в объемах промышленного производства с 2000 по 2005 год в 4,4 раза. [4]. Глазачев В.Л., рассматривая принципы пространственного развития России, подчеркивал, что «стратегическое развитие невозможно без усиления различий между лидерами и аутсайдерами, происходящее естественным и рыночным путем». По его мнению, «неэффективное размещение населения, недостаток ресурсов в точках реального роста, неэффективный рисунок транспортных коммуникаций, унаследованный от предыдущих эпох, тормозит развитие страны. Неэффективная пространственная организация деятельности на территории страны обходится ей потерей, как минимум 3%» [2].

Рынок стимулирует процессы сжатия экономического пространства. Исследуя этот процесс, Пивоваров Ю.Л. отмечает: «В условиях рыночного перехода усилились и предпосылки к сжатию интенсивно используемого пространства: рынок беспощадно выбраковывает не только нерентабельные предприятия и целые отрасли, но соответственно города и обширные территории в пределах Севера, Северо-Востока, Сибири, Дальнего Востока» [5].

Углублению региональных различий способствует и демографическое сжатие пространства. Даже при наиболее благоприятном прогнозе – 125 млн человек в 2025 году, – демографическое сжатие страны ускорит процесс разрыва между регионами, ряд регионов утратит жизнеспособность по мере демографического сжатия России, тем более, что их территории по факту оказываются растянутыми между мощными узлами экономического тяготения [6].

На новой парадигме пространственного развития экономики базируется прогноз социально-экономического развития РФ до 2030 года, разработанный Минэкономразвития России. В нем рассмотрены два основных сценария развития страны: инновационный и консервативный (ресурсно-сырьевой), которым соответствует определенная политика пространственного расселения населения. Инновационный сценарий ориентируется на «достижение стратегических приоритетов развития страны, ...опирается на создание современной транспортной инфраструктуры, конкурентоспособного сектора высокотехнологичных производств и экономики знаний наряду с модернизацией энергосырьевого комплекса». В качестве территориальной основы сценария инновационного прорыва рассматриваются агломерации, в первую очередь крупнейшие города – ядра агломераций, концентрирующие научный, квалификационный, производственный потенциал. Перспективный тренд в государственной политике расселения – развитие существующих и формирование новых агломераций за счет улучшения коммуникационных связей и установления межмуниципального сотрудничества. Границы агломераций будут расширяться, и в зону их влияния будет попадать все большее количество малых городов и сельских населенных пунктов. Президент Российской Федерации В.В. Путин в программной статье «О наших экономических задачах», опубликованной в газете «Ведомости» от 29 января 2012 года, отмечал, что «в России надо начинать с земель вокруг крупных экономических центров. Расширение агломерационных радиусов наших городов в 1,5–2 раза увеличит доступную территорию в несколько раз».

Такая политика стимулирования развития агломераций характерна для развивающихся стран. «В развитых странах, агломерации не развиваются вширь, нынешнее их развитие характеризуется джентрификацией, то есть в развитых странах агломерирование осуществляется вглубь, происходит совершенствование сложившихся агломераций за счет переустройства старых районов» [7].

Консервативный сценарий прогноза социально-экономического развития РФ до 2030 года базируется на сохранении на перспективу современной ресурсносырьевой модели развития российской экономики с включением инновационной составляющей в наиболее развитых ее отраслях. Его территориальную основу составляют крупные агломерации:

- Московская – с выходом на районы прилегающих областей вдоль крупных магистралей, Санкт-Петербург с пригородами;

- крупные региональные столицы с ближайшими пригородами, которые также являются ядрами агломераций;

- ресурсодобывающие и металлургические регионы;

- более плотно заселенные регионы юга Европейской части России (Краснодарский край, Ростовская область);

В региональных стратегиях–2030 в свете реализации инновационной политики идея поддержки агломерационных процессов получила конкретное развитие. В современной экономике в качестве инструмента реализации инновационной политики выступают инновационные территориальные кластеры, размещение которых оказывает существенное влияние на расселение населения [8]. Минэкономразвития определяет инновационный территориальный кластер как совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций (участников кластера), которая характеризуется наличием: объединяющей участников кластера научно-производственной цепочки в одной или нескольких отраслях (ключевых видах экономической деятельности); механизма координации деятельности и кооперации участников кластера; синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации. Учитывая потребность в квалифицированных производственных, научных кадрах, развитой инфраструктуре – социальной, инженерной, транспортной, рыночной, инновационные кластеры размещаются в большинстве случаев в агломерациях, способствуя их дальнейшему развитию. В России инструментом реализации инновационной экономики являются территории опережающего развития (ТОР), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

В этой связи в ряде региональных стратегий социально-экономического развития до 2030 года появились разделы, посвященные развитию агломераций. В качестве примера можно привести Стратегии социально-экономического развития до 2030 года Республики Татарстан и Свердловской области.

В Стратегии социально-экономического развития до 2030 года Республики Татарстан выделяются три центра расселения: Казань, Набережные Челны и Альметьевск, формирующие вокруг себя целостные агломерационные

системы (рис. 1). По мнению разработчиков стратегии, создание скоростных транспортных связей между тремя агломерациями приведет к формированию единого Волго-Камского метрополиса, что позволит более активно развиваться муниципальным районам центральной части Республики Татарстан, а также существенно повысит конкурентоспособность региона (рис. 2).

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Свердловской области до 2030 года промышленное развитие будет концентрироваться в трех агломерациях: Свердловской, Горнозаводской и Северной. Центром последней с большой вероятностью станет Серов. Часть центров кла-

стерного развития будет находиться в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Каменск-Уральском, Верхней Пышме, Первоуральске. Многие кластерные инициативы планируется реализовывать в городах «второго эшелона» – Кировграде, Новоуральске, Верхней Салде, Туринске, Тавде, Североуральске, Карпинске, Ирбите и др. По мнению авторов стратегии, это позволит сформировать полицентричную структуру экономического пространства региона. Каждый из кластерных центров при условии успешности развития способен втянуть в свое развитие от 5 и до 15 муниципальных образований Свердловской области (рис. 3). Ключевые зоны развития промышленности и расселения – юг и запад области. Северная и восточная

части области слабо развиваются, что увеличит разрыв в уровне социально-экономического развития муниципальных образований.

Механизмами стимулирования агломерационных процессов являются развитие рынка жилья, транспортной, инженерной, производственной, социальной инфраструктуры.

Вместе с тем, влияние агломерации на общий экономический рост не однозначно, что «подтверждается следующими фактами:

– развитие агломераций в значительной степени происходит за счет миграции населения из малых городов, сельских населенных мест. В результате появляются

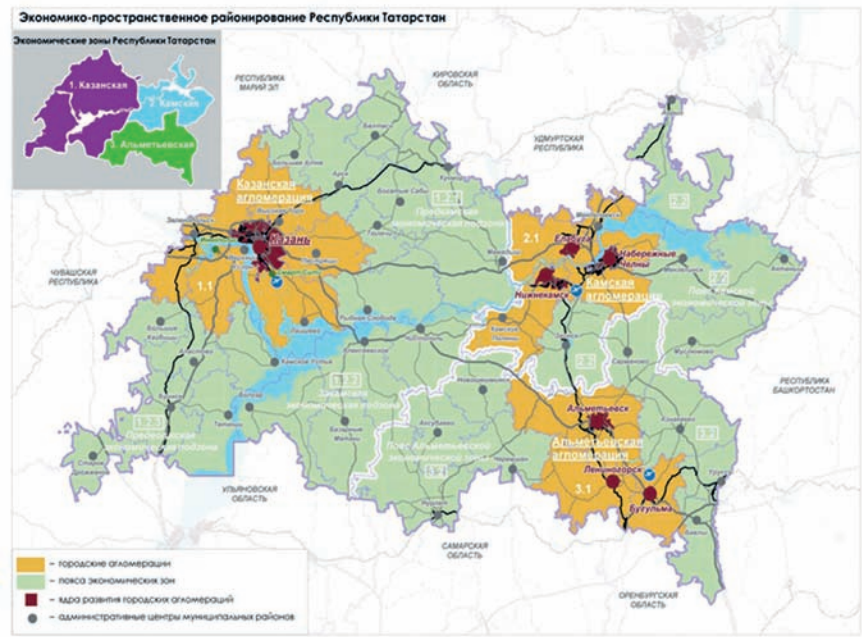

Рис. 1. Агломерации Республики Татарстан – основные точки экономического роста

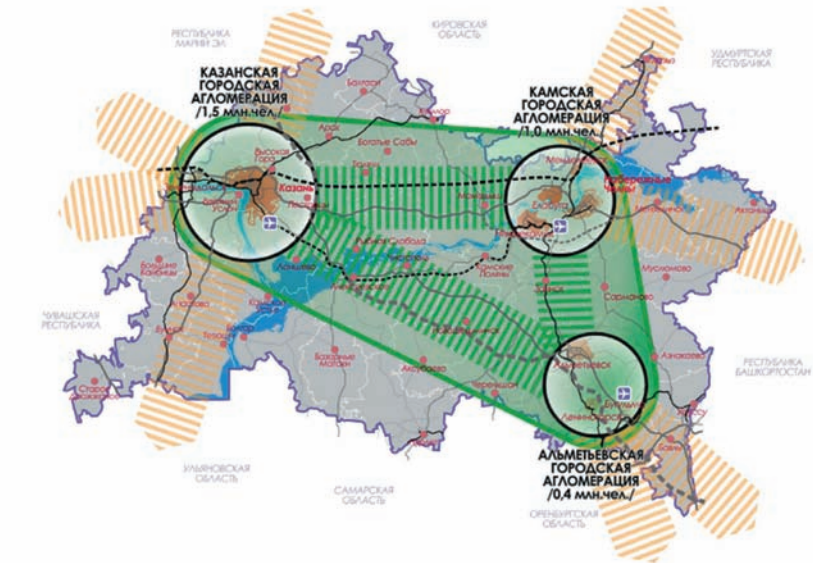

Рис. 2. Волго-Камский метрополис – территориальная зона экономического роста

Рис. 3. Екатеринбургская и планируемые агломерации Свердловской области – центры экономической активности

депрессивные, стагнирующие территории, происходит «обезлюдивание» населенных мест;

– при оценке экономического эффекта не учитываются неблагоприятные последствия, связанные с чрезмерной концентрацией населения и производства на ограниченной территории, – резкое ухудшение экологической ситуации, рост заболеваемости и смертности населения, разрушение природного комплекса, потеря ценных природных ландшафтов. Для преодоления этих последствий нужны огромные средства, зачастую сопоставимые с величиной экономического эффекта. Другое дело, что мероприятия по преодолению этих последствий, если и разрабатываются и реализуются, то лишь частично.

Гарантом защиты общественных интересов является государство, важнейшая задача которого – регулирование развития агломераций. Последствия нерегулируемого развития агломераций можно проиллюстрировать на примере Новосибирской агломерации. Природный повышенный радиационный фон в Новосибирске плюс концентрация вредных производств способствуют формированию неблагоприятной экологической ситуации, высокому уровню заболеваемости населения. Развитие центростремительных тенденций приводит ко все большей концентрации населения в экологически опасных для здоровья зонах. Рост концентрации населения в Новосибирской агломерации, расположенной с эксцентриситетом по отношению к остальной территории Новосибирской области, происходит в значительной степени за счет внутренней миграции, опустыниваются значительные территории области, в том числе и приграничные территории, теряется социальный контроль за их состоянием, а Новосибирская область имеет протяженную границу с Казахстаном (более 316 км).

Другим доводом в пользу жесткого государственного регулирования является стихийное освоение территорий во внешней (пригородной) зоне ядра агломерации. Малоэтажное жилищное строительство в основном ведется в отсутствие общего плана градостроительного освоения территории. В результате вырубаются лесные массивы, застраиваются ценные сельскохозяйственные земли, возникает множество малочисленных жилых образований без социальной инфраструктуры.

Исчерпание свободных территориальных резервов в крупных городах приводит как к поглощению ими прилегающих территорий, так и к переходу города от компактного к дисперсному пространственному развитию с ростом объемов маятниковой миграции с городских территорий, расположенных в районе, в город. По такому пути развивается Белгород. Для нового жилищного строительства отведены площадки в Белгородском районе, которые приписаны к городу. Город как бы сам становится агломерацией. О таком феномене писал Лаппо Г.М.: «Нередко сам город-центр представляет собой агломерацию. Это связано с неправомерным расширением городской черты, с поселковостью,

вызванной строительством крупных предприятий с сопутствующей жилой застройкой, в некотором отдалении от города» [9].

Более часто встречается ситуация развития города-агломерации за счет расширения городской черты и поглощения внешней зоны тяготения. Например, в генеральном плане Екатеринбурга обосновано включение в городскую черту около десятка населенных пунктов, расположенных во внешней зоне, прилегающей к городу.

Система государственного регулирования агломерационных процессов включает в себя ряд направлений: правовое, экономическое, административное, градостроительное. В части правового аспекта необходимо отметить, что термин «городская агломерация» является нелегитимным в Российской Федерации, поскольку указанный термин не отражен в федеральном законодательстве и, как следствие, агломерация не является объектом социально-экономического планирования и по Градостроительному кодексу Российской Федерации (ГК РФ) – объектом территориального планирования, хотя он допускает разработку стратегических документов территориального планирования на несколько муниципальных образований.

Экономические механизмы регулирования включают систему стимулов для привлечения предприятий либо вывода их из перегруженного ядра агломерации, налоговые платежи, штрафные санкции. Такие стимулы широко применяются за рубежом для улучшения экологической ситуации в зонах интенсивного использования территорий.

Административные меры включают в себя запрет, разрешение и принуждение. Например, запрещение французскими властями выдачи лицензий на строительство новых промышленных предприятий в пределах Парижской агломерации.

Градостроительное регулирование развития агломераций связано с решением следующих вопросов: разработка нормативно-правовой базы для агломераций, определение границ агломераций, разработка согласованной градостроительной и социально-экономической концепции развития агломераций, формирование механизмов реализации градостроительных решений, создание организационных структур, ведающих вопросами управления пространственным развитием агломераций.

Муниципальные образования, входящие в состав агломерации, в основном обеспечены стратегическими документами территориального планирования: генеральными планами поселений, схемами территориального планирования муниципальных районов, схемой территориального планирования субъекта РФ, на территории которого расположена агломерация; поселения имеют нормативно-правовую базу в виде правил землепользования и застройки. Однако каждый из этих документов разрабатывался автономно, и сумма этих стратегий не соответствует представлению агломерации как целост-

ного экономического и планировочного пространства, где кооперированно решаются вопросы инженерного, транспортного обслуживания территории, межселенного социально-культурного обслуживания, определения территориальных резервов для нового промышленного, общественного и жилищного строительства и др. Как правило, в СТП субъектов РФ в соответствии с ГК РФ вопросы организации системы расселения не рассматриваются. Если СТП агломераций будет разрабатываться по той же схеме, что и существующая документация по стратегическому территориальному планированию, то есть картографически отображать планируемые объекты капитального строительства, вряд ли можно рассчитывать на создание качественной среды проживания, что является неперенным условием формирования инновационной экономики [10]. Для обеспечения качественной среды проживания должны быть установлены дифференцированные нормативы плотности застройки, допустимые нагрузки на природный комплекс, радиусы доступности межселенных центров обслуживания и другие нормативы. На основании СТП агломераций должны корректироваться действующие на территории агломерации документы стратегического планирования, что должно быть законодательно подтверждено.

Для регулирования развития агломераций важно установить их границы. Узаконенных критериев определения границ агломераций нет. Наиболее распространенный критерий – временная доступность ядра агломерации, при которой наблюдаются тесные повседневные функциональные связи с прилегающими территориями. Границы крупных агломераций определяются зонами 1,5–2-часовой доступности, изохроны этой доступности зачастую разрезают территории муниципальных районов. Учитывая, что статистическая информация ведется по муниципальным районам в целом и они являются единицами территориального управления, Г.А.Малоян предлагает включать в границы агломерации весь район, даже если интенсивная маятниковая миграция наблюдается только на части его территории. При этом он не исключает необходимости в отдельных случаях изменения административно-территориальных границ с учетом взаимосвязи сложившихся систем расселения [11]. Границы агломераций должны всегда иметь временную привязку, поскольку они постоянно меняются в связи с совершенствованием транспортно-дорожной сети. Например, развитие скоростных видов транспорта между Новосибирском и Томском, Омском, Барнаулом, Кемерово, которое позволит сократить затраты времени на передвижения до 1–1,5 часов, приведет к созданию Западно-Сибирской конурбации. Из этого также следует, что крупные агломерации должны быть объектом межрегионального планирования. Стратегия их развития в отсутствие общей концепции расселения в России, должна разрабатываться, как минимум, на уровне стратегических документов федеральных округов. Согласно закону «О

стратегическом планировании в Российской Федерации» (172-ФЗ, ст. 11) в систему документов стратегического планирования входит Стратегия социально-экономического развития макрорегионов, под которыми понимается часть территории РФ, включающей территории двух и более субъектов РФ. В федеральных округах не только система управления, но и система расселения выстраивается по отношению к региональным столицам, выполняющим функции административных, социально-культурных, научных, промышленных центров федеральных округов. Присутствие в них представителей федеральной власти позволяет лоббировать интересы развития и решение проблем крупных агломераций.

Разработка согласованной социально-экономической и градостроительной концепции затруднена по целому ряду причин. В законе (172-ФЗ) в иерархии документов агломерация как объект социально-экономического планирования отсутствует, но субъекты Федерации могут разрабатывать планы социально-экономического развития на отдельные территории, ГК РФ также допускает разработку СТП для нескольких муниципальных образований. Проблема в том, что механизмы согласования этих документов отсутствуют, кроме того, согласно ГК РФ рассмотрение вопросов расселения не является задачей территориального планирования [12]. Позитивным следует считать рассмотрение в отдельных региональных стратегиях социально-экономического развития до 2030 года вопросов пространственного развития агломераций. Однако они разрабатываются без соответствующих градостроительных обоснований.

В связи с тем, что в Градостроительном кодексе термин «агломерация» отсутствует, порядок разработки, согласования, реализации СТП агломераций не установлен, методические вопросы проектирования схем территориального планирования агломераций не разработаны. Общий методический подход определен В.В.Владимировым и Н.И.Наймаком. Суть его состоит в «переходе от рассмотрения в качестве основных объектов исследования лишь небольших локальных групп соседних поселений (агломераций) к включению в поле зрения градостроительной науки всей совокупности населенных пунктов крупных регионов вплоть до страны в целом» [13].

Применительно к СТП агломерации это означает, что проектные предложения по ее развитию должны разрабатываться с учетом региональной системы расселения в целом, а еще лучше – с учетом межрегиональной системы (уровень федеральных округов). Справедливость этого принципа можно проиллюстрировать на примере Новосибирской агломерации. При локальном подходе к ее пространственному развитию в составе схемы районной планировки области предлагалось перераспределение нагрузок с ядра агломерации во внешнюю зону и отдельные сектора. При разработке СТП Новосибирской области институтом «ЦНИИП градостроительства» было предложено перераспределять

нагрузки с ядра агломерации за счет целенаправленного формирования Куйбышевско-Барабинской групповой системы расселения. Новосибирская агломерация расположена с эксцентриситетом по отношению ко всей территории области (рис. 4), развитие центростремительных тенденций приводит к обезлюдиванию «значительной части территории, снижению экономической эффективности ее инфраструктурного обустройства. Для противодействия этим тенденциям необходимо формировать хотя бы небольшой противовес за счет развития новой групповой системы расселения. На сегодняшний день механизмов реализации градостроительных предложений в составе СТП нет, да и разработка их не предусмотрена ГК РФ. Формирование новой развитой групповой системы расселения требует программно-целевого подхода, программы перевода части предприятий из Новосибирска в Куйбышев, Барабинск, определения системы преференций для привлечения инвестиций, системы экономических стимулов для разгрузки Новосибирска, возможно, придания групповой системе статуса особой экономической зоны». Эти вопросы можно решать только при согласованной социально-экономической и градостроительной концепции развития агломерации. Следует параллельно с разработкой СТП Новосибирской области разрабатывать СТП Куйбышевско-Барабинской групповой системы расселения. Проектирование развития агломераций целесообразно осуществлять с учетом европейского опыта, где процесс агломерирования перешел из стадии концентрации в стадию более равномерного распределения производственных мощностей на территории. В 2008–2009 годах в Париже состоялся конкурс на разработку концепции развития «Большого Парижа». В

центре всех предложений стоят три проблемы: планирование развития города с учетом охраны окружающей среды, реорганизация транспортной сети и интеграция пригородов. Следует отметить, что одной из главных целей концепции было объединение богатых районов с бедными, привлечение в последние инвестиций (в том числе частных) и создание там достаточного количества рабочих мест.

Важным инструментом реализации должен быть учет предложений по развитию агломераций при разработке или корректировке концепций социально-экономического развития области. Анализ региональных стратегий социально-экономического развития до 2030 года свидетельствует о том, что не во всех из них рассматриваются вопросы расселения и градостроительной политики.

В последнее время вопросам управления развитием агломераций уделяется серьезное внимание на правительственном уровне. Так, бывший Минрегион России объявил конкурс на выбор пилотных агломераций, для которых будут разработаны документы стратегического и территориального планирования, система управления, определен перечень приоритетных инвестиционных проектов и механизмы финансового обеспечения развития агломераций.

По итогам заседания, которое состоялось 20 июня 2014 года, Межведомственной рабочей группой на основании экспертных заключений было предварительно отобрано 14 из 17 проектов развития городских агломераций для включения в перечень пилотных проектов [14].

В ходе сочинского заседания были дополнительно представлены и детально обсуждены ранее рекомендованные членами рабочей группы к доработке концепции следующих

- потенциальных городских агломераций:
- «Байкальский луч» Иркутской области;
 - Березниковско-Соликамская городская агломерация Пермского края;
 - Абакано-Черногорская агломерация Республики Хакасия.

Результатом заседания стал сформированный Межведомственной рабочей группой итоговый перечень пилотных проектов по апробации и совершенствованию механизмов управления развитием городских агломераций в Российской Федерации, в который вошли 16 проектов. На примере пилотных проектов должна быть отработана методика проектирования и формы государственного управления. Целесообразно, чтобы пилотные проекты территориального планирования агломераций разрабатывались не одним институтом, как это имело место до настоящего времени, а ведущими институтами в области градостроительства, что позволит на основе сравнения применяемых методик выбрать или сформировать наиболее эффективную методику.

Рис. 4. Новосибирская агломерация – зона экономического роста

В Концепции пространственного развития РФ (Приложение к докладу «Россия. Пространственное развитие») сформулированы основные принципы, которые должны быть положены в основу пространственной организации РФ. Как следствие реализации этих принципов в «РФ должен быть сформирован новый опорный каркас пространственной организации, обеспечивающий достижение заявленных целей пространственного развития. Узлами опорного каркаса должны выступить крупные городские агломерации – инновационные и управленческие центры, концентрирующие в себе экономическую активность в стране и выступающие источником изменений.

Применительно к политике расселения следует выделить два основных принципа пространственной организации РФ: создание предпосылок для обеспечения качественной и безопасной среды проживания; формирование предпосылок для удержания территории страны как «большого пространства». Тенденция нерегулируемого в течение длительного периода времени, а сейчас и поддерживаемого государственной политикой экономического, демографического сжатия пространства противоречит концептуальным принципам пространственной организации РФ в части удержания территории страны как большого пространства и обеспечения качественной и безопасной средой проживания.

Для обеспечения качественной среды проживания основными экологическими приоритетами промышленного развития в регионах должно быть достижение баланса между уровнем промышленного производства и сохранением благоприятного состояния окружающей природной среды для ныне живущих и будущих поколений людей, обеспечение рационального природопользования и сохранности естественных экосистем.

Одним из условий развития инновационной экономики является формирование инновационного человека, инновационной качественной среды проживания. Бывший министр экономического развития Российской Федерации Э.С.Набиуллина в своем выступлении 8 декабря 2011 года на Московском Урбанистическом форуме «Глобальные решения для российских городов» отметила, что «качество городской среды напрямую влияет на успешность курса на инновационное развитие любой страны: на том простом основании, что носители инноваций – это люди, и инновационное развитие зависит от качества человеческого капитала. Человек, включенный в инновационную экономику, обладает определенными характеристиками и определенными требованиями к образу жизни. Инновационная экономика – глобальная по сути. Мы конкурируем не только за инвестиции в инновации, но и за людей – носителей компетенций и инновационного предпринимательства».

В состав агломераций входит множество муниципальных образований и, соответственно, возникает вопрос, каковы должны быть административно-территориальное устройство

и организационные формы управления. В отечественной практике управления агломерациями складываются два подхода.

Для первого подхода характерно сохранение существующего административно-территориального устройства, границы агломерации по существу определяют территории, в пределах которых по всем экономическим вопросам должно осуществляться тесное взаимодействие муниципальных образований на договорной основе (союз муниципальных образований, некоммерческое партнерство – ассоциация, может назначаться ответственное лицо, курирующее развитие агломераций). По Новосибирской области эту функцию выполняет заместитель губернатора. Общего бюджета нет, но для решения инфраструктурных вопросов (размещения полигонов ТБО и т.п.) средства могут собираться вскладчину. Проблема состоит в том, что бюджеты многих муниципальных образований настолько мизерны и дефицитны, что их финансовый вклад в решение межмуниципальных проблем невелик. Основной эффект можно ожидать в обеспечении нового строительства территориальными резервами.

В Ставропольской агломерации также используется договорная модель управления. Общие стратегические вопросы решает Совет агломерации, состоящий из глав администраций, он принимает решения о реализации межмуниципальных проектов. Для реализации совместных проектов создана Управляющая компания – исполнительный орган.

Особенностью второго подхода является формирование единого муниципального образования с единой администрацией и бюджетом (городские округа, включающие город и муниципальный район, например, Губкинский, Старо-Оскольский городские округа, города-агломерации). Старо-Оскольско-Губкинская агломерация состоит из двух городских округов.

Управление агломерациями на основе кооперации входящих в ее состав муниципальных образований послужило основой нового определения: «Агломерация – это не экономическое, не административное и даже не политико-географическое понятие. Агломерация – это, прежде всего, управление муниципальными образованиями на основе гражданского договора между гражданами (их представителями). Хотя все перечисленные прежде характеристики, также безусловно присутствуют в этом процессе» [14]. Справедливо отметить, что договорные отношения между муниципалитетами – не единственная форма управления агломерациями. На наш взгляд, более корректным является ее классическое определение: «Городская агломерация может быть описана как компактная пространственная группировка поселений, объединенных интенсивными производственными и культурными связями в сложную многокомпонентную динамическую систему» [2. С.8].

Мировой опыт насчитывает множество моделей управления агломерациями, среди которых можно выделить две основные: договорные и двухуровневые, при которых создается

специальная межмуниципальная структура, ответственная за решение муниципальных проблем, ей муниципалитеты делегируют часть своих функций. Выбор организационных форм управления агломерациями должен осуществляться в каждом конкретном случае с учетом сложившейся ситуации. Перспективы агломераций, возможности решения их проблем во многом зависят от эффективности управления их развитием. Резюмируя выше изложенное, необходимо отметить следующее.

- Рыночная экономика стимулирует развитие центростремительных тенденций в размещении производства, приводя ко все большей концентрации населения в определенных субъектах РФ и в агломерациях. Достижимый при этом экономический эффект должен сопоставляться с затратами, необходимыми для преодоления негативных последствий. В целях снижения негативных последствий необходимо государственное управление развитием агломераций. Управление должно осуществляться на основе программно-целевого подхода, предполагающего разработку целевых программ развития агломерации и механизмов их реализации.

- Необходимо законодательное обеспечение согласованного планирования и проектирования агломераций. Для этого должны быть внесены соответствующие изменения в Градостроительный кодекс и в закон «О стратегическом планировании» [15]. Социально-экономические концепции развития субъектов РФ необходимо разрабатывать с учетом перспектив пространственного развития агломераций.

- Должна быть разработана методика градостроительного планирования развития агломераций с соблюдением основного принципа – предложения по развитию агломерации необходимо разрабатывать с учетом развития региональной и межрегиональной системы расселения (уровень федеральных округов).

Литература

1. Емельянов Н.В. Агломерационные процессы и трансформация расселения в Сибири // «Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике ее государственного регулирования». М.: Эслан. 2010. С.263–281.
2. Глазычев В.Л. Россия: принципы пространственного развития. www.Glazychhev.ru.
3. Любовный В.Я. Городские агломерации: от стихийного к целенаправленному развитию. М.: Муниципалитет: экономика и управление. 2015.
4. Хлопонин А.Г. У России нет внятной региональной политики // Профиль. 2004. №9.
5. Пивоваров Ю.Л. Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России. // Известия РАН, серия Географ. науки, 1997. №5. «Профиль». 2004. №9. С. 20.
6. Глазычев В.Л. Россия – пространственное развитие. www.archipelag.ru/authors/glazychhev/?library=1869.

7. Шевилева Е.Е. Система регулирования агломерационных процессов: Россия и Западная Европа // Проблемы современной экономики. 2012. №2 (42).

8. Герцберг Л.Я. Влияние кластерной стратегии в развитии экономики на перспективное расселение населения / Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2014 году: сб. науч. тр. РААСН. Москва – Курск: Деловая полиграфия. 2015. С. 265–274.

9. Ланно Г.М. Городские агломерации СССР – России: особенности динамики в XX веке // Российское экспертное обозрение. 2007. №4–5.

10. Герцберг Л.Я., Будилова Е.В. Проблемы территориального планирования и качество среды проживания // Народонаселение. 2015. №1. С. 38–50.

11. Малоян Г.А. Агломерация – градостроительные проблемы: монография. М.: АСВ. 2010. 116 с. Ил.

12. Герцберг Л.Я. Настоящее, будущее Градостроительного кодекса РФ // ACADEMIA. Архитектура и строительство. 2015. №2. С. 95–99.

13. Владимиров В.В., Наймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России: монография. М.: Эдиториал УРСС. 2002. С. 279.

14. Довбня Д. Агломерация как часть современного мироустройства – экономического и идеологического. <http://www.kursdela.biz/experts/71/articles/33345/>.

Literatura

1. Emelyanov N.B. Aglomeracionnye processy i transformacia rasseleniya v Sibiri. Szhatie ekonomicheskogo prostranstva // Novoe v teorii regionalnogo razvitiya i praktike gosydarstvennogo regulirovaniya. M.: Eslan. 2010. С. 263–281.
2. Glazychhev B.L. Rossiya: principy prostranstvennogo razvitiya. www.Glazychhev.ru.
3. Lubovnyi V.Ya. Gorodskie aglomeracii: ot stihijnogo k celenapravlenному razvitiyu. M.: Mynicipalitet: ekonomika i upravlenie. 2015.
4. Hloponin A.G. U Rossii net vnyatnoj regionalnoj politiki. // Profil. 2004. №9.
5. Pivovarov U.L. Szhatie intensivno ispolzuemogo prostranstva: koncepciya makroregionalnogo razvitiya Rossii // Izvestiya RAN, seria Geograf. nauki, 1997. №5. «Profil». 2004. №9. S. 20.
6. Glazychhev B.L. Rossiya – prostranstvennoe razvitie. www.archipelag.ru/authors/glazychhev/?library=1869.
7. Shevileva E.E. Sistema regulirovaniya aglomeracionnyh processov: Rossiya i zapadnaya Evropa. Problemy sovremennoj ekonomiki. 2012. №2 (42). 2012.
8. Gerzberg L.Ya. Vliyanie klasternoj strategii v razvitii ekonomiki na perspektivnoe rasselenie naseleniya / Fundamentalnye issledovaniya RAASN po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arhitektury, gradostroitelstva i stroitelnoj otrasli

Rossijskoj Federacii v 2014 godu: sb. nauch tr. RAASN. Moskva – Kursk: Delovaya poligrafiya. 2015. S. 265–274.

9. *Lappo G.M.* Gorodskie aglomeracii SSSR – Rossiya: osobennosti dinamiki v XX veke // Rossijskoe ekspertnoe obozrenie. 2007. №4–5 (22).

10. *Gertzberg L.Ya., Budilova E.V.* Problemy territorialnogo planirovaniya i kachestvo sredy prozhivaniya // Narodonaselenie. 2015. №1. S. 38–50.

11. *Maloyan G.A.* Aglomeraciya – gradostroitelnye problemy: monografiya. M.: ASB. 2010. 116 s. Il.

12. *Gertsberg L.Ya.* Nastoyashchee i budushchee Gradostroitel'nogo kodeksa R.F. // ACADEMIA. Arhitektura i stroitelstvo. 2015. №2. S.95–99.

13. *Vladimirov V.V., Naymark N.* Problemy razvitiya teorii rasseleniya v Rossii: monografiya. M.: Editorial URSS. 2002. S.279.

14. *Dobnaya D.* Aglomeraciya kak chast sovremennogo miroustrojstva – ekonomicheskogo i ideologicheskogo. <http://www.kursdela.biz/experts/71/articles/33345/>.

Agglomerations as the Object of Economic Policy, State Regulation and Territorial Planning.

By L.Ya.Gertzberg

It is noted in the article that it is characteristic of the modern stage of the agglomeration process that the agglomeration becomes an object of economic and budgetary policies. It is connected with the new paradigm of the economic spatial development. Its essence is the replacement of the concept of equalization of the inter-regional and regional levels of the socio-economic development for the concept of identification and supporting of growth points. The forecast of the socio-economic development of Russia until 2030 is based on a new paradigm of the spatial development of the economy carried out by the Ministry of economic development called «Regional Strategy 2030». Agglomerations and first of all major cities – cores of Metropolitan areas, which concentrate scientific, well qualified and industrial potential, are the territorial basis of the innovative scenario in this Forecast. The Regional Strategy 2030 where the state support of the agglomeration processes received more detailed development is under discussion. The article notes that the influence of the agglomeration on economic growth is not unique.

Valuation of the economic effect does not take into account costs associated with overcoming the negative agglomeration effects: environmental degradation, human diseases growth, increase of depressive stagnant areas, etc.

The importance of state management of urban agglomerations is emphasized. The organizational forms of management implemented in Russia are discussed. The paper indicates the necessity of methodological support of strategic territorial planning documents of agglomerations as objects of coordinated territorial and economic policy, state regulation and spatial planning.

Ключевые слова: агломерация, экономическая политика, новая парадигма пространственного развития экономики, региональные стратегии–2030, экономический рост, агломерационный эффект, методическое обеспечение, стратегическое территориальное планирование, формы управления агломерациями.

Key words: agglomeration, economic policy, new paradigm of economic spatial development, Regional Strategies–2030, economic growth, agglomeration effect, methodical support, strategic territorial planning, forms of urban agglomerations management.

Москва: градостроительный регламент и развитие

М.В.Нащокина

В последние годы надежды на сохранение исторического наследия в центре Москвы во многом связаны с развитием градостроительного регулирования, которое становится все более сложным и многоуровневым. Хочется также обратить внимание на противоречия между существующими градостроительными регламентами, восприятием новых московских зданий москвичами и оценками их профессионалами-архитекторами. С этим приходится довольно часто сталкиваться и в экспертной практике, и в общественной жизни, несмотря на то что именно в последние годы законодательство в сфере охраны наследия стало предметом постоянного совершенствования. В последние 20–25 лет не только получили право на жизнь, но были утверждены и стали обязательными для исполнения основополагающие документы относительно зоны охраны культурного слоя, зоны исторического центра города, территории объектов культурного наследия, был внедрен ландшафтно-визуальный анализ и т.д. По степени разработанности и методологии формирования градостроительных регламентов столица далеко опередила большинство городов России. Однако обеспечивает ли современная разветвленная система градостроительных регламентов, устанавливающая теперь даже физические параметры нового строительства и его допустимую плотность, сохранение исторического облика улиц и площадей Москвы? Отвечают ли эти меры общественным ожиданиям и, наконец, достаточны ли они для сохранения и развития исторического центра столицы? Новое там так или иначе возникает, вызывая разную реакцию у профессионалов и общества, в котором существуют как апологеты нового, так и бескомпромиссные защитники старого (например, движение «Архнадзор»).

Для примера характерной позиции защитников наследия приведу слова о новых постройках в центре Петербурга бывшего сотрудника НИИТИАГ Григория Забельшанского, начавшего свой монолог с цитаты из Талейрана: «Это хуже, чем преступление, это ошибка». Вот такого рода «хуже, чем преступлений» в центре Питера возникло уже достаточно много. Это и нечто стеклянное возле Казанского собора, и отвратительно нарисованный, бессмысленный купол, «налезавший» на дом Мятлева и портящий вид Исаакиевской площади, и чудовищное здание, которое задавило перспективу Смольного собора на Шпалерной. И вот последняя новость с этих фронтов – уши, два железобетонных кукиша, возникшие на Васильевском острове. Не мешало бы вешать на такие здания таблички с именами их авторов, чтобы потом знали, кого

за это благодарить¹. В данном случае для нас не так важно, в какой мере справедлива эта оценка. Важно другое: похожая реакция характерна для большинства москвичей, весьма болезненно относящихся к появлению новой застройки в старой Москве. В то же время подчеркнем, что большинство новостроек последнего времени возведено уже с учетом существующих и достаточно строгих градостроительных регламентов. Попробуем разъяснить это с помощью примеров.

Обратимся к святой святых – территории памятника культурного наследия, имеющей самый строгий режим. По нашему законодательству она, как известно, неприкосновенна – на ней возможна только реставрация и воссоздание.

Первый пример: строительство собора Зачатьевского монастыря на Остоженке вроде бы отвечает позиции «воссоздание утраченного элемента ансамбля». Однако на редкость оригинальный собор в редакции XVIII века в стиле неоготики там не был восстановлен. Выстроен новый собор в предполагаемых формах XVI века, что полностью поменяло исторический облик ансамбля XVIII–XIX веков и привело к появлению нового, гипотетического и никогда ранее не существовавшего. Общественность сравнительно благосклонно отнеслась к этому нововедению в отличие от профессионального цеха.

Еще два примера. Один – пресловутый парк в Зарядье, который вызвал молчаливое одобрение охранителей, считающих, что деревца лучше новых домиков, и справедливые протесты именно профессионалов. Градостроительные параметры там также выдержаны, но более дикой мысли, чем городить дорогостоящее болото и тундру там, где уже в раннем Средневековье появилась жилая застройка московского посада, трудно себе представить – это затея, достойная иванов, не помнящих родства. Кстати, стоит напомнить, что для Зарядья был разработан проект с восстановлением его древней планировки и жилой функции, получивший в свое время одобрение А.И.Комеча.

Другой пример – новое здание Третьяковской галереи, избранное в результате закрытого заказного конкурса. Не останавливаясь на общей оценке этого проекта, также вполне соответствующего градостроительным регламентам, скажем лишь одно – на витринных окнах его фасадов, имитирующих шпалерную развеску картин, предполагается нанести кислотным травлением изображения шедевров галереи – Демона,

¹ Певчий дрозд. Памяти Григория Забельшанского // <svoboda.mobi>a/2202083.html>.

Трех богатырей и еще что-то. Такого откровенного китча нет в облике ни одного европейского музея. Как избежать градостроительных и архитектурных просчетов? Очевидно, градостроительные регламенты в этом мало помогают.

Приведем примеры, которые являют собой прямую противоположность первым, – в них градрегламенты были нарушены.

Это реконструкция театра «Новая опера» в усадьбе Глебовой-Стрешневой на Большой Никитской. За полное сохранение исторического облика этой усадьбы шла затяжная борьба заказчиков и архитектора с общественностью. Действительно, если соблюсти законодательство до буквы, здесь нужно было оставить все как есть. Однако, учитывая изменившуюся функцию здания, ее культурную направленность и высокое архитектурное качество нового проекта (автор – архитектор А.В.Боков), конечно, стоило найти компромисс. В конечном итоге он, к счастью, и победил (правда, волевым решением), но у заинтересованной общественности осталось явное послевкусие недопустимости такой практики.

Еще пример – строительство нового храма в Сретенском монастыре, которое началось после проведения профессионального конкурса на новый проект, однако также подверглось активному неприятию со стороны общественности. Действительно, его объем создает новый облик Рождественского бульвара; новый высокий храм, несомненно, изменит и силуэт Большой Лубянки. Но ведь монастырь, во все предыдущие столетия был живой структурой. В данном случае перед нами не афинский Акрополь, не римский Форум и не Троице-Сергиева лавра. Существующий Сретенский монастырь с его замечательным старым собором, кельями, магазином и т.д. невозможно, да и, думается, не нужно консервировать в музейном режиме. Тем не менее и в данном случае противоречие с существующим законодательством налицо – Сретенский монастырь в целом является объектом культурного наследия, а новое строительство ведется непосредственно на его территории.

Приведенные примеры показывают, что даже самая разветвленная система градостроительных регламентов не может обеспечить однозначно положительные и положительно воспринимаемые обществом решения. Таким образом, несмотря на жесткие меры регулирования нового строительства, которые принимает Москва, результат во многих случаях не удовлетворяет все заинтересованные стороны.

На вопрос, удовлетворяют ли существующие регламенты профессионалов, ответить еще проще – большинство архитекторов, строящих в Москве, особенно в зоне центра, как правило, стараются обойти регламенты или способствовать появлению новых, куда вписывается тот или иной возводимый ими объект. В этом стремлении, конечно, играют роль аппетиты застройщиков, их административный и финансовый ресурс, а также амбиции того или иного зодчего, всегда направленные на утверждение своего «я». Однако в них, пусть не всегда и не во всем, есть и объективная реальность, требующая развития.

В чем же изъяны градостроительного регулирования? Можно ли их избежать? Отчасти на это отвечает история

появления в городе градостроительных регламентов, которая насчитывает всего лишь полвека. Как известно, первые охранные зоны памятников архитектуры стали появляться в конце 1960-х – 1970-х годах, когда архитектура априори противостояла исторической застройке по своим параметрам заведомо более крупного масштаба и пространственным характеристикам, – свободная планировка против периметральной застройки кварталов.

За 1980–2015 годы, то есть за 35 лет, законодательство в этой сфере прошло огромный путь. Теперь ни один проект в центре Москвы не обходится без исторических исследований, без учета видимости нового объекта, его тщательной оценки в исторических панорамах и т.д. Итогом многих регламентных разработок нередко бывают рекомендации придерживаться нейтрального облика будущих дополнений или зданий, записываемые как регламенты.

Другими словами, все эти меры, несмотря на их достаточно многообразный инструментарий, сохранили от 1960–1970-х годов свой основной вектор – направленность против активной современной застройки как таковой, вернее, к защите от нее застройки исторической. И в этом, думается, кроется главный порок существующей системы, который на интуитивном уровне не понимают наши архитекторы. Скажем прямо: регламенты должны оградить Москву от их ярких произведений, несмотря на все попытки их обойти.

Что же получается в результате применения этих регламентов на практике? И профессионалы, и общественность, ратующая за тотальное сохранение старой застройки, очень часто недовольны результатами реконструкции того или иного района города. Недовольны, прежде всего, потому, что не получили желаемого. Ценность нового объекта преднамеренно снижена в сравнении с историческими памятниками – она не устраивает ни авторов-архитекторов, ни «охранителей», поскольку в исторической застройке новый объект, даже отвечающий всем физическим параметрам, не обладает архитектурно-художественной самоценностью, и однозначно разрушает целостность исторической городской среды Москвы. Скажем прямо: наибольший вред Москве, по нашему мнению, наносит плохая архитектура вне зависимости от ее физических параметров.

Я вовсе не призываю к дискредитации или упразднению существующих предпроектных разработок как таковых. В современных условиях отказаться от градостроительных регламентов невозможно. Появление в составе любого проекта, касающегося центра Москвы, исторической записки, требования учета регламентирующих параметров и т.д. – несомненное достижение в развитии общей культуры архитектурного проектирования в нашей стране. Однако сейчас разрешение на строительство в историческом центре Департамент культурного наследия Москвы выдает фактически только на основании его соответствия исторической застройки безотносительно к итоговому архитектурному результату. А ведь именно итоговое качество – искомый

продукт этого процесса. Если обратиться к достойному подражанию опыту Италии, то среди требований, предъявляемых к реконструкции – архитектурной и градостроительной, – там присутствует качество архитектурных дополнений – оно не должно снижать ценность исторического памятника, должно быть ему адекватным.

Чтобы оптимизировать ситуацию, думается, стоило бы, прежде всего, сместить акценты с градостроительных регламентов на архитектурную самоценность и адекватное исторической среде развитие того или иного городского места, что позволило бы более ответственно подходить к созданию и утверждению новых проектов и в то же время, дало большую свободу самовыражения архитекторам. Важным в этом процессе должны стать участие и учет инициатив самих жителей.

Главным же аргументом для утверждения того или иного проекта, возводящегося в центре Москвы, должно стать не только само собой разумеющееся соответствие градостроительным регламентам, которое сейчас положено в основу экспертной оценки новых объектов, но и архитектурная ценность нового здания, которое должно не просто незаметно заполнить брешь в существующем окружении, о чем наивно мечтают охранители-непрофессионалы, а развить и дополнить его, усилив по возможности архитектурную ценность места. Приоритетным импульсом для выбора должна быть именно красота, позитивное развитие города, а не, скажем, фамилия знаменитого заморского автора. Вспомним, что Александр I в свое время приказал снести уже практически построенное здание Биржи великого Кваренги, чтобы зданием практически еще неизвестного Тома де Томона организовать вид Стрелки Васильевского острова, сразу ставший хрестоматийным видом Петербурга и одним из самых прекрасных городских пейзажей в мировой архитектуре.

Как же примирить творца-архитектора с теми, кто искренне ратует за безусловное сохранение всего и вся? Это сложная задача, связанная с формированием гражданского общества и требующая многолетнего труда в сфере архитектурной пропаганды. И это есть работа по формированию общественного мнения. Представляется, что москвичи давно нуждаются в доступном и терпеливом объяснении принимаемых архитектурных решений, а порой и в их не формальном, а реальном общественном обсуждении. Нужно научиться говорить о качестве новых московских проектов, чтобы убеждать показывая, как в случае реализации того или иного предложения изменится город, станет удобнее и красивее. Такой постановки вопроса не хватает сейчас и в профессиональной среде, и в профессиональной печати. Архитектурная критика у нас представлена очень фрагментарно и более всего востребована на стадии обсуждения еще не утвержденных проектных решений.

Москве сегодняшней, к сожалению, все чаще стихийно изменяющей свой облик, остро требуется художественная воля, которая позволит архитектурно-градостроительными

средствами соединить ее части без утраты архитектурной индивидуальности и нематериальной составляющей наследия, создать условия для последующего развития.

Moscow: Urban-Planning Regulations and Development. By M.V.Nashchokina

The article is dedicated to the reflection about the optimality of town planning regulations that are applied today to historical buildings of Moscow. The author provides various examples of violations of the regulations, which are differently perceived from the point of view of the public in Moscow and architects. For optimization of the situation it would help to shift the focus from urban development regulations to architectural worth and individual development of separate areas of the urban environment that would more closely approach to the creation and approval of projects for new buildings and increase the liability of architects, giving them, at the same time, greater freedom of expression.

Ключевые слова: историческая среда Москвы, градостроительные регламенты, новоделы, архитектурная самоценность новой застройки, объект культурного наследия, территория памятника.

Key words: historical environment of Moscow, town-planning regulations, replicas, architectural value of the new building, object of cultural heritage, the territory of the monument.

Возможность создания линейных парков на основе неиспользуемых элементов железнодорожных путей: анализ зарубежного опыта

А.М.Разгулова

Проблема освоения, рекультивации и восстановления неудобных промышленных территорий с нарушенным экологическим равновесием в пределах города сегодня первоочередна по нескольким причинам, среди которых: дефицит городских земель и их высокая стоимость, активное неблагоприятное воздействие таких зон на окружающую среду – сам город и его районы. Необходимость восстановления определяется также потребностью в земельных ресурсах различного назначения, в частности в новых экологических зеленых зонах в черте города (включая территории, приближенные к центру, где это возможно), которые при условии обязательного озеленения могут укрепить и частично восстановить целостность и связанность системы ландшафтных компонентов города и его социальной среды. Актуальность вопроса создания новых зеленых территорий в городской ткани подтверждается также возрастающим интересом жителей к проблеме реновации уже существующих парков.

Нарушенные территории представляют собой заброшенные промышленные зоны города, лишенные функциональных или природных экологических взаимосвязей. В особую категорию нужно выделить участки на стыке промышленного и транспортно-функционального использования, разрушаемые в результате длительной нерациональной эксплуатации городских и пригородных земель. К таковым относятся заброшенные железнодорожные ветки и станции-платформы.

Градостроительное значение железнодорожных линий в черте города менялось в процессе их развития. Проведенное исследование показало, что чаще это являлось следствием субъективных причин, например изменения соотношения пассажиро- и грузоперевозок, снижения уровня необходимости обслуживания территорий города, изменения функции прилегающих участков, снижения роли железнодорожного транспорта на фоне развития альтернативного рельсового (метро) и автомобильного транспорта.

Железнодорожные пути в ситуации, о которой идет речь, могут проходить как по земле, так и над землей. Соответственно, их условно можно классифицировать следующим образом:

- наземные;
- надземные эстакадного типа (например, на основе виадуков);
- надземные насыпные;
- смешанные.

Потребности и сценарии ревитализации нарушенных территорий для благоустройства разные. Если железная до-

рога располагается вдоль водных пространств (например, на набережных или прибрежной территории), немаловажно обеспечить доступность береговой линии. В любом случае неиспользуемые элементы железнодорожного сообщения на территории деградировавшей промышленной зоны могут стать эксплуатируемым связным элементом благоустройства пространства, особенно если их реорганизация будет проводиться в контексте системы экокоридоров в городе методами ландшафтной архитектуры и градостроительными средствами.

Сегодня создание проектов экокоридоров необходимо для преодоления сложностей во взаимодействии и регуляции природных и социально значимых процессов. Урбанизированное понятие «экокоридор» можно трактовать не только как вытянутое протяженное пространство для миграции животных, но и как экологическую озелененную линейную градостроительную связь для представителей социума на определенном участке (парк-связь). Под городским экокоридором подразумеваются городские территории на месте существующих коммуникационных пространств, а также линейные элементы природного каркаса, в структуре которых предлагается выделение обустроенных пешеходных направлений, трасс велосипедного движения с созданием развитой системы озеленения пространств линейного характера. Особенность экокоридора в черте городской среды связана с восприятием ее человеком, то есть учитываются градостроительные связи, видовые точки, видовые направления, видовые ориентиры, перспектива, возможность гармонизации среды, визуальные доминанты и направления визуального восприятия (когнитивная ориентация).

Как пример линейной ландшафтной архитектуры в сочетании с урбанизацией или ревитализацией заброшенной промышленной среды, прежде всего, можно упомянуть Хай-Лайн – теперь самый известный парк Нью-Йорка, не считая Центрального парка, по самой главной причине: этот объект стал знаковым как новая «зеленая ось» города, влияющая на мироощущение его жителей и их восприятие городской среды как цельности, нерушимого безопасного окружения, куда они сами в некотором смысле впустили природу.

Надземная железнодорожная ветка эстакадного типа в западной части Манхэттена прекратила работу еще в 1980 году. Городские власти собирались ее снести, но воспротивились жители окрестных улиц. Эстетическая и концептуальная стратегия, представленная архитектурно-ландшафтным дизайн-бюро Field Operations, предполагала извлечение вы-

годы из уже существующих особенностей и характеристик участка, чтобы «вырастить что-то новое из чего-то старого» [1. С.138] (рис. 1). Создатель Хай-Лайн ландшафтный архитектор Джеймс Корнер подтверждает, что когда группа архитекторов занялась этой заброшенной территорией, та уже практически превратилась в парк: пути заросли зеленью, трава пробивалась через бетонное покрытие.

Представленное Field Operations дизайнерское решение основывалось на трех позициях:

- материально-технической – новой системе мощения линейными бетонными досками с открытыми соединениями для свободного стока воды и смешивания органики растений с более твердыми материалами;
- социальной – проработке сценария парка ландшафтными методами (длинные лестницы, выходящие тропинки и пути, скрытые нишевые рекреации), способствовавшей от решению от городской суеты и увеличению проводимого

жителями времени в парке (так называемое чувство продолжительности). Джеймс Корнер так объяснил цель своего проекта: «В конечном счете, идея была в создании тропы для движения людей таким образом, чтобы возникало ощущение постиндустриального железнодорожного ландшафта. Мне нравится, как этот парк замедляет восприятие времени» [Цит. по: 7];

– гармонизационной – деликатном отношении к масштабу.

Там, где когда-то ходили товарные поезда, теперь расположены прогулочные дорожки, плавно переходящие в газоны с отреставрированными фрагментами железнодорожных путей. На рельсах одного из участков парка установлены деревянные шезлонги и скамейки на колесах, которые можно по ним двигать. На всем протяжении парка есть лестницы наверх, а также специальные лифты для людей с ограниченными возможностями (рис. 2).

Деятельность государственно-частного партнерства города Нью-Йорка и компании «Друзья Хай-Лайн» сопровождалась интенсивным участием в реализации парка сообщества местных жителей в форме продолжающихся семинаров, координации усилий с федеральными, государственными, городскими и частными организациями, которые обеспечивали все финансирование и инвестиции. В этом случае строительство действительно окупилось и привело к экономически выгодному для города повышению цен на окружающую парк недвижимость (джентрификация).

Но вернемся к градостроительству. Поднятая на высоту 10 м конструкция пересекает 22 общественные улицы и переплетается с плотной тканью городской застройки. Всего Хай-Лайн благоустраивает более шести акров бывшей промышленной земли для нового использования. Один из признаков городского экокоридора как парка-связи – продуманные видовые ориентиры и направления – представляется разнообразной последовательностью общественных мест и пейзажей Манхэттена и реки Гудзон. В качестве линейного парка проект Хай-Лайн устанавливает городской коридор для среды обитания и обеспечивает возможность будущих связей между зелеными зонами и бульварами вдоль реки Гудзон (рис. 3).

Хай-Лайн как прецедентный городской парк продвигает соответствующие современным тенденциям архитектуры и

Рис. 1. Вид на 10-ю авеню до и после реализации проекта парка Хай-Лайн

Рис. 2. Реализация проекта Хай-Лайн

Рис. 3. Озелененные градостроительные связи Хай-Лайн

градостроительства принципы экологической устойчивости, реконструкции и регенерации города – повторного использования и сохранения вместо нового строительства, искусственного создания природы в городе на основе урбанизированной заброшенной территории и на контрасте с ней.

Когда планы относительно Хай-Лайн были показаны широкой общественности, сообщество дизайнеров и архитекторов было увлечено этой идеей, что дало толчок развитию многих подобных проектов.

Участок Рокзвей ветки почти 6-километровой железной дороги Лонг-Айленда, которая оставалась заброшенной больше пятидесяти лет, – еще один пример проекта линейного парка в Нью-Йорке. Проект будет обслуживать 250 тыс. резидентов, которые живут в районах вдоль нового маршрута, объединяющего парки Риги, Форест-Хиллс, Ричмонд-Хилл, Озоун и Форест. Одной из идей проекта Куинсвей было оживить линию как часть системы метро Нью-Йорка, обеспечив связь север–юг между парками Риги и Озоун и, в конечном счете, соединить станцию «Пенн» с аэропортом Кеннеди через район Куинс.

Проект Куинсвей предполагает использовать уникальные возможности взаимодействия между естественным пейзажем и заброшенной инфраструктурой. У существующего отделения железной дороги Рокзвей есть множество естественных и искусственных особенностей. Пространство между рельсами, вделанными в землю, заполнено деревья-

ми, растительностью, расколовшей бетонные платформы, и стальными ограждениями – все это можно функционально использовать в новом качестве (рис. 4).

Нью-йоркские парки эстакадного типа получили очень широкое освещение в прессе и, пожалуй, являются наиболее известными образцами подобной архитектуры. Издание «Нэшнл джиогрэфик» называет проект Хай-Лайн «чудом над Манхэттеном». Однако за 15 лет до него в Париже был успешно реализован линейный приподнятый над землей парк Променад-Планте – парковая аллея длиной 4,5 км, расположенная в 12-м округе Парижа на месте бывшего железнодорожного виадука линии Венсенс, в 1859–1969 годах соединявшей Бастилию с восточными пригородами Парижа.

Проект парка был разработан ландшафтным дизайнером Жаком Вержели и архитектором Филиппом Матье еще в 1988 году, а уже в 1989-м Париж приступил к реализации масштабного проекта – реконструкции 71 аркады виадука у набережной Планте (первые несколько километров пути шли по виадуку из камня и кирпича с большими полукруглыми арками).

Парковая зона проходит от Оперы Бастилии до восточной границы города и заканчивается недалеко от Венсенского леса. По ходу движения парковая аллея опускается на уровень улиц, идет по нескольким тоннелям в виде газона-бульвара и озелененных рельсов, пересекает в надземной части другой парк – Жарден-де-Рейм. Виадук имеет несколько закрытых секций в

Рис. 4. Современное состояние участка железной дороги Лонг-Айленда (Рокзвей)

Рис. 5. Реализация проекта Променад-Планте в Париже

том месте, где проходит между современных зданий, а с открытых участков просматриваются замечательные виды города. На территории были проложены пешеходная дорожка на виадуке в окружении растений и наземный велосипедный маршрут. На расстоянии 4,5 км от начала маршрута они соединяются на уровне земли. Галереи под виадуком (более 50 арок) были застеклены и преобразованы в ремесленные мастерские и художественные выставочные пространства («Виадук искусств»). Эта ремесленническая улица, как предполагается, должна тематически объединять современный район с творческими традициями старого предместья Сен-Антуан. О том, что парк когда-то был железной дорогой, напоминают два оставленных здесь в рамках дизайнерской концепции железнодорожных мостика, увитых плющом и диким виноградом (рис. 5).

Проект как городской экокоридор представляет собой озелененную градостроительную связь в центре мегаполиса, допускает новые зеленые ответвления с движением в другие районы города, имеет важное экосоциальное значение как видовой ориентир среды в ментальности местного сообщества (по теории городской формы) [3]. Элементы объекта позволяют выявить определенные видовые точки и визуальные связи социума, что входит в определение городского парка-экокоридора (рис. 6).

В Париже есть еще одна современная зеленая зона – парк Мартина Лютера Кинга в новом квартале Клиши-Бати-

ньоль. В бесконечном количестве возможных вариантов авторы проекта смогли найти прием построения композиции линейного парка, главной идеей организации пространства которого стало движение. Акцент сделан на последовательном чередовании зон с различными приоритетами: настольный теннис, скейт-парк, тихий отдых в рекреациях, спортивная ходьба, городской огород. Эти участки выстраиваются вдоль продольной оси парка, как стоящие друг за другом вагоны. Пространство пронизано параллельными линиями рельсов: часть из них представлена реальными рельсами, остальные изготовлены из литой резины, но также поддерживают тему движения по рельсовым «направляющим».

Большие возможности создают реконструкции целых железнодорожных станций или крупных узлов. К примеру, в Берлине на месте бывшего вокзала Нордбанхоф образована площадь с высаженными на ней хвойными деревьями, причем рельсовые пути старой станции были также использованы (проект 1995 года). Нордбанхоф определяется тремя слоями истории: бывшие пограничные сооружения Берлинской стены соседствуют с остатками железнодорожных установок старого железнодорожного вокзала и городским пустырем, теперь утилизированными ландшафтными средствами.

Одним из самых необычных решений, связанных с преобразованием территорий старых железнодорожных станций и депо, можно назвать парк Шенеберг-Зюдгелан-

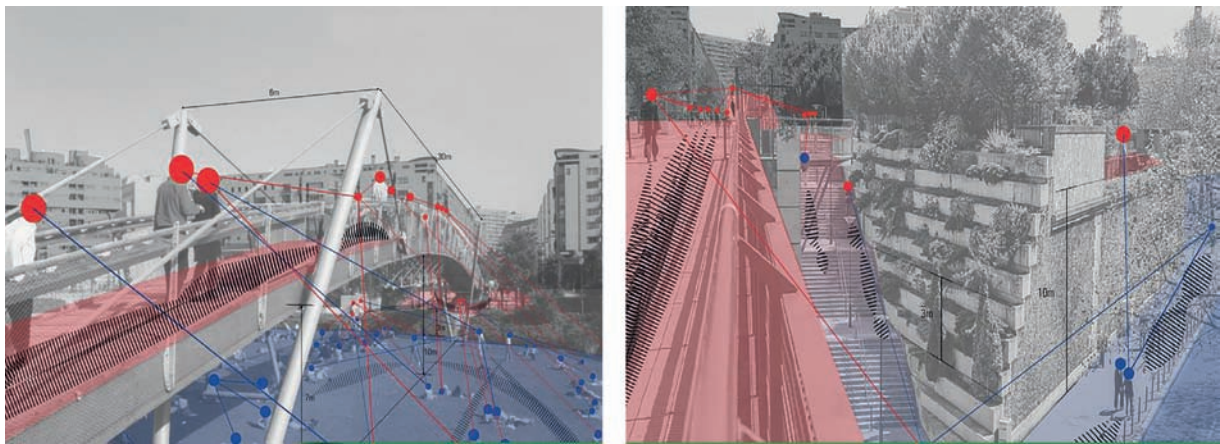

Рис. 6. Визуальные связи проекта Променад-Планте в Париже

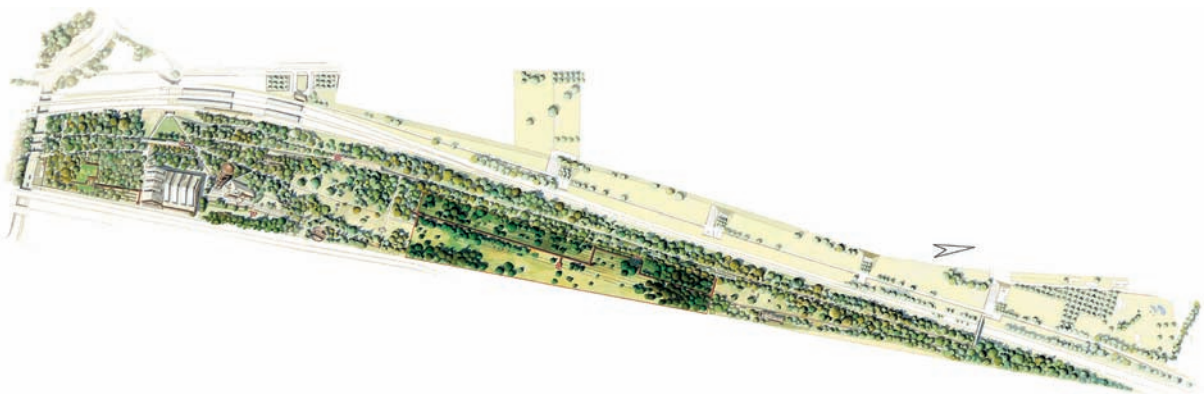

Рис. 7. Генеральный план парка Шенеберг-Зюдгеланде в Берлине

де, также находящийся в Берлине. После 1952 года фактически весь участок был надолго оставлен человеком и отдан на откуп природе. Благодаря свободному развитию растений (спонтанной вегетации) это пространство совершенно преобразилось и стало зеленой зоной с сохранением отдельных предметов техногенной деятельности человека, например старой водонапорной башни, в качестве символического украшения парка. В 1998 году территория старого депо была объявлена природным парком, а в 2008–2009 годах был реализован проект его обустройства. В целях сохранения экосистемы прогулочные дорожки и площадки подняли над поверхностью земли на металлических сваях (рис. 7).

Еще один пример европейской трансформации – район Цюрих-Норд, где наиболее полно представлены смена функций, корректировка структуры пространств, включение новых элементов природы, разумное сохранение железнодорожных путей и превращение их в пешеходные и велосипедные дорожки. Факт использования старых рельсов в новом качестве – не самое оригинальное решение, но в нем удалось выразить достаточно позитивное отношение к тому, что можно назвать «памятью места» [5. С.47].

Теперь каждый город желает иметь такую архитектуру и такую идею в качестве своей визитной карточки. Например, Филадельфия делает первые шаги к созданию своей собственной версии на виадуке, построенном компанией «Ри-

динг» для ветки железной дороги, ведущей в центр города. Рейл-парк проектируется по той же ландшафтно-градостроительной схеме ревитализации заброшенных железнодорожных путей. Новый парк станет осью, на которую «насаждаются» уже существующие в городе парки (рис. 8).

В 1980-х годах часть виадука была уничтожена, чтобы освободить место для скоростной автомагистрали, а поезда, которые его использовали, были убраны под землю в новый тоннель пригородной железной дороги, связавшей старые маршруты компании «Ридинг» и Пенсильванскую железную дорогу в одну систему (рис. 9).

Филадельфийский Рейл-парк пересекает 50 городских кварталов и соединяет несколько районов. Этот «зеленый позвоночник», коридор, связывающий многие интересные места и достопримечательности города, соединяется с парком Фермаунт и региональной железнодорожной сетью (рис. 10). Первая фаза реализации проекта началась в 2014 году.

Однако в сравнении две линии – Ридинг-виадук и Хай-Лайн – представляются достаточно разными. Парк Хай-Лайн изолирован от городской жизни, проходящей внизу и вокруг, поскольку находится на уровне третьего этажа жилого дома. Ридинг-виадук предлагает более открытые перспективы, виды и возможности, а также широкие экокоридоры, выходящие в местную уличную жизнь.

Филадельфия сейчас действительно ориентирована на строительство парков и ландшафтные улучшения. В тече-

Рис. 8. Градостроительная новая «зеленая ось» Филадельфии – Рейл-парк

Рис. 9. Современное состояние виадука компании «Ридинг» в Филадельфии

Рис. 10. Концепция линейного озеленения в ткани городской среды

ние последних пяти лет город закончил реализацию проектов Пирса Рэйс-стрит (парк в прибрежной зоне), Парка городов-побратимов, Парка Хоуторна и др. По генеральному плану создается «ожерелье» из десяти парков вдоль реки. Такой каскад урбанистических изменений преобразует заброшенную промышленную территорию и, в конечном счете, сделает всю береговую линию привлекательной для инвесторов.

Ландшафтно-градостроительное начинание появилось в северо-западной части Чикаго, где есть неиспользуемые железнодорожные пути длиной в 4,5 км (Блумингдейл-Трейл) также эстакадного типа, их реновация может привести к соединению парков всего города в одну связку (рис. 11).

Рис. 11. Расположение Блумингдейл-Трейл на карте Чикаго

Рис. 12. Современное состояние территории Блумингдейл-Трейл. Виадук

Блумингдейл-Трейл – бывшая грузовая железнодорожная линия компании «Пасифик-Рейлроуд», созданная в 1873 году в Чикаго, – проходит по Блумингдейл-авеню. Ветка изначально была заложена на уровне улицы (в составе Канадской тихоокеанской железной дороги), однако в 1910 году железнодорожные пути стали надземными для предотвращения несчастных случаев и размещения уличного движения. Последний грузовой поезд эксплуатировал эту линию в 2001 году.

В этом проекте, вместо того чтобы в полной мере реабилитировать структуру эстакады, его создатели сосредоточились на ее стабилизации, что позволило сэкономить большое количество средств. Здесь многофункциональный парк, пересекающий основные магистрали, исторический бульвар и т.д., позволяет проложить безопасный и доступный для всех альтернативный маршрут в сочетании с бесперебойным движением автотранспорта. Последнее обеспечивается обновлением мест пересечения железнодорожной ветки с магистралями – на участке Блумингдейл-Трейл существуют 38 виадуксов, часть из которых будет деконструирована (рис. 12).

Еще один подобный архитектурно-градостроительный объект находится в Сент-Луисе. Там эстакада Тресл, построенная в 1930 году чикагской компанией «Макклинтик-Маршалл», использовалась для пригородной линии железнодорожной сети вокзала Иллинойс. Компания «Грейт риверс гринуэй», являющаяся также городской общественной организацией, купила эстакаду в 2004 году за полтора миллиона долларов с тем, чтобы в дальнейшем включить ее в план развития общерегиональной системы взаимосвязанных зеленых пространств агломерации (рис. 13). Эстакада Тресл – один из участков проекта гигантской закольцованной сети бульваров и пешеходных маршрутов (около 1000 км) Ривер-Ринг, разработанной компанией в 2000 году с целью объединения всего региона Сент-Луис.

Проект реновации эстакады Тресл был создан в 2007–2009 годах с учетом пожеланий представителей местного бизнеса, технического комитета и резидентов местного сообщества «Друзья Тресл». Эстакада поднимается от уровня

Рис. 13. Расположение парка Тресл на территории Сент-Луиса

улицы Бранч-стрит на высоту моста Мак-Кинли-Байкуэй, ширина объекта почти 7,5 м, длина – 2,5 км. В новом парке-эстакаде можно создать велосипедную и пешеходную связь с 19-километровой набережной Трейл в Сент-Луисе на стороне Миссури (рис. 14).

Самым масштабным проектом линейных парков-связей на основе неиспользуемых железнодорожных путей, несомненно, является Белт-Лайн в Атланте, поскольку его общая длина составляет больше 35 км. Белт-Лайн – это бывший железнодорожный коридор вокруг ядра города Атланта, штат Джорджия, окольцовывающая город транзитная сеть, которая теперь приобретает многофункциональный характер (рис. 15).

Проект «зеленой дороги» разработан бюро Perkins + Will и представляет собой гибридную структуру из парков и променадов. Однако основа генплана первоначально была представлена в 1999 году в качестве диссертации на степень магистра студентом Технического университета Джорджии Райаном Гравелом, который связал в одну систему многие городские парки и окрестности. В 2005 году город приобрел

земли малоиспользуемой железнодорожной ветки с тем, чтобы обеспечить дальнейшее развитие Белт-Лайн в так называемом интеллектуальном направлении продуманного сценария роста.

Многоэтапный и многозадачный проект Белт-Лайн, соединяющий 45 кварталов, является частью «Плана метрополитена Атланты – 2040». Он включает в себя многофункциональные пути, в частности пешеходные и велосипедные дорожки, монорельсовую транзитную петлю (легкое метро) и свыше 400 га парков (рис. 16).

Проект инициировал городскую ревитализацию на всей территории Атланты, а это новые рабочие места, доступное жилье, улучшение транспорта, новые культурные объекты и самый протяженный дендрарий в мире. Один из главных теоретических его аспектов состоит в том, что реформирование транзитной инфраструктуры в сочетании с новым общественным транспортом и зелеными насаждениями приведет к экономическому развитию.

Проект Белт-Лайн в Атланте предполагает создание ряда парков по всему городу, тринадцати «драгоценностей

Рис. 14. Проект парка Тресл. Эскизы

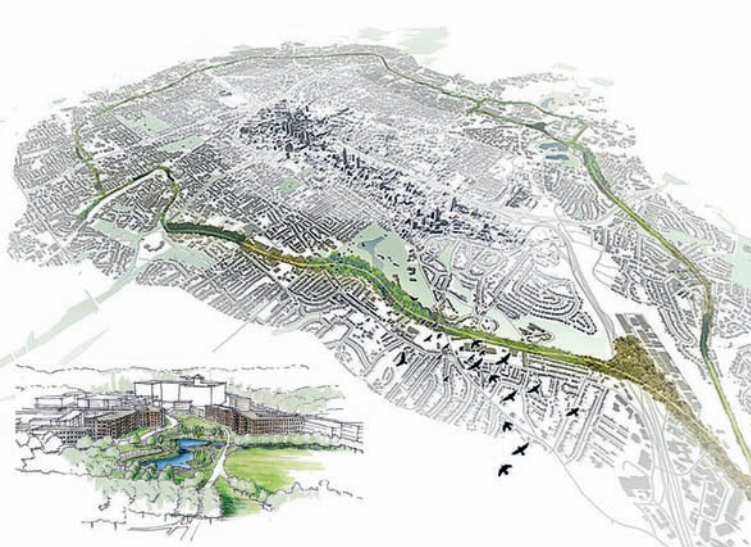

Рис. 15. Проект Белт-Лайн. Эскизы. Генплан

Рис. 16. Проект Белт-Лайн. Схема технического устройства

Белт-Лайн», которые будут соединены с помощью определенных маршрутов и транзитных компонентов плана. В общей сложности проект создаст или ревитализирует 530 га зеленых насаждений.

Одним из недостатков проекта является ограниченный доступ к экономическому центру города. Железнодорожное сообщение от Белт-Лайн до центра города небольшое, при этом «орбитальный» транзит по железной дороге создаст систему внутригородских миграций по периметру кольца Белт-Лайн, что автоматически приведет к увеличению количества затраченного на дорогу времени.

Подобные проекты существуют не только в Соединенных Штатах Америки – тенденция иметь в своем городе парк, трансформированный из заброшенной эстакады, широко распространяется по всему миру. Городские власти Сеула (Южная Корея) обратились к голландской фирме MVRDV с заказом на проект парка Скайгарден длиной примерно 800 м на заброшенном отрезке путепровода 1970-х годов постройки. Этот участок дороги в 2009 году был признан не отвечающим современным требованиям безопасности и с тех пор не используется. В отличие от нью-йоркского Хай-Лайн, сеульский Скайгарден изначально рассматривался городским советом как фрагмент единой программы, нацеленной на то, чтобы сделать корейскую столицу более зеленой и привлекательной для пешеходов. Проект компании MVRDV предусматривает возможность добавления к парку Скайгарден новых зеленых ответвлений с движением в другие районы города и развитием нового озелененного каркаса градостроительной ткани. Так функционирует концепция парков-спутников, лежащая в основе плана Скайгарден (рис. 17). Строительство основного парка, начатое в 2015 году, завершится в 2017-м.

Территория парка вдоль Канадской тихоокеанской железной дороги в Ванкувере (Канада), названная коридором «Абьютес», более 100 лет до 2002 года использовалась по прямому назначению. Изначально железнодорожную ветку собирались перестроить для коммерческих и бытовых нужд, но этот план был остановлен из-за сильной общественной поддержки сохранения коридора для дальнейшего использования в рекреационных целях (рис. 18). Теперь экокоридор разбит на два кластера по 75 участков, которые сдаются жителям города в аренду в качестве органического сада или огорода (для выращивания экологически чистых овощей и фруктов).

Другой вариант развития событий относительно вопроса о ненужных эстакадах – полное удаление и уничтожение заброшенных транспортно-промышленных участков территории города. В Сан-Франциско гордятся уничтожением скоростной автострады 1960-х годов, которая ограничивала доступ к центру города. На месте этой эстакады в 2003 году возник променад «Сан-Франциско имбакадеро» (рис. 19). Преобразование шоссе в бульвар улучшило транспортную

ситуацию и ценность инфраструктуры, доказав, что это способ достаточно скромными инвестициями добавить городу жизнеспособности, привлекательности и сомасштабности человеку. Горожанин в таком случае получает менее агрессивную окружающую среду.

В зарубежной практике разработаны и реализованы многочисленные градостроительные проекты, нацеленные на разрешение противоречий между человеком и природой. Урбанизированная система при этом становится способной находиться в равновесии с природной и даже эволюционировать в природную экосистему.

Анализ представленных нами проектов показывает, что среди неиспользуемых железнодорожных веток, которым можно присвоить новую функцию, связав их с окружающей застройкой, преобладают железные дороги смешанного типа – в основном наземные или насыпные с несколькими участками-эстакадами (например, путепровод или виадук). Высота таких эстакад обычно составляет около 10 м. По признаку длины железнодорожные ветки, подлежащие реновации, также можно разделить на небольшие – до 1 км; средние – 2,5 км; 4,5-километровые и неформатные – больше 30 км (рис. 20). Как правило, подобные элементы городской ткани расположены в решетчатой градостроительной системе.

Развитие прилегающих к неиспользуемым железным дорогам в черте города территорий проанализировано с точки зрения преобразования их функционально-планировочного каркаса и проходящих там функциональных процессов. Установлено, что ревитализация заброшенных железнодорожных веток может обеспечить следующие позитивные изменения:

- повышение связности прилегающих территорий, целостности городской среды (влияние на развитие функционально-планировочной структуры прилегающих территорий);
- повышение привлекательности территорий для различных функций в комплексе с повышением ценности территорий, расположенных в непосредственной близости от обновленных на основе железнодорожных путей линейных парков-связей;
- снижение социальной и экологической изоляции отдельных районов города, испытывающих недостаток в природной составляющей городской среды;
- улучшение экологической обстановки на прилегающих территориях.

История создания всех проектов показывает, что реализация парка-связи, работающего в качестве линейного городского экокоридора, возможна при объединении нескольких факторов и условий, среди которых:

- изменение функции зоны;
- доступность;
- разнообразие предложенных функций;
- заинтересованность местного сообщества;

Рис. 17. Проект Скайгарден в Сеуле

Рис. 18. Коридор «Абьютес» в Ванкувере

Рис. 19. «Сан-Франциско имбакадеро» до и после реновации

– материальные вложения частных инвесторов совместно с инвестициями администрации района или города.

Во многих случаях желательно сохранять транзитную транспортную функцию или альтернативные варианты.

Возможность создания парка-связи на основе неиспользуемой железнодорожной ветки в Москве также рассматривается. Есть много предложений о превращении в зеленую зону так называемого ржавого каркаса, который существует на 90% территории столичных промышленных зон. Однако в отличие от всех рассмотренных проектов, местоположение которых позволяет использовать парк-связь круглогодично (в субтропическом поясе или в умеренном климатическом поясе до 50° параллели как в Северном, так и в Южном полушарии), в Москве подобные предложения пока появляются только на конкурсной основе – в виде концепций, поскольку климат столицы накладывает определенные ограничения на реализацию проектов (рис. 21). Кроме того, сегодня в городе практически нет участков с необходимыми условиями для ревитализации заброшенных железнодорожных путей.

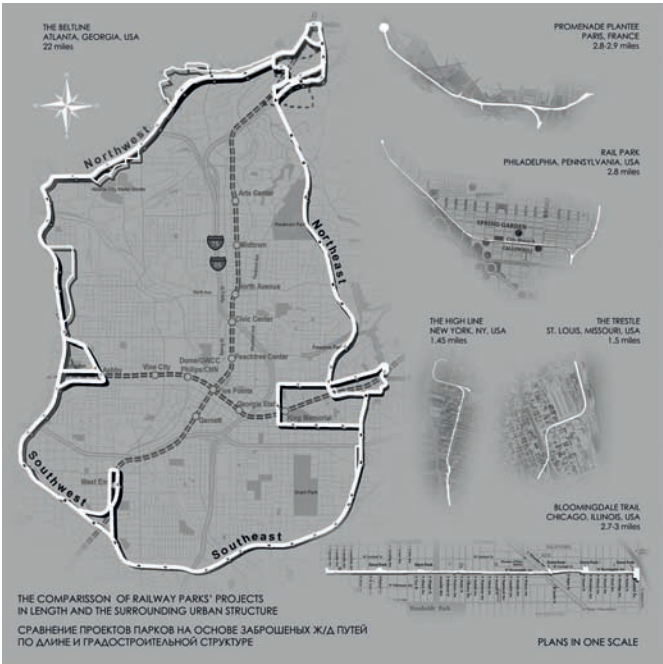

Рис. 20. Графическое сравнение проектов парков по длине и градостроительной структуре

Рис. 21. Сравнение широтного географического положения городов с проектами парков на основе заброшенных элементов железной дороги

Литература

1. Feireiss K., Feireiss L. (eds.). The High Line // Architecture of Change 2. Sustainability and Humanity in the Built Environment, 2009.

2. Бутко С.О. Окружная железная дорога в структуре крупного города: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры. М., 2010.

3. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.

4. Микулина Е.М., Благовидова Н.Г. Архитектурная экология: учебник для вузов. М.: Академия, 2013.

5. Неведов В.А. Как вернуть город людям. М.: Искусство-XXI век, 2015.

6. Разгулова А.М. Способы преодоления экологических барьеров в масштабе современного города. Экокоридоры, экотехнические развязки // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: тезисы докладов Международной научно-практической конференции. М.: МАРХИ, 2015.

7. Белоголовский В. Постиндустриальная тропа // Archi.ru // <http://archi.ru/world/25369/postindustrialnaya-tropa>.

8. Винницкая И. High Line-Inspired Park Proposed in Queens // ArchDaily // <http://www.archdaily.com/315458/high-line-inspired-park-proposed-in-queens>.

9. Rosenfield K. Demolishing Freeways and Reviving American Cities // ArchDaily // <http://www.archdaily.com/220969/demolishing-freeways-and-reviving-american-cities/>.

10. The Rail Park // <http://therailpark.org/>.

11. The High Line // <http://www.thehighline.org/>.

12. The Bloomingdale Trail // <http://the606.org/>.

13. The Trestle. Great Rivers Greenway // <http://greatriversgreenway.org/>.

14. The Belt Line // <http://beltline.org/>.

15. Inhabitat.com // <http://inhabitat.com/construction-to-begin-on-chicagos-elevated-bloomingdale-trail-next-summer/>.

16. RuGBC – Совет по экологическому строительству // <http://www.rugbc.org/ru/news/vozdushnye-parki-ili-promenad-po-shpalam>.

Literatura

2. Butko S.O. Okruzhnaya zhelezhaya doroga v strukture krupnogo goroda: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata arhitektury. M., 2010.

3. Linch K. Obraz goroda. M.: Stroyizdat, 1982.

4. Mikulina E.M., Blagovidova N.G. Arhitekturnaya ekologiya: uchebnik dlya vuzov. M.: Akademia, 2013.

5. Nefedov V.A. Kak vernut gorod ljudjam. M.: Iskusstvo-XXI vek, 2015.

6. Razgulova A.M. Sposoby preodoleniya ekologicheskikh barierov v masshtabe sovremennogo goroda. Ekokoridory, ekotekhnicheskie razvyazki // Nauka, obrazovanie i eksperi-

mentalnoe proektirovanie v MArhHI: tezisy dokladov Meshdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: MArCHI, 2015.

7. Belogolovskij V. Postindustrialnaya tropa // Archi.ru // <http://archi.ru/world/25369/postindustrialnaya-tropa>.

8. Vinnitskaya I. High Line-Inspired Park Proposed in Queens // ArchDaily // <http://www.archdaily.com/315458/high-line-inspired-park-proposed-in-queens>.

16. RuGBC – Sovet po ekologicheskomu stroitelstvu // <http://www.rugbc.org/ru/news/vozdushnye-parki-ili-promenad-po-shpalam>.

The Opportunity of Creating Linear Parks on Basis of Unused Railways Elements: Analysis of Foreign Experience.

By A.M.Razgulova

The article is considers various realized and set up on a competitive basis foreign architectural projects, dedicated to the creation of ecological corridors in the city on the basis of unused railway elements to overcome environmental or man-made barriers. The purpose of the research is to identify proposals and concepts necessary for the development and renovation of the ecological environment of the city, and to determine the relevance and novelty of the projects for Moscow and the world's practice of urban planning in general at the beginning of the XXI century.

Ключевые слова: железнодорожные пути, ревитализация, экокоридор, промышленная зона, линейный парк, градостроительная связь.

Key words: railway, revitalization, eco-corridor, industrial zone, linear park, urban connection.

Потенциал памятников культуры в системе расселения

В.В.Лазарев, И.В.Лазарева, Г.Л.Мельникова

Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалось ему организовать эти пространства.

Н.А.Бердяев

Города представляют собой неотъемлемую часть исторического процесса развития человечества в координатах «пространство – время»¹. Пространство города в конкретной точке планеты объективно зависит от геодинамического состояния места его расположения в природной зоне. Поэтому у населения каждого города с его исторически сложившейся функционально-планировочной структурой всегда есть свои приоритеты в выборе места. Со временем в ходе цивилизационного и историко-культурного процесса роль и значимость выбранного места может меняться [1, 2].

Распределение исторических и современных поселений фиксирует дуализм восприятия места: с одной стороны, по степени его пригодности для проживания, с другой – по значимости культурно-сакрального потенциала для конкретного сообщества. Неудивительно, что для членов этого сообщества такие места, изначально пригодные для их жизни и воспринимаемые как сакральные, становятся исконными, – так складываются коренные народы. Поэтому исторические миграции зачастую провоцируются не только военными конфликтами, но и памятью каждого народа о своем месте на земле. Только там природное и этнокультурное восприятие становится ему близким, родным, и появляется его сакральное место.

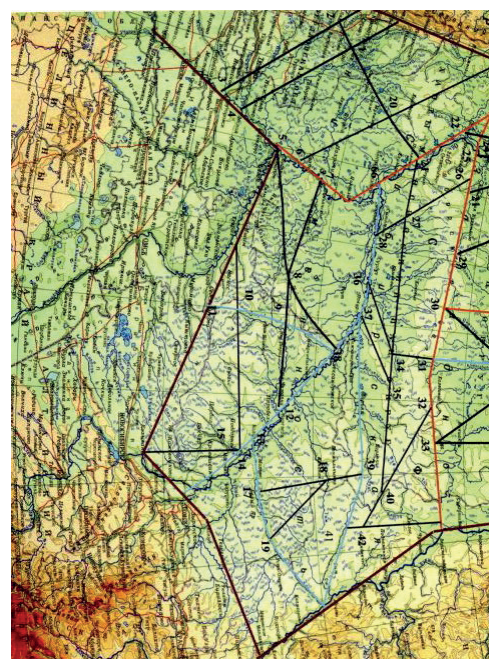
Как отмечал Ю.М.Лотман, природа нам дана изначально, а культуру человек делает сам.

При многообразных изменениях во времени функций и планировочных структур городов, а также полиэтнического состава населения неизбежно происходит смена восприятия им значимости места проживания во многом под влиянием как повышения уровня технического прогресса, так и расширения горизонтов познания мира. Хорошо известно, что палеоазиаты – коренное население на пространстве Западной Сибири – занимали свои природные ниши в зависимости от этнокультурных и религиозных предпочтений. Это наглядно демонстрирует своеобразие сложившейся сети расселения [3]. Этническая

память фиксировала особенности природных ландшафтов расселения, а визуально воспринимаемая пластика рельефа закреплялась в сознании каждого жителя как своеобразное сакральное место. «Человечество ещё не вышло из человеческого рода», – отметил в свое время Н.А.Бердяев.

Показательно, что сформировавшаяся в Западной Сибири в течение тысячелетий система расселения была, по существу, предопределена особенностями ландшафта, физико-географическими и геоморфологическими условиями (рис. 1).

Поэтому ханты расселялись на одном берегу реки Оби, а манси на другом. В то же время татарский этнос как целостность занимал территорию по обоим берегам Тобола и Иртыша и среднее Пообье. Нельзя также забывать, что историческое и

Условные обозначения:
 1 – третья линия, 2 – вторая линия, 3 – первая линия, 4 – надгробные границы Западно-Сибирской плиты, 5 – номера геоморфологических узлов.

Рис. 1. Схема физико-географических и геоморфологических особенностей территории Западно-Сибирского региона. Темно-красной линией обозначена наиболее крупная структурная ее единица – Западно-Сибирская плита, расчлененная на крупные блоки, которые отмечены ярко-красной линией. Геоморфологические районы в пределах крупных блоков очерчены черными линиями; геоморфологические узлы сопряжения пронумерованы арабскими цифрами

¹ Согласно документам, города существуют более 5 тыс. лет, но – по результатам всемирных переписей – к началу XXI века население 19 городов уже превышало 10 млн человек, а к третьей четверти столетия превысит 80% населения планеты.

современное название «Сибирь» досталось нам в наследство от одного из поселений татар (рис. 2 а, б).

Река Обь имеет значительный участок широтной ориентации с востока на запад. На схеме четко прослеживается наличие археологических памятников именно на этом участке. Возникает вопрос – почему? Судя по имеющимся данным, именно здесь были наиболее благоприятные условия для жизни человека еще с глубокой древности. Неудивительно, что самоназвание коренных жителей по Оби – «селькупы», то есть «люди реки». Использование радиоуглеродного метода исследования позволило определить, что поселения в этих местах существуют уже 13–15 тысячелетий.

Люди каменного века, изготавливавшие орудия труда и оружие из камня, кости и дерева, занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством. К самым ранним свидетельствам промысловой деятельности древнего населения Сургутского Приобья относятся находки в районе урочища Барсова гора – по сути, уникального места. Высокий, до 33 м над уровнем реки Оби, этот лесной участок выделялся среди болот: с северной стороны его границей была болотистая пойма шириной 3,5 км, а с восточной – протока Утопля, близко подходящая к берегу. По легенде именно здесь погиб хантыйский вождь Барс (Барц), именем которого названы и речка, и урочище.

Рис. 2 а. Расселение сибирских народов в XVII веке [3]
Рис. 2 б. Схема расположения археологических памятников в бассейне реки Оби. Относится к 1953 году. Район археологических памятников Усть-Палуй на схеме обозначен красным

В районе местных поселений, датируемых серединой I тысячелетия до н.э. и I тысячелетием н.э., то есть ранним железным веком, в разное время были найдены сохранившиеся кости лосей, северных оленей, медведей, зайцев, бобров, соболей и других животных. Это позволяет с уверенностью утверждать, что местное население успешно занималось охотой. Природа обеспечивала благоприятные условия для многовекового проживания населения именно в районе Средней Оби.

В таежной зоне Западной Сибири стоянки неолитического человека встречаются не повсеместно. Основной массив памятников археологии сосредоточен в урочище Барсова гора, а также в бассейне реки Конды, в верховьях рек Туры и Тавды. В памяти этносов они сохраняются как сакральные места.

Раскопки Археологической комиссии России, учрежденной в 1859 году, позволили выявить древние артефакты, относящиеся к скифам Сибири [5]. Однако наиболее раннее описание Евразийского пространства подготовил Филипп-Иоганн Страленберг (1676–1747) – шведский подполковник, сопровождавший Карла XII во время его похода в Россию, участник Полтавской битвы. В качестве пленника был послан Петром I в Сибирь и пробыл там 13 лет. Получив позволение путешествовать по Сибирскому краю, он составил подробную карту. По возвращении в Швецию Страленберг издал на немецком языке свою рукопись «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». На русском языке эта работа впервые была напечатана в 1797 году.

В урочище Барсова гора в окрестностях города Сургута первые археологические раскопки начал политический ссыльный В.Ф.Казаков в 1889 году, а продолжил их в 1890-м проректор Томского университета С.М.Чугунов. Но собранные ими материалы были утрачены, а результаты проведенных исследований неизвестны. К счастью, была сохранена коллекция, собранная при раскопках под руководством Ф.Мартина² (рис. 3). Долгое время практически единственным научным трудом, посвященным археологическим исследованиям в Сургутском Приобье, была изданная в Стокгольме в 1935 году работа шведского востоковеда Т.Ю.Арне.

Новые открытия памятников археологии в Сургуте и его окрестностях произошли на рубеже 1960–1970-х годов благодаря экспедициям Уральского университета. Работы археологов Екатеринбурга – при сопоставлении данных этнографии и археологии – позволяют провести ретроспективный анализ материальной и духовной культуры народов региона на протяжении тысячелетий, а также выявить при одновременном оперировании данными по истории освоения сибирских

²Фредерик Мартин родился в 1868 году в Стокгольме, с юношеских лет посвятил себя изучению археологии, этнографии и искусства Востока. В 1904–1908 годах работал экспертом в шведском посольстве в Константинополе. Большую часть жизни ученый провел в путешествиях; его коллекции были показаны на выставках в Стокгольме (1897) и Мюнхене (1910).

лесов и степей этноландшафтные основы расселения и развития городов, особенности межэтнических контактов в ходе миграций населения, проблемы взаимодействия и взаимообогащения различных этнокультур в общем пространстве жизнедеятельности.

В зависимости от особенностей межэтнических контактов в условиях предпочтения и выбора конкретных мест расселения различных этнических общностей в пределах города (инога поселения) происходит своеобразная «пульсация» городской черты (рис. 3) [6].

Некогда городскую черту, утверждаемую законодательно, называли «померий» и фиксировали пограничными знаками. Однако в ходе любой землеградоустроительной работе выявлялось расположение населенного места в пределах сопряжения структурно-тектонических блоков земной коры, выражающегося в пластике рельефа. Символика знаковых сооружений отображает доминанту этнического и полиэтнического сообществ, а их сохранность во времени означает целостность государства.

Современный город Сургут представляет собой реализованную модель взаимосвязи этносов на просторах Сибири. В марте 1994 года в Сургуте прошла Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города. В числе более 100 ее участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Иркутска, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Перми, Сыктывкара, Сургута, Тобольска, Томска и Тюмени были докладчики из Венгрии (Л.Викар, О.Трогмайер, И.Фодор) и Англии (Коллинз, Лидз).

Тематика 92 докладов на этой конференции охватывала большой круг проблем, связанных с изучением истории расселения жителей Западно-Сибирской равнины, их традиционной

культуры. Этот регион является прародиной финно-угорских народов, однако по неизвестным причинам на юбилейной встрече не были представлены материалы ученых из Финляндии и Швеции. Безусловно, их сообщения представляли бы особый интерес, поскольку со времени проведения археологических раскопок Ф.Мartiном прошло более столетия.

В современном мире существуют две кардинальные по своему характеру тенденции, раскрывающие комплекс проблем, относящихся к сфере обеспечения качества среды жизнедеятельности, градостроительства и архитектуры. Одна связана с усилением процесса интеграции, некоторым «выравниванием» уровня этнокультур, а также другая – с известным с конца XX века этническим парадоксом, отражающим растущее стремление этнических групп и народностей сохранить своеобразие традиционной культуры и ее неповторимость.

При взаимодействии процессов глобализации и регионализма наиболее актуальной для теории и практики градостроительства становится проблематика сохранения памятников культуры и исходного ландшафта как национального достояния. В своей работе «О России» историк и публицист Иван Ильин писал: «В недрах нашего прошлого нам даны великие залоги и благодатные источники». И все же в наше время уникальный природный памятник федерального значения – Барсова гора подвергается разрушению ради решения сиюминутных задач. К сожалению, такого рода разрушения не единичны не только в нашей стране, но и в мире в целом. Тому пример – разрушение Пальмиры на территории Сирии.

Для Руси–России одним из сакральных мест является Аркаим – уникальная территория в истории расселения народов мира. Материалы археологов, историков, этнологов и социологов о размещении более чем 20 поселений возрастом свыше 4,5 тыс. лет в центре Евразии позволили признать протогород Аркаим объединяющим их центром. Ныне подтверждены уникальность расположения Аркаима в центре Евразии и его роль как интегратора расселения различных этнических сообществ.

Параметры центральной части Аркаима и его фиксация по астрономическим ориентирам абсолютно точно были повторены в астрономо-культовых сооружениях этой широты: Стоунхендж в Великобритании, на территории Бранденбурга в Германии, на Алтае, в Китае.

Аркаим в силу его конкретного положения на сакральной территории различных народностей, можно счи-

Рис. 3. План местонахождения археологических раскопок в урочище Барсова гора (Барсов городок в окрестностях Сургута), проведенных в 1891 году под руководством Ф.Мартина

тать северной прародиной человечества. Многочисленные исторические и современные исследования документально подтверждают, что пространство Евразийского континента уже не одно тысячелетие является родиной многочисленных этносов, которые воспринимают его ландшафты как свои оберегаемые национальные и сакральные места.

Древнейшим форпостом в истории Руси – России можно считать Старую Ладугу. Еще в 1116 году был заложен первый камень крепости, которая в 1164-м смогла выдержать мощную осаду шведов. По преданию, в честь этого события была сооружена цитадель Святого Георгия Победоносца, ставшая сакральным местом на берегу Ладожского озера. Соединение на одном участке планеты объекта культурного наследия с его исторической значимостью как сакрального места полиэтнической общности послужило основой для внесения Старой Ладуги в Список объектов мирового наследия ЮНЕСКО.

Литература

1. Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995.
2. Саваренская Т.Ф. Историко-культурный потенциал города и его место в современном градостроительстве // Градостроительство России XXI века: сборник научных статей. РААСН. М., 2001. С. 211–213.
3. The Paleolithic of Siberia. New Discoveries and Interpretations. Edited and compiled by Anatoliy P. Derevyanko, Demitri B. Shimkin and W. Roger Powers. Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Division, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; University of Illinois Press Urbana and Chicago. 1998.
4. Национальное пространство / Под общ. ред. В.В. Лазарева. М.: АСВ, 2008.
5. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 35. М.: Изд. АН СССР, 1953.
6. Лазарева И., Мельникова Г., Лазарев В. Город во времени и пространстве // Муниципальная власть. Март–апрель 1999. С. 14–18.

Literatura

1. Gorod kak sociokul'turnoe yavlenie istoricheskogo processa. M.: Nauka, 1995.
2. Savarenskaya T.F. Istoriko-kul'turnyj potencial goroda i ego mesto v sovremennom gradostroitel'stve // Gradostroitel'stvo Rossii XXI veka: sbornik nauchnykh statej RAASN. M., 2001. S. 211–213.
4. Nacionalnoe prostranstvo / Pod obshch. red. V.V. Lazareva. M.: ASV, 2008.
5. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. 35. M.: Izd. AN SSSR, 1953.
6. Lazareva I., Melnikova G., Lazarev V. Gorod vo vremeni i prostranstve // Municipalnaya vlast. Mart–aprel 1999. S. 14–18.

The Potential of Cultural Monuments in the Settlement System.

By V.V.Lazarev, I.V.Lazareva, G.L.Melnikova

The article is dedicated the role of natural and cultural vernacular dominants in the process of settling. Numerous ethnocultural monuments are traced in the materials studied from the time of paleolith, allow to estimate centuries-old history of mastering of the river Ob basin as one of most ancient river civilizations on the planet.

Ключевые слова: пространство, расселение, образный знак родных мест – «родовая гора», уникальность места жизнедеятельности, урочище Барсова гора, речная цивилизация.

Key words: space, settling, dominants, unicity of place, natural boundary, Barsova Mountain, river civilization.

К вопросу о некоторых тенденциях изменения общественных пространств городов в конце XX – начале XXI веков

Я.В.Чуй

Современные города изменяются в ответ на процессы глобализации, изменения технологий, международной миграции, колебаний экономики и изменения климата. Политическая, культурная и экономическая трансформации городов, сложившаяся практика восстановления памятников архитектурного наследия оказывают влияние на морфологию общественных пространств. Поэтому понимание тенденций их развития приобретает все большую важность [7].

Р.Роджерс (1999) выделяет три основных фактора изменений общественных территорий: техническая революция, в центре которой информационные технологии; экологическая угроза и ее последствия для устойчивого развития; социальная трансформация [12]. Группа немецких исследователей (У.Бердинг, А.Хавеманн, Дж.Пегельс, Б.Перенталер) отмечает такие изменения, как растущий процесс коммерциализации, фестивализации и приватизации открытых территорий города [4]. А.Фок (2000) в качестве причины для функциональных преобразований общественных пространств выделяет следующие: развитие рыночных отношений с активным участием частного сектора, новые формы коммуникаций между населением; растущее значение автомобильного движения и социальные изменения в обществе [5]. Обратимся к детальному исследованию некоторых актуальных тенденций развития открытых общественных территорий современных городов.

Изменение способов социальных контактов

Многие общественные функции становятся виртуальными. К.Вард Томпсон высказывает предположение о том, что из-за увеличения объема «виртуальных» операций жизнь общественных пространств находится под угрозой, поскольку устраняется необходимость реализации социального взаимодействия. Но автор также представляет доказательство того, что новые коммуникационные технологии могут расширить и увеличить социальные контакты [12]. Г.А.Птичникова отмечает, что со становлением информационного общества стало возможным

говорить о глобализации как о доминирующем феномене современности. Автор утверждает, что под давлением глобализации исчезают качества городских пространств, их характерные особенности и специальные значения. Физическое пространство мест заменяется пространством потоков¹, которое постепенно притягивает все большее количество новых пользователей [1. С 42]. В ее совместном с А.В.Антюфеевым исследовании констатируется утрата связи социальной активности с городским пространством [2. С. 10].

Но в то же время использование современных коммуникационных технологий (цифровых, мультимедийных и др.) в общественных пространствах приводит к созданию новых моделей общественных зон, привлекательных для современного пользователя, интенсивно используемых и отвечающих, в числе прочего, потребности в индивидуальном выражении [12]. Новые технологии могут облегчить использование всех видов общественных пространств, сделать их безопасными, контролируемыми и идентифицируемыми. Например, информационные экраны или поверхности способны помочь не теряться в незнакомых местах и транслировать интересную информацию, а также вовлекать во взаимодействие граждан, используя в качестве доски объявлений. Установка Wi-Fi точек доступа на открытых территориях способствует организации деятельности вне рабочего места и дома.

Приватизация и коммерциализация общественных пространств

Увеличение объемов приватизации общественных территорий происходит одновременно с их физической деградацией, которая отражается на качестве городской среды в целом. В Европе с 1980-х годов местные власти разделяют ответственность за развитие городов с частным сектором и применяют к городскому развитию «предпринимательский подход», нацеленный на возрождение конкурентной позиции городской экономики [10, 11]. Происходит смещение некоторых государственных функций в частный сектор, что приводит к установлению новых видов взаимоотношений на городских территориях. Существуют противоположные мнения о процессе приватизации общественных пространств. М.Соркин (1992) и М.Кохн (2004) констатируют сокращение их числа в результате приватизации [10, 11]. Группа ученых из Голландии (Р.Ван Мелик, И.Ван Аалст и Я.Ван

¹ Пространство потоков представляет собой систему обмена информацией, капиталом и властью, структурирующей основные процессы в рамках обществ, экономик и государств, между различными регионами, независимо от их местонахождения [1. С.42.]

Веесеп, 2009) считает, что приватизацию государственного (общественного) пространства не следует рассматривать как угрозу. В некоторых случаях это приведет даже к увеличению привлекательности этих приватизированных территорий [11].

Ярким примером результата приватизации общественных пространств является создание на их месте крупных торговых центров, моллов, пассажей, передача обязанностей по уходу и обслуживанию общественных территорий частному сектору [5. С. 21].

Группа немецких исследователей (У.Бердинг, М.Реннер, С.Вигандт, 2003) подчеркивает, что границы между «общественным» и «частным» в создании, эксплуатации и техническом обслуживании общественных пространств в большинстве случаев размыты, наблюдается конкуренция между частными и общественными территориями: традиционные торговые площади в центральной части города получили конкурентов в виде моллов, торговых центров. Авторы утверждают, что дифференциация между государственным и частным пространством является устаревшей, поскольку поведение людей идентично в обоих типах пространства. В связи с этим возникает потребность в установлении новых правил пользования, управления и стандартов качества для общественных пространств [3].

Коллектив немецких ученых доказывает тесную связь между тенденциями приватизации и коммерциализации общественных мест и четко не отделяет их друг от друга. Коммерциализация является более широким явлением, которое охватывает места с такими разными ее проявлениями, как распространение особых прав пользования в розничной торговле на тротуарах и в пешеходных зонах, гастрономическое использование улиц и площадей. Исследователи отмечают, что причиной приватизации публичного пространства является коммерческий интерес. В частные пространства переходит все больше функций общественных мест [3].

Также следует отметить прямую взаимосвязь между качеством общественного пространства и уровнем его коммерциализации. Как правило, от качества общественных территорий зависит рентабельность места для бизнеса. В связи с физической деградацией некоторых открытых территорий владельцам и сотрудникам магазинов и кафе приходится самостоятельно создавать привлекательную среду открытых территорий для клиентов. М.Фок (2000) считает, что в этих условиях возникает необходимость разработки четких инструкций по взаимодействию государственного и частного сектора [5].

Немецкие проектировщики оценивают коммерциализацию для некоторых городов как положительное явление, поскольку она способствует оживлению центра и обновлению открытых территорий [8]. В политических программах по развитию общественных мест в Германии говорится о необходимости привлечения инвестиций в

общественные пространства со стороны частного сектора в различных формах, что является частью обязательного городского маркетинга [3, 9]. В основе развития открытых общественных территорий должна лежать модель государственно-частного сотрудничества и совместного управления ими. Оно может проявляться в более разнообразном использовании этих пространств, а именно площадей на открытом воздухе для торговли и рекламных мероприятий, спортивных турниров, культурных событий и т.д.

Как показывает практика обновления общественных пространств европейских городов, частный сектор заинтересован в участии в их реконструкции в том случае, когда проект включает в себя строительство новых сооружений жилого или торгового назначения, а не просто благоустройство общественных территорий [3, 10].

Некоторые европейские ученые отмечают и отрицательные моменты участия частного сектора, а именно: дифференциацию качества городского пространства с точки зрения инвестиций и ограничение доступности общественных мест для широкого круга потребителей [3, 10].

Одной из важных проблем для России следует считать приватизацию объектов культурного наследия и разработку регламентов их использования, поскольку в исторически сложившейся застройке архитектурное окружение имеет решающее значение для дизайна открытых пространств и видов использования прилегающих территорий. Решение архитектурно-пространственной связи между зданиями и общественным пространством можно рассмотреть на примере О'Коннелл-стрит – главной улицы столицы Ирландии. Первоначально созданная в XVIII веке как жилая, в конце XX века она оказывается в центре внимания СМИ как пространство, пребывающее в физическом и социальном упадке в самом центре города. Регенерация О'Коннелл-стрит была направлена местными властями на преобразование потребительской культуры на улице и создание коммерческого центра города. Ее стратегия предусматривала привлечение частного сектора и получение дополнительных инвестиций для развития общественного пространства за счет повышения уровня дизайна улицы и окружающей среды. В результате реконструкции исторического пространства О'Коннелл-стрит при сотрудничестве местных органов власти и частного сектора был создан новый символ города, способствующий укреплению его идентичности и привлечению дополнительного дохода [11].

Повышение имиджа города

В ответ на масштабные процессы глобализации возникает конкуренция европейских городов. Вследствие этого наблюдается растущий интерес инвесторов и властей к созданию индивидуального образа города, зависящего от привлекательности и качества общественных пространств. Открытые территории рассматриваются как визитная карточка города и являются важным элементом идентификации.

Во многих европейских городах разрабатываются целевые программы повышения качества общественных территорий, а также их востребованности для существующих и потенциальных пользователей в качестве «живого» центра торговли, услуг, жилья, культуры и досуга. Немецкие ученые доказывают, что качество и специфический характер общественных территорий способствуют привязанности жителей к их городу или району. В будущем открытые общественные пространства будут рассматриваться в значении «бренда» для города, использоваться в качестве маркетингового инструмента и для повышения конкурентоспособности города в широком смысле [3, 8].

Индивидуальное и общественное самовыражение граждан

Происходящие в обществе социальные изменения также имеют большое значение для развития общественных пространств, поскольку они являются зеркалом и сценой для протекающих социальных, политических и экономических процессов и приводят, в свою очередь, к возникновению новых требований к открытым общественным зонам [3]. Все более активно наблюдается тенденция индивидуального и коллективного самовыражения населения, и все чаще общественное пространство становится местом для самореализации. С.Вард Томпсон (1996) сравнивает эти пространства с «салатницей», где различные культуры могут найти индивидуальное выражение, а также поднимает вопрос о том, как адаптировать исторически сложившиеся городские территории XIX–XX века к новым потребностям XXI века [12].

В рамках проекта «Открытые пространства» (2000) для Штутгарта была организована творческая группа, в которой молодые креативные участники в области архитектуры, городского и ландшафтного планирования, изобразительного и театрального искусства объединились для разработки предложений по оживлению заброшенных общественных пространств. Они определили функцию этих пространств в качестве основы для деятельности на общественных территориях, а не просто охарактеризовали их архитектурной формой [6].

В последнее время в общественные пространства интегрируется *смешанное использование*, что является предпосылкой для разнообразной социальной жизни в этих местах. По словам Т.Сивертса (1996), центральные общественные пространства все чаще приравниваются к торговым центрам. Традиционные торговые площади в центральной части города получили конкурентов и все чаще используются для праздников и других мероприятий. Такое явление в зарубежной литературе рассматривается как потеря функции общественных пространств, когда общественные территории более ранних времен лишились своих первоначальных функций [3]. Появляются новые виды использования открытых городских территорий, где

в прошлом протекала церковная и политическая жизнь. Фестивали, концерты и мероприятия всех видов порой собирают аудиторию в местах, которые для этого не предназначены. Новые пользователи появляются в необычных пространствах, например, открытая наземная парковка превращается в площадь для тренировок катания на роликах, а перила городских лестниц и скамьи на улицах становятся излюбленными местами неформальных встреч скейтеров и прочих представителей различных субкультур. Общественные пространства меняют свое значение – их оболочка остается прежней, а содержание изменяется.

Немецкие ученые говорят о необходимости поиска баланс между мероприятиями и жителями и заранее работать над предупреждением конфликта [3]. Дж.Королиза (2000) затрагивает экологический аспект этой тенденции. Он подчеркивает, что следует развивать симбиотическое отношение между биологической сложностью ландшафта и социально-функциональной потребностью человека, так как людям необходим контакт с природой там, где можно стать частью ее естественных процессов [12].

Заключение

Рассмотрев основные тенденции изменения общественных пространств, следует отметить, что они приобретают все более важное значение в развитии городов и все чаще играют главную роль в инициации процессов создания городской идентичности. При этом любые физические проявления материально-предметной среды открытых общественных пространств следует соотносить с культурным наследием. Открытые городские территории выступают в качестве объединяющего социального пространства для все более разных интересов общества. В сложившихся рыночных отношениях государству необходимо взаимодействовать с частными организациями и инновационными технологиями при развитии общественных пространств и управлении ими.

Литература

1. Птичникова А.Г. Архитектурное пространство в эпоху глобализации // Социология города. 2008. №1. С.40–53.
2. Птичникова Г.А., Антюфеев А.В. Дихотомия «глобальное – локальное» и ее роль в структурировании архитектурного пространства современного города // Социология города. 2015. №1. С. 5–19.
3. Berding U., Renner M., Wiegandt C. Städte als Standortfaktor: Öffentlicher Raum. Forschungsvorhaben im Rahmen des Forschungsprogramms Experimenteller Wohnungs- und Städtebau. Praxis Nr. 2/2003. Bonn: Bundesamt für Bauwesen und Raumordnung, 2003. ISSN 1436-0063.
4. Berding U., Havemann A., Pegels J., Perenthaler B. (Hg.). Stadträume in Spannungsfeldern: Plätze, Parks und Promenaden im Schnittbereich öffentlicher und privater Aktivitäten. Detmold: Rohn, 2010.

5. Fock A. Der öffentliche Raum aus Sicht der Wirtschaft // Planerin. September 2000. №3. P. 21.

6. Offene Räume: [erscheint anlässlich der Ausstellung "Offene Räume / Open spaces" vom 6.-28. Mai 2000 in Stuttgart] / hrsg. von Jochem Schneider ... im Auftr. der KulturRegion Stuttgart/ 2000/ Edition Axel Menges. Stuttgart/London, 2000. ISBN 3-930698-99-4.

7. Public space and the challenges of urban transformation in Europe / Edited by Ali Madanipour, Sabine Knierbein and Aglaée Degros, New York and London, Routledge, 2014, 217 p.

8. Reicher C., Kemme T. Der öffentliche raum / Jovis Verlag GmbH, Berlin, 2009. 281p. ISBN 978-3-86859-019-7.

9. Thomas Hermann R., Müller M., Rehse A. PD-Fraktion im Rat der Landeshauptstadt Hannover. Auf die Plätze – fertig – los! Eine erfolgreiche Initiative: Fünf Jahre hannoversches Stadtplatzprogramm. Druckhaus Pinkvoss. Hannover, 2005. 36 p.

10. Van Melik R., Lawton P. The Role of Public Space in Urban Renewal Strategies in Rotterdam and Dublin // Planning Practice and Research. 2011. №26 (5). P. 513–530

11. Van Melik, R., Van Aalst I., Van Weesep J. The private sector and public space in Dutch city centres // Cities. 2009. № 26(4). P. 202–209.

12. Ward Thompson C., 2002. Urban open space in the 21st century // Landscape and Urban Planning. 2002. №60. P. 59–72.

Literatura

1. Ptichnikova A.G. Arhitekturnoe prostranstvo v epohu globalizatsii // Sotsiologiya goroda. 2008. №1. S. 40–53.

2. Ptichnikova G.A., Antyufeyev A.V. Dihotomiya «globalnoe – lokalnoe» i ee rol v strukturirovanii arhitekturnogo prostranstva sovremennogo goroda // Sotsiologiya goroda. 2015. №1. S. 5–19.

To the Question of the Few Tendencies of the Urban Public Spaces Changes at the End of XX – Beginning of XXI Centuries. By Ya.V.Chuj

The article considers tendencies of the urban public spaces changes in terms of political, economic and cultural transformations of the modern city.

Ключевые слова: открытые общественные пространства, тенденции, градостроительство, трансформация городских пространств.

Key words: open public spaces, tendencies, urban planning, urban territories transformation.

О возможности управления температурным полем в объеме вещества при его термической обработке воздействием электрического поля

С.В.Федосов, Н.В.Красносельских, А.Н.Кузнецов, А.М.Соколов

Во многих отраслях народного хозяйства при изготовлении различных изделий выполняется их термическая обработка. Одним из наиболее ярких и показательных примеров массового применения такого технологического приема является тепловая обработка различных железобетонных изделий, которая позволяет значительно повысить производительность и технико-экономические показатели производственного процесса [1].

Весьма перспективным способом термического воздействия на материалы является электротермическая обработка электродным методом. В этом случае разогрев происходит под действием электрического поля, возникающего в объеме материала вследствие наложения электродов на поверхность обрабатываемого изделия, к которым прикладывается электрическое напряжение [2]. Под действием этого поля в объеме вещества протекают электрические токи, которые обеспечивают преобразование электрической энергии в тепловую благодаря, прежде всего, наличию активной электрической проводимости материала [2]. Преимущество такой обработки – высокий КПД использования электрической энергии, который при определенных условиях приближается к 100% [3]. Дополнительные и значительные преимущества обеспечиваются воздействием на материал электрических полей повышенной частоты (10–20 кГц) с помощью источников питания, выполненных на основе полупроводниковых преобразователей напряжения, имеющих высокие потребительские свойства [3, 4].

Процесс преобразования электрической энергии в тепловую в каждой точке объема вещества с координатами x, y, z характеризуется объемной плотностью мощности тепловыделения, Вт/м³ [5, 6]:

$$q_{VT}(x, y, z) = q_{VT} = E^2 \cdot \gamma, \tag{1}$$

где E – напряженность электрического поля в этой точке, В/м; γ – удельная электрическая проводимость, 1/Ом·м.

Значение γ может зависеть от достаточно большого количества факторов. Например, на такой материал, как конструкционный бетон, кроме его состава сильное влияние оказывают температура и время [7]. Значение E зависит от величины приложенного к электродам напряжения и формы электрического поля в объеме вещества, то есть координат (x, y, z) рассматриваемой точки. Форма электрического поля для заданного изделия определяется, в свою очередь, размерами, расположением и формой электродов на его поверхности. Это означает, что при электротермической обработке

материалов электродным методом существует возможность управления величиной q_{VT} в достаточно широких пределах.

Важнейшей характеристикой термического воздействия на материалы является распределение температуры в объеме вещества $T(x, y, z, t)$ в произвольный момент времени t , знание которого позволяет сделать выводы о результатах такого воздействия [8]. Например, эти сведения позволяют оценивать динамику химических реакций гидратации минералогических составляющих цемента и роста во времени важнейшего показателя бетона – предела его прочности на сжатие [9]. Температурное поле в объеме материала при электротермической обработке и при отсутствии массопереноса, которым в большинстве случаев можно пренебречь, описывается дифференциальным уравнением [8, 10]:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = a \cdot \nabla^2 T + \frac{q_{VT}}{c \cdot \rho}, \tag{2}$$

где T – температура, К; t – время, с; ∇^2 – оператор Лапласа; $a = \lambda / (c \cdot \rho)$ – коэффициент температуропроводности, м²/с; λ – коэффициент теплопроводности материала, Вт/(м·К); c – удельная теплоемкость материала, Дж/(кг·К); ρ – плотность материала, кг/м³.

Кроме температуры в различных точках изделия не меньшее значение имеют сведения о величине градиентов температуры $gradT(x, y, z, t)$, так как их наличие вызывает появление в материале внутренних напряжений, которые могут привести к повреждению обрабатываемого изделия [11]. Поскольку одним из параметров уравнения (2) является значение q_{VT} , можно предположить, что существует возможность управлять температурным полем в объеме материала с помощью этого параметра.

Для анализа условий и возможностей такого управления удобно воспользоваться одномерной (вдоль оси x) схемой теплопереноса (рис.1) [8].

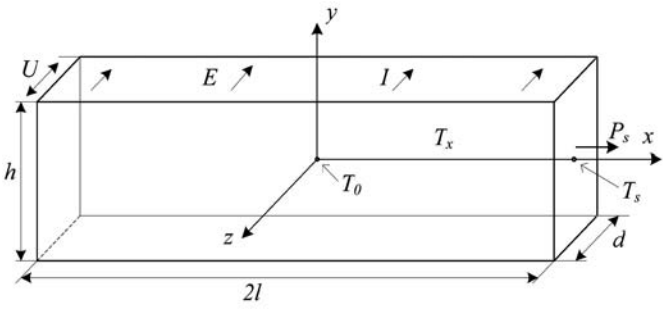

Рис. 1. Схема расчета температурного поля

Тело, представленное на рис. 1, может быть как реальным объектом, так и мысленно вырезанной из него частью.

В этом случае уравнение (2) приобретает вид:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = a \cdot \frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{q_{VT}(x)}{c \cdot \rho} \quad (3)$$

Очевидно, что для начальной точки системы координат, расположенной в центре объекта (рис. 1), справедливо следующее условие [8]:

$$\frac{\partial T}{\partial x} = 0; \frac{\partial T}{\partial y} = 0; \frac{\partial T}{\partial z} = 0 \quad (4)$$

В процессе электротермической обработки материал вначале разогревается, как правило, с постоянной скоростью [8]:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = g_{нагр} \quad (5)$$

затем выдерживается определенное время при постоянной температуре:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = g_{нагр} = 0 \quad (6)$$

Управление величиной $q_{VT}(x)$ предполагает задание определенного закона изменения этого параметра вдоль оси x . С целью упрощения решения уравнения (3) следует предположить линейный характер изменения этого параметра, так как с помощью кусочно-линейной аппроксимации можно с достаточной точностью представить любой закон его изменения:

$$q_{VT}(x) = q_0 \left(1 + \beta \frac{x}{\ell} \right), \quad (7)$$

где q_0 – значение объемной плотности мощности тепловыделения в начальной точке системы координат, то есть в центре объекта (рис. 1); $0 \leq x \leq \ell$; β – безразмерный коэффициент, например, $\beta = -1$ означает, что на границе объекта (рис. 1) объемная плотность мощности снижается до $q_{VT}(x=\ell)=0$, а при $\beta = 0$ имеет место однородное распределение тепловыделения вдоль оси x : $q_{VT}(x)=q_0=const$.

С учетом (5) и (7) уравнение (3) приобретает вид:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = g_{нагр} = a \cdot \frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{q_{VT}(x)}{c \cdot \rho} = a \cdot \frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{q_0}{c \cdot \rho} \left(1 + \beta \frac{x}{\ell} \right). \quad (8)$$

Для предварительных оценок возможностей управления температурными полями в материале при его электротермической обработке целесообразно рассмотреть стационарный режим $\partial T/\partial t = g_{нагр} = 0$ как наиболее простой случай. В результате решения уравнения (8) с учетом (6) получены следующие выражения для определения в любой точке оси x значения температуры:

$$T_x = T_0 - \frac{q_0}{\lambda} \left(\frac{x^2}{2} + \beta \frac{x^3}{6\ell} \right) \quad (9)$$

и градиента температуры:

$$gradT_x = \left(\frac{\partial T}{\partial x} \right)_x = -\frac{q_0}{\lambda} \left(x + \beta \frac{x^2}{2\ell} \right). \quad (10)$$

С использованием формул (9) и (10) были получены расчетные зависимости, которые представлены на рис. 2 и рис. 3, применительно к электротепловой обработке железобе-

тонного изделия при $\ell = 1$ м, $\lambda = 2,6$ Вт/мК, характерном для стационарного режима (изотермическая стадия обработки) значении $q_0 = 100$ Вт/м³ [12] и при неизменном значении $T_0 = 60$ С° (рис. 1). Полученные результаты (рис. 2 и рис. 3) свидетельствуют о значительном влиянии на температурные характеристики коэффициента β , определяющего вид и степень изменения тепловыделения вдоль оси x , то есть в направлении теплового потока в объеме вещества. Наиболее сильно этот фактор влияет на величину градиента температуры (рис. 3), так как при изменении β от -2 до 1 максимальное значение градиента температуры увеличивается приблизительно в 6 раз, достигая опасных значений [11]. Полученные зависимости (рис. 2, рис. 3) позволяют сделать вывод о том, что однородное выделение тепла ($\beta = 0$) вовсе не означает получение однородного температурного поля. Более благоприятным для повышения однородности температурного поля и снижения градиентов температуры является вариант, когда имеет место уменьшение тепловыделения (7) в направлении теплового потока ($\beta < 0$), то есть вдоль оси x ($\beta < 0$).

Распространенным случаем возникновения естественного неоднородного выделения тепла в объеме материала является электротермическая обработка электродным методом изделия переменной толщины, как показано на рис. 4. В этой ситуации наблюдается постепенное изменение (увеличение) расстояния между электродами d_x от d_0 до d_{max} вдоль координаты x (рис. 4) в пределах размеров изделия ($0 \leq x \leq \ell$), которое, как правило, можно описать линейным уравнением:

$$d_x = d_0 \left(1 + \alpha \frac{x}{\ell} \right), \quad (11)$$

где $\alpha = \frac{d_m}{d_0} - 1$ безразмерный коэффициент.

Тогда изменение напряженности электрического поля в объеме материала можно описать следующим соотношением:

$$E_x = \frac{U}{d_x} = \frac{U}{d_0 \left(1 + \alpha \frac{x}{\ell} \right)}. \quad (12)$$

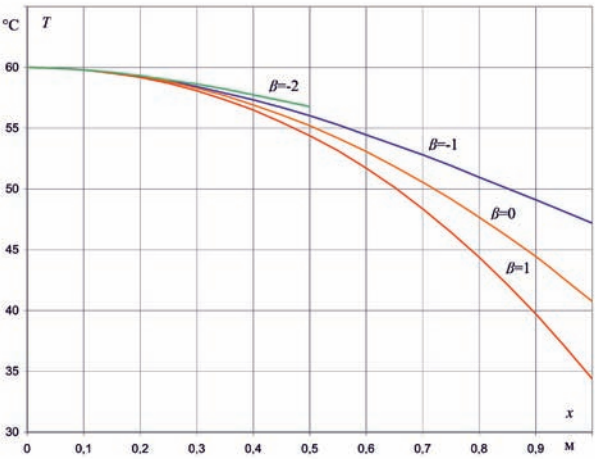

Рис. 2. Распределение температуры по оси x

Подставляя (12) в (1) получаем выражение, описывающее изменение объемной плотности мощности тепловыделения вдоль оси x :

$$q_{VT}(x) = \frac{U^2 \gamma}{d_0^2 \left(1 + \alpha \frac{x}{\ell}\right)^2} = q_0 \frac{1}{\left(1 + \alpha \frac{x}{\ell}\right)^2}, \quad (13)$$

где $q_0 = \frac{U^2 \gamma}{d_0^2} = E_0^2 \gamma, E_0 = \frac{U}{d_0}.$

Полученная формула (13) позволяет сделать вывод, что в этом случае наблюдается уменьшение объемной плотности мощности по нелинейному закону. После подстановки (13) в уравнение (3) получаем:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = a \cdot \frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{q_0}{c \rho \left(1 + \alpha \frac{x}{\ell}\right)^2}. \quad (14)$$

Для стационарного режима ($\frac{\partial T}{\partial t} = 0$) уравнение приобретает вид:

$$\frac{\partial^2 T}{\partial x^2} = T^* = - \frac{q_0}{\lambda \left(1 + \alpha \frac{x}{\ell}\right)^2}. \quad (15)$$

Решение этого уравнения, как и в предыдущем случае (8), выполняется посредством интегрирования с учетом условия $\partial T / \partial x = 0$ при $x = 0$:

$$\int_0^x d\left(\frac{\partial T}{\partial x}\right) = - \frac{q_0}{\lambda} \int_0^x \frac{dx}{\left(1 + \alpha \frac{x}{\ell}\right)^2}, \quad (16)$$

в результате чего получено следующее соотношение для определения изменения градиента температуры вдоль оси x :

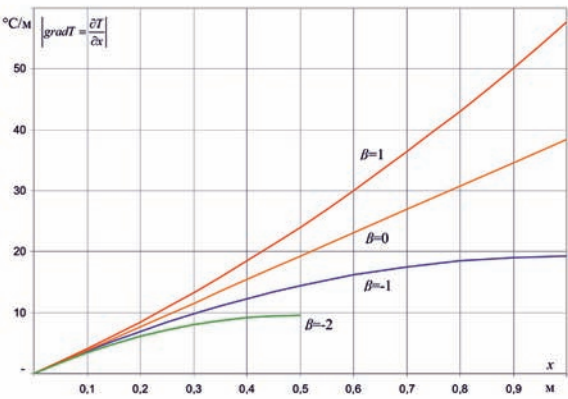

Рис. 3. Распределение градиента температуры по оси x

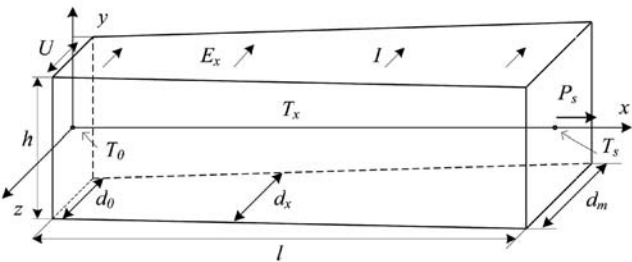

Рис. 4. Схема электротепловой обработки изделия переменной толщины

$$\frac{\partial T}{\partial x} = T^* = - \frac{q_0 \ell}{\lambda \alpha} \left(1 - \frac{1}{1 + \alpha \frac{x}{\ell}}\right). \quad (17)$$

В ходе дальнейшего интегрирования

$$\int_{T_0}^{T_x} \left(\frac{\partial T}{\partial x}\right) dx = - \frac{q_0 \ell}{\lambda \alpha} \int_0^x \left(1 - \frac{1}{1 + \alpha \frac{x}{\ell}}\right) dx \quad (18)$$

получена формула для определения изменения температуры вдоль этой оси:

$$T_x = T_0 - \frac{q_0 \ell}{\lambda \alpha} \left(x - \frac{\ell}{\alpha} \ln \left|1 + \alpha \frac{x}{\ell}\right|\right). \quad (19)$$

Результаты расчетов с использованием формул (17) и (19) для $d_0 = 10$ см, $d_m = 12$ см, $l = 1$ м представлены также на рис. 2 и рис. 3 (пунктирные линии). Они позволяют сделать вывод, что в этом случае (рис. 4) обеспечивается более однородное температурное поле, чем при однородном выделении тепла (рис. 1, $\beta = 0$).

Выводы

1. Получение абсолютно однородного температурного поля в объеме материала при его электротермической обработке электродным методом является труднодостижимой целью, а правильной и реальной постановкой задачи следует считать получение такой неоднородности, при которой температурные градиенты не превышают допустимых значений [11].

2. Вопреки распространенному мнению, однородное выделение тепла в объеме материала является далеко не самым лучшим вариантом электротермической обработки, и значительно более однородное температурное поле в стационарном режиме достигается в том случае, если имеет место снижение объемной плотности мощности в направлении распространения теплового потока.

3. Задача по определению требуемого закона изменения объемной плотности мощности с целью достижения требуемой неоднородности температурного поля не имеет простого решения даже в рассмотренных в статье идеализированных условиях, и должна, по-видимому, решаться с привлечением современных математических оптимизационных методов.

4. Требуется дальнейшее развитие теории температурных полей в объеме материала при электротермической обработке с учетом различных реальных факторов: нестационарного режима на стадиях разогрева и охлаждения, наличия различных граничных условий, распространения теплового потока в двух- и трехмерном пространстве, учета изменения электрической проводимости бетона в зависимости от температуры и времени.

Литература

1. Баженов Ю.М. Технология бетона. М.: АСВ. 2003. 500 с.
2. Руководство по прогреву бетона в монолитных конструкциях // Под ред. Крылова Б.А., Амбарцумяна С.А., Звездова А.И. М.: НИИЖБ. 2005. 276 с.
3. Федосов С.В., Бобылев В.И., Соколов А.М. Исследование параметров установок для электротепловой обработки железобетонных изделий // Бетон и железобетон. 2011. № 2. С. 26–29.

4. Федосов С.В., Крылов Б.А., Бобылев В.И., Пыжиков А.Г., Красносельских Н.В., Соколов А.М. Применение электротепловой обработки железобетонных изделий на полигонных установках // Строительные материалы. 2013. №11. С. 35–39.

5. Федосов С.В., Красносельских Н.В., Коровин Е.В., Соколов А.М. Электротепловая обработка железобетонных изделий токами повышенной частоты в условиях малых предприятий // Строительные материалы. 2014. №5. С. 8–14.

6. Федосов С.В., Бобылев В.И., Митькин Ю.А., Закинчак Г.Н., Соколов А.М. Электротепловая обработка бетона токами различной частоты // Строительные материалы. 2010. №6. С. 2–7.

7. Федосов С.В., Бобылев В.И., Соколов А.М. Математическое моделирование температурно-временных зависимостей удельной проводимости бетонных смесей // Строительные материалы. 2009. №9. С. 84–85.

8. Федосов С.В. Тепломассоперенос в технологических процессах строительной индустрии: монография. Иваново: ИПК «ПрессСто». 2010. 364 с.

9. Федосов С.В., Бобылев В.И., Ибрагимов А.М., Козлова В.К., Соколов А.М., Сокольский А.И. Математическое моделирование процесса набора прочности бетоном при электротепловой обработке // Строительные материалы. 2012. №4. С. 36–41.

10. Федосов С.В., Соколов А.М. Методология исследования процессов теплопереноса и показателей электротепловой обработки железобетонных изделий токами повышенной частоты // Academia. Архитектура и строительство. 2012. №2. С. 117–123.

11. Федосов С.В., Бобылев В.И., Ибрагимов А.М., Соколов А.М. Методика расчёта предельных температурных градиентов в железобетонных изделиях в процессе электротепловой обработки // Строительные материалы. 2011. №3. С. 44–46.

12. Федосов С.В., Бобылев В.И., Соколов А.М. Методика расчёта параметров электротепловой обработки бетонных смесей и железобетонных изделий на установках периодического действия // Известия вузов. Строительство. 2010. №5. С. 104–113.

Literatura

1. Bazhenov Yu.M. Tehnologiya betona. M.: ASV. 2003. 500 s.

2. Rukovodstvo po progressu betona v monolitnykh konstruktsiyah // Pod red. B.A. Krylova, S.A. Ambartsumyana, A.I. Zvezdova. M.: NIIZhB. 2005. 276 s.

3. Fedosov S.V., Bobilyov V.I., Sokolov A.M. Issledovanie parametrov ustanovok dlya elektroteplovoy obrabotki zhelezobetonnykh izdelij // Beton i zhelezobeton. 2011. №2. С. 26–29.

4. Fedosov S.V., Krylov B.A., Bobilyov V.I., Pyzhikov A.G., Krasnoselskiy N.V., Sokolov A.M. Primenenie elektroteplovoy obrabotki zhelezobetonnykh izdelij na poligonnykh ustanovkakh // Stroitelnye materialy. 2013. №11. С. 35–39.

5. Fedosov S.V., Krasnoselskiy N.V., Korovin E.V., Sokolov A.M. Elektroteplovaya obrabotka zhelezobetonnykh izdelij tokami povyshennoy chastoty v usloviyakh malyykh predpriyatij // Stroitelnye materialy. 2014. №5. С. 8–14.

6. Fedosov S.V., Bobilyov V.I., Mitkin Yu.A., Zakinchak G.N., Sokolov A.M. Elektroteplovaya obrabotka betona tokami

razlichnoy chastoty // Stroitelnye materialy. 2010. №6. С. 2–7.

7. Fedosov S.V., Bobilyov V.I., Sokolov A.M. Matematicheskoe modelirovanie temperaturno-vremennykh zavisimostey udelnoy provodimosti betonnykh smesey // Stroitelnye materialy. 2009. №9. С. 84–85.

8. Fedosov S.V. Teplomassoperenos v tehnologicheskikh protsessakh stroitelnoy industrii: monografiya. Ivanovo: IPK «PressSto». 2010. 364 s.

9. Fedosov S.V., Bobilyov V.I., Ibragimov A.M., Kozlova V.K., Sokolov A.M., Sokolskiy A.I. Matematicheskoe modelirovanie protsessov nabora prochnosti betonom pri elektroteplovoy obrabotke // Stroitelnye materialy. 2012. №4. С. 36–41.

10. Fedosov S.V., Sokolov A.M. Metodologiya issledovaniya protsessov teploperenosa i pokazatelej elektroteplovoy obrabotki zhelezobetonnykh izdelij tokami povyshennoy chastoty. Academia. Arhitektura i stroitelstvo. 2012. №2. С. 117–123.

11. Fedosov S.V., Bobilyov V.I., Ibragimov A.M., Sokolov A.M. Metodika raschyota predelnykh temperaturnykh gradientov v zhelezobetonnykh izdeliyah v protsesse elektroteplovoy obrabotki // Stroitelnye materialy. 2011. №3. С. 44–46.

12. Fedosov S.V., Bobilyov V.I., Sokolov A.M. Metodika rascheta parametrov elektroteplovoy obrabotki betonnykh smesey i zhelezobetonnykh izdelij na ustanovkakh periodicheskogo dejstviya // Izvestiya vuzov. «Stroitelstvo». 2010. №5. С. 104–113.

On the Possibility of Temperature Field Control in the Volume of Substance under Electric Field Heat Treatment. By S.V.Fedosov, N.V.Krasnoselskiy, A.N.Kuznetsov, A.M.Sokolov

Results of the solution of the differential equation of heat transfer in the presence are given in material (concrete) of a volume source of heat caused by course of electric current for a case of a one-dimensional temperature field and various versions of the law of change of power of such source. It is shown that it is almost impossible to receive absolutely uniform temperature field in volume of material even at its electro thermal treatment by an electrode method. The correct and real problem definition should be considered obtaining such heterogeneity at which temperature gradients don't exceed limited values. Uniform allocation of heat in volume of material is not the best option of electro heat treatment, and much more uniform temperature field in the stationary mode is reached in case decrease in volume density of power in the direction of distribution of a thermal stream takes place. Possibility and expediency control the temperature field in volume of a product at its electro thermal treatment are confirmed with an electrode method by means of electric field.

Ключевые слова: тепловая и электротепловая обработка, бетон, железобетон, тепломассоперенос, температурное поле, температурный градиент, электрическое поле.

Key words: thermal and electro thermal treatment, concrete, reinforced concrete, heat mass transfer, temperature field, temperature gradient, electric field.

Лавинное разрушение сжатых стержней
И.Д.Грудев

Образование лавинного или прогрессирующего разрушения может произойти на нижних этажах высотных зданий во время землетрясения или по причине перегрузки из-за ошибки при проектировании. В любом случае расчет на такое разрушение должен быть выполнен заранее на стадии проектирования. Расчет на устойчивость высотных зданий был исследован во многих работах и в частности в работе [1]. Критерий возникновения лавинного разрушения для растянутых стержней (канатов) был предложен в предыдущей работе автора [2], однако для сжатых стержней, как будет показано ниже, такой критерий имеет совершенно иной вид.

В качестве примера рассмотрен нижний этаж высотного здания с металлическим каркасом из $n=25$ колонн, высота этажа принята $H=3,5$ м, сечение колонн принято двутавровым 40К5

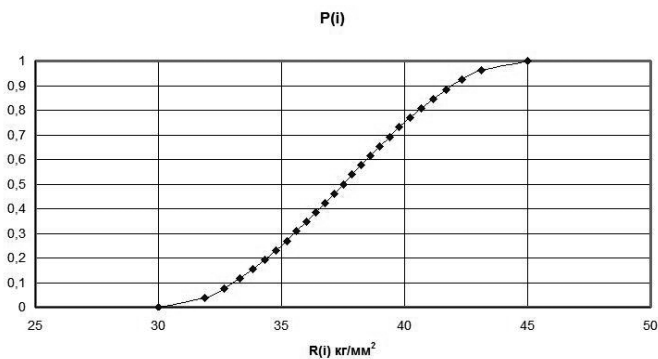

Рис. 1. Аппроксимация вероятностного распределения предела текучести

из стали марки С345 с расчетным сопротивлением 30кг/мм^2 . В качестве разбега предела текучести принят коэффициент 1,5. Таким образом, значение расчетного сопротивления, которому соответствует вероятность $P=0$ ($i=0$) принято $R_{\min}=R_0=30\text{кг/мм}^2$, а максимальное значение предела текучести принято $R_{\max}=45\text{кг/мм}^2$, вероятность которого равна $P=1$ ($i=26$). Ниже для описания пластических свойств материала принята идеально пластическая диаграмма Прандтля.

Учитывая ограниченность вероятностного распределения, в качестве аппроксимирующей функции так же, как в работе [1], принята полуволна синусоиды (рис. 1)

$$R(i) = R_{cp} + \frac{2}{\pi} (R_{cp} - R_0) \text{ArcSin} \left(\frac{2i}{n} - 1 \right) \quad (n = 26, 0 \leq i \leq n) \quad (1)$$

со средним значением $R_{cp} = (R_0 + R_{\max})/2 = 37,5 \text{ кг/мм}^2$ при вероятности $P = 0.5$.

Номера колонн i , вероятности пределов текучести $P(i)$, расчетные сопротивления $R(i)$, а также деформации текучести или, что тоже самое, безразмерные горизонтальные перемещения правого конца по схеме рис. 3, приведены в таблице 1.

Если рассмотреть кривые отпорности в безразмерном виде $\tilde{N}_x(\tilde{u}_x)$, где $\tilde{N} = \frac{NL^2}{EI}$, $\tilde{u} = \frac{u}{L}$, показанные на рис. 2 и рассчитанные в соответствии с методом книги [3] по схеме показанной на рис. 3 для значений $R_0, R_{cp}, R_{\max}$, то легко заметить, что в безразмерном виде начальные участки до максимума имеют одинаковые безразмерные модули $\tilde{E}_0 = \frac{\tilde{N}}{\tilde{u}}$,

Таблица 1

i	0	1	2	3	4	5	6	7	8
P(i)	0	0,038462	0,076923	0,115385	0,153846	0,192308	0,230769	0,269231	0,307692
Ri(i)	30	31,88499	32,68369	33,30959	33,84891	34,33501	34,78509	35,20946	35,61501
ux(i)	0,001429	0,001518	0,001556	0,001586	0,001612	0,001635	0,001656	0,001677	0,001696
	9	10	11	12	13	14	15	16	17
	0,346154	0,384615	0,423077	0,461538	0,5	0,538462	0,576923	0,615385	0,653846
	36,00665	36,38814	36,76251	37,13236	37,5	37,86764	38,23749	38,61186	38,99335
	0,001715	0,001733	0,001751	0,001768	0,001786	0,001803	0,001821	0,001839	0,001857
	18	19	20	21	22	23	24	25	26
	0,692308	0,730769	0,769231	0,807692	0,846154	0,884615	0,923077	0,961538	1
	39,38499	39,79054	40,21491	40,66499	41,15109	41,69041	42,31631	43,11501	45
	0,001875	0,001895	0,001915	0,001936	0,00196	0,001985	0,002015	0,002053	0,002143

а в закритической области, после достижения критического состояния, кривые также можно аппроксимировать прямыми с отрицательными наклонами, характеризующимися безразмерными отрицательными модулями $\tilde{E}_1$, зависящими от расчетного сопротивления колонны, то есть от номера i .

Именно наличие участков с отрицательными наклонами в закритической области затрудняет и расчеты, и само возникновение лавинного разрушения.

Для описания процесса деформирования вначале полезно рассмотреть безразмерные модули на стадии роста усилий и в закритической области. В первом приближении эти модули определяются следующими формулами:

$$\tilde{E}_0 = \frac{\tilde{N}_{cr}}{\tilde{u}_{cr}} \tag{2}$$

$$\tilde{E}_1(i) = \frac{\tilde{N}_{cr} - \tilde{N}_m(i)}{\tilde{u}_{cr} - \tilde{u}_m(i)} \quad (i = 1 \div n) \tag{3}$$

Неточность формул (2) и (3) связана с тем, что вершины кривых отпорности рис. 2 имеют плавное скругление, показанное на рис. 4 для R_{max} . Для определения модуля $\tilde{E}_0$ целесообразно выбрать точку вне закругления и получить практически точное значение $\tilde{E}_0 = \frac{\tilde{N}}{\tilde{u}} = 1183$ для всех колонн (любое i). При определении модуля $\tilde{E}_1$ проще всего использовать формулу (3), отступив от максимального значения на десять шагов деформирования в большую сторону для всех i . Для расчет-

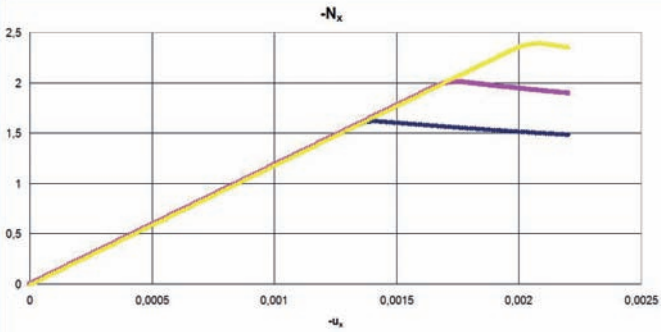

Рис. 2. Кривые отпорности для значений R_0, R_{cp} и R_{max}

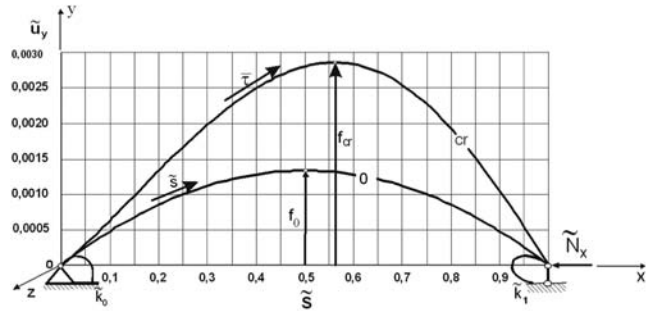

Рис. 3. Начальная погибь и критический прогиб, $\kappa_0=1000$ (заделка), $\kappa_1=0$ (шарнир), где индекс "cr" показывает, что величина относится к максимальным точкам на кривых отпорности рис. 2, а индекс "m" стоит у величин с максимальными значениями перемещений $\tilde{u}_m = 0,0022$. Шаг деформирования при вычислениях был принят следующим $\Delta \tilde{u} = -1 \cdot 10^{-5}$.

ных сопротивлений R_0, R_{cp}, R_{max} вычисленные таким образом модули $\tilde{E}_1$ имеют следующие значения $-191,8; -270,9; -384,5$, которые оказались значительно меньше по абсолютной величине модуля $\tilde{E}_0$.

В качестве аргумента процесса нагружения целесообразно использовать деформации u_x , а не нагрузки, так как последние проходят через максимум. При этом приходится решать обратную задачу, определяя нагрузки в зависимости от деформаций. Учитывая, что вначале все колонны имеют одинаковые модули упругости, в начале нагружения в них возникают одинаковые усилия и можно подсчитать суммарную нагрузку $N_n = N_i n$, где $n=25$ – число колонн в сооружении. Однако в качестве критериальной функции удобнее использовать среднее усилие N_c или среднее напряжение σ_c в колоннах в размерном или в безразмерном виде.

После того, как слабейшая колонна потеряет устойчивость, а деформации продолжат увеличиваться, во всех не потерявших устойчивость колоннах усилия будут увеличиваться, в то время как в колоннах, потерявших устойчивость, усилия будут уменьшаться, так что суммарное усилие, а следовательно и среднее усилие N_c , может как расти, так и уменьшаться. С увеличением числа колонн, потерявших устойчивость, и уменьшением числа колонн, не потерявших устойчивость, суммарное усилие будет расти медленнее, а суммарное усилие в потерявших устойчивость колоннах будет уменьшаться быстрее, и наступит такой момент, когда рост суммарного усилия в колоннах, не потерявших устойчивость, сравняется с суммарным уменьшением усилий в колоннах потерявших устойчивость. Дальнейший рост деформаций уже не будет нуждаться в увеличении внешних нагрузок, начнется лавинное разрушение всей конструкции. Поэтому в качестве критерия начала лавинного разрушения следует принять условие достижения величиной N_c максимального значения:

$$\frac{dN_c}{du_x} = 0. \tag{4}$$

В общем случае отрицательные модули закритического уменьшения усилий ограничены двумя крайними значениями: $\tilde{E}_1 = -\infty$ и $\tilde{E}_1 = 0$, для которых средние напряжения по всем колоннам определяются двумя простыми формулами:

$$N_c(i) = R(i) \left(1 - \frac{i}{n+1} \right) \quad (i = 0 \div n) \quad \text{для } \tilde{E}_1 = -\infty \tag{5}$$

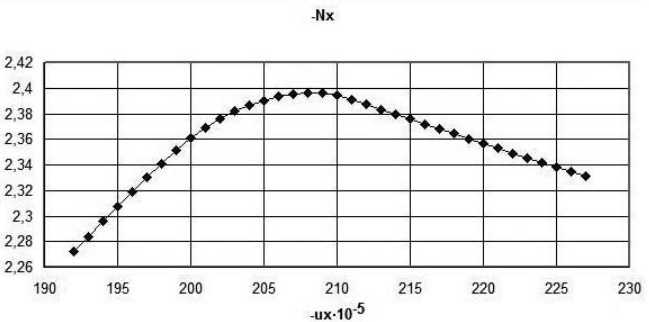

Рис. 4. Вершина кривой отпорности для R_{max}

$$N_c(j) = \left(R(j)(n-j) + \sum_{i=0}^j R(i) \right) / (n+1) \quad (j = 0 \div n) \text{ для } \tilde{E}_1=0. \quad (6)$$

Первый случай можно назвать «хрупким» разрушением колонн, так как после потери устойчивости колонна перестает нести какую-либо нагрузку. Второй случай скорее близок к «идеально пластическому типу», так как колонна после потери устойчивости продолжает деформироваться, неся критическую нагрузку.

Зависимость $N_c(u_x(i))$ для хрупкого разрушения показана на рис. 5, откуда видно, что лавинное разрушение начинается после потери устойчивости самой слабой ($i=1$) из 25 колонн.

Аналогичная зависимость для разрушения идеально пластического типа показана на рис. 6, из которого видно, что лавинного разрушения не происходит вовсе, и конструкция разрушается только после потери устойчивости самой прочной колонны ($i=25$).

Для расчета критерия лавинного разрушения с учетом реального закритического поведения колонн необходимо

Таблица 2 (сокращенная). Расчет кривых отпорности и среднего напряжения σ_c в колоннах

	i	1	13	25
	$R(i)$ кг/мм ²	31,88	37,5	43,12
$-u_x$	$-\sigma_c$ кг/мм ²	$-N_x$	$-N_x$	$-N_x$
0	0	0	0	0
0,0001	2,09708882	0,118413	0,118413	0,118413
0,0002	4,19408978	0,23682	0,23682	0,23682
0,0003	6,29099851	0,355223	0,355223	0,355223
0,0004	8,38781034	0,47362	0,47362	0,47362
0,0005	10,4845203	0,592011	0,592011	0,592011
0,0006	12,5811232	0,710397	0,710397	0,710397
0,0007	14,6776133	0,828775	0,828775	0,828775
0,0008	16,7739847	0,947148	0,947148	0,947148
0,0009	18,8702309	1,065513	1,065513	1,065513
0,001	20,9663452	1,18387	1,18387	1,18387
0,0011	23,0623202	1,30222	1,30222	1,30222
0,0012	25,1581481	1,420562	1,420562	1,420562
0,0013	27,2538206	1,538894	1,538894	1,538894
0,0014	29,3491031	1,656887	1,657218	1,657218
0,0015	31,382567	1,716791	1,775531	1,775531
0,0016	33,1067576	1,696348	1,893835	1,893835
0,0017	34,3279315	1,67536	1,995814	2,012127
0,0018	34,9649694	1,655352	1,998748	2,130407
0,0019	35,0658342	1,636379	1,971169	2,246565
0,002	34,8065953	1,618376	1,944789	2,300354
0,0021	34,4005101	1,601259	1,920019	2,268688
0,0022	33,9685536	1,584947	1,89675	2,234383

произвести расчет кривых отпорности для всех колонн, для чего составляется полная таблица, приведенная в сокращенном виде в настоящей статье.

Вывод всех данных в таблице производится с интервалом в десять шагов деформирования $\Delta u_x=0,0001$. Кривые отпорности приведены только для трех колонн под номерами 1, 13 и 25 в безразмерном виде: N_x с указанием расчетных сопротивлений $R(i)$ этих колонн. Величина среднего напряжения в колонне σ_c для наглядности приведена в размерном виде и определена по полному списку колонн.

По данным, приведенным в таблице, построен график кривой отпорности для среднего напряжения $i=13$, показанный на рис. 7.

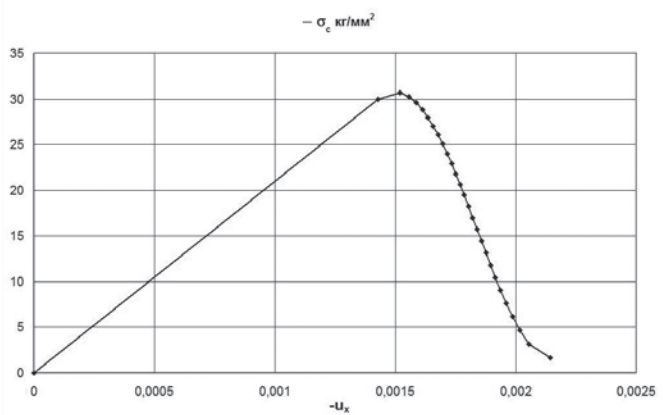

Рис. 5. Зависимость $\sigma_c(u_x(i))$ для «хрупкого» разрушения. Крайние точки на этом графике не следует принимать во внимание, так как они относятся к значениям R_0 и R_{max} имеющим вероятности $P=0$ и $P=1$

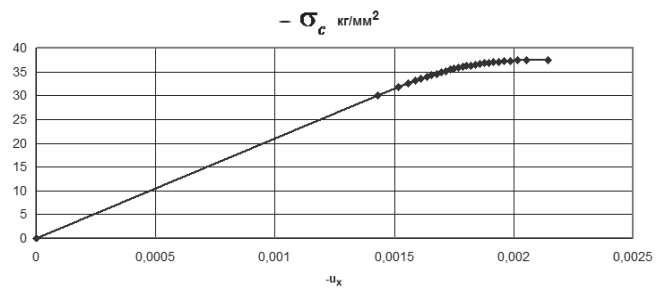

Рис. 6. Зависимость для «идеально пластического разрушения»

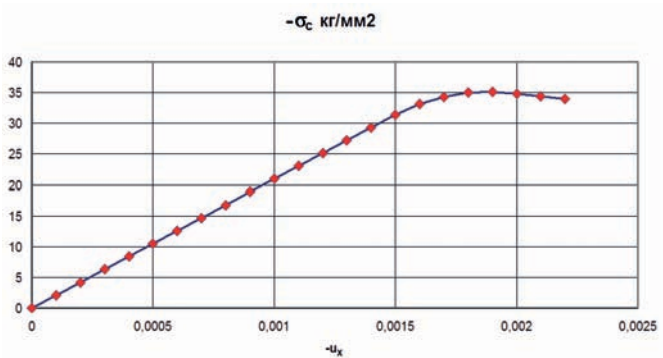

Рис. 7. Критериальная кривая отпорности

По таблице 2 можно определить значение $u_x = 0,00190$, соответствующее максимальному значению $\sigma_c = 35,06 \text{ кг/мм}^2$, а затем по таблице 1 определить номер колонны $i = 19$, с которой началось лавинное разрушение. При этом максимальное усилие в колонне $N_c = \sigma_c \cdot A = 1300,7 \text{ т}$, где $A = 371 \text{ см}^2$ – площадь поперечного сечения колонны.

Приведенный пример и сама методика расчета наступления лавинного разрушения основаны на принятых гипотезах, которые безусловно нуждаются в проверках и уточнениях. Например, гипотеза об идеальной пластичности с использованием диаграммы Прандтля может быть заменена на унифицированную диаграмму строительных сталей [4]. Проведенные расчеты по предлагаемой методике с использованием унифицированной диаграммы показали, что результаты этих двух расчетов заметно отличаются друг от друга. Так, безразмерные модули E_0 в обоих расчетах практически совпали, так как они относятся к упругому деформированию, однако безразмерные модули E_1 , относящиеся к заkritическому деформированию для кривых отпорности с расчетными сопротивлениями R_{σ} , $R_{\sigma'}$, $R_{\max}$, оказались равными: $-88,95$; $-129,4$; $-172,5$, то есть значительно меньше приведенных выше. Критериальная кривая отпорности также оказалась немного отличной от приведенной на рис. 7, и номер колонны, с которой при потере устойчивости начинается лавинное разрушение, оказался $i = 23$.

Принятая величина разбега расчетных сопротивлений также нуждается в проверке, как и характер аппроксимации статистической кривой, принятый в настоящей работе.

И, наконец, характер перераспределения усилий при потере устойчивости слабейших колонн также нуждается в уточнении. В работе этот вопрос не оговорен, и фактически делается предположение о том, что уменьшение усилий в потерявшей устойчивость колонне равномерно распределяется среди всех не потерявших устойчивость колонн.

Все эти вопросы ждут своих исследователей.

Литература

1. Грудев И.Д., Артемов А.А. Устойчивость высотных сооружений // Промышленное и гражданское строительство. 2006. №6. С. 19–20.
2. Грудев И.Д. Критерий возникновения лавинного разрушения // Academia. Архитектура и строительство. 2015. №3. С. 132–134.
3. Грудев И.Д. Несущая способность сжатых элементов стержневых конструкций: монография. М.: Изд. МИСИ–МГСУ. 2012. 386с.
4. Одесский П.Д., Бельский Г.Е. О едином подходе к использованию диаграмм работы строительных сталей // Промышленное строительство. 1980. №7. С. 4–6.

Literatura

1. Grudev I.D., Artemov A.A. Ustojchivost visotnyh sooruzhenij // Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitelstvo. 2006. №6. S. 19–20.

2. Grudev I.D. Kriterij voznyknoveniya lavinnogo razrusheniya // Academia. Arhitektura i stroitelstvo. 2015. №3. S. 132–134.

3. Grudev I.D. Nesushchaya sposobnost szhatyh elementov sterzhnevyyh konstruksij: monografia. M.: MISI–MGSU. 2012.

4. Odesskij H.D., Belskij G.Ye. O jedinom podhode k ispolzovaniyu diagramm raboty stroitelnyh stalej // Promyshlennoe stroitelstvo. 1980. №7. S. 4–6.

Avalanche Destruction of the Compressed Bars

By I.D.Grudev.

A task is considered about the of avalanche destruction of many columns on the ground floors of pitch building or in other constructions the group of identical compressed bars works in that. Avalanche destruction of all groups of elements can happen at exhausting of bearing strength of the weakest element. The criterion of beginning of avalanche destruction is got. For his calculation the series of calculations of curves of loadings are executed for all elements included in a group taking into account supercritical work. For the considered example comparison of results is conducted at different description of plastic properties became. Questions are set forth for clarification of method.

Ключевые слова: лавинное разрушение, колонна, устойчивость, модуль, скругление, критерий, гипотеза.

Key words: avalanche destruction, column, stability, module, rounded, criterion, hypothesis.

Использование сапонит-содержащих отходов в качестве компонента сухой строительной смеси для мелкозернистых бетонов с улучшенными эксплуатационными характеристиками

М.В.Морозова, А.М.Айзенштадт, М.А.Фролова, Т.А.Махова

Особое место среди строительных композиционных материалов занимают мелкозернистые бетоны, увеличение объемов, потребления которых в мире возрастает с каждым годом [1, 2]. Для строительства городов и поселков в условиях крайнего Севера и Арктики требуется использовать мелкозернистые бетоны высокого класса по прочности и морозостойкости [3, 4]. Это актуально для их эксплуатации в климатических условиях Северо-Арктического региона, где сезонный температурный перепад окружающей среды может составлять 30–50 °С. Высокопрочные бетоны необходимы для возведения архитектурных ансамблей с учетом различных стилиевых характеристик зданий, при строительстве многоуровневых дорожных развязок, автомобильных и железнодорожных мостов с увеличенной протяженностью пролетов. Кроме того, мелкозернистые бетоны широко применяются в строительной индустрии: при производстве литых и прессованных изделий; при создании строительных изделий, обладающих повышенной водонепроницаемостью и водостойкостью, высокой прочностью при изгибе; при создании эксклюзивных малых и больших архитектурных форм и пр. Поэтому понятен постоянный интерес исследователей, связанный с работами, направленными на формирование структуры композита, определяющей его эксплуатационные характеристики. Одним из перспективных направлений в этом плане является использование высокодисперсных модифицирующих добавок, позволяющих проектировать прочность и морозостойкость конечного продукта [2, 7, 8].

Одним из основных показателей, определяющих прочность, плотность (водонепроницаемость) и долговечность отвердевшего цементного камня, является водоцементное отношение (V/C), оказывающее решающее значение в формировании объема порового пространства при гидратации минералов. Известно, что большая часть пор цементного камня при оптимальном содержании воды имеет размер менее 10 нм, что объясняет его низкую водопроницаемость, поскольку в этом случае вода в порах действует как герметик. При полной гидратации химически связанная вода и вода, находящаяся в гелеобразном состоянии, составляют около 38% от массы цемента, что соответствует $V/C=0,38$ [9, 10]. Если эта величина больше, начинается образование капиллярных пор, с которыми борются при помощи химических добавок. Таким образом, увеличение V/C -отношения резко снижает прочность на сжатие цементного камня и отрицательно сказывается на показателях морозостойкости бетона [9]. Однако оптимальное V/C с точки зрения формирования структуры бетона вызывает значитель-

ные трудности при практическом использовании бетонного теста, связанные, прежде всего с его малой подвижностью. Поэтому исследования, направленные на управление процессами формирования оптимального V/C при твердении композита, при условии сохранения при этом нужной подвижности теста, на наш взгляд, являются актуальными.

В работах [11, 12] нами обосновывался выбор добавки, регулирующей водоцементное отношение, на основе высокодисперсного сапонит-содержащего отхода (ССО) обогащения кимберлитовых руд, что позволило создать опытные образцы мелкозернистого бетона с добавкой ССО ($V/C=0,7$) с высокими показателями прочности, морозостойкости и удобоукладываемости по сравнению с контрольными ($V/C=0,5$). Кроме того, необходимо отметить, что использование высокодисперсных отходов обогащения кимберлитовых руд для создания высокопрочных бетонов является новым направлением утилизации многотоннажного глинистого сапонит-содержащего отхода алмазодобывающих предприятий Архангельской области [13, 14]. После выделения ССО в виде твердой фазы из суспензии оборотной воды по методике [15] для получения модифицированной добавки образец измельчался методом механического диспергирования до размера менее 650 нм на планетарной шаровой мельнице. Для характеристики процесса водопоглощения сапонит-содержащего материала нами разработана методика экспериментального определения этого параметра [13], позволившая определить необходимую массу добавки для снижения V/C с 0,7 до 0,5 при твердении бетона. В исследованиях [17] на основании изучения тепловых эффектов реакции гидратации установлено, что ССО в высокодисперсном состоянии проявляет свойства связующего. Данный факт объясняется следующими причинами: во-первых, при механоактивации образца происходит частичная аморфизация поверхности [18], во-вторых, анализ минерального состава ССО [19] показал наличие силикатов кальция и алюминия, которые в активном состоянии при взаимодействии с водой способны образовывать гидросиликаты по аналогии с клинкерными минералами. Для достижения максимального положительного эффекта при создании мелкозернистого бетона в качестве активного наполнителя нами использован речной полиминеральный песок месторождения «Кеницы» Архангельской области, который, судя по результатам исследований [20, 21], обладает высокой поверхностной активностью.

Главным результатом вышеприведенных исследований является установление факта повышения прочности бетонно-

го композита при использовании добавки ССО в три раза (по сравнению с контрольными образцами), при этом достигается требуемая марка по морозостойкости [22].

Однако для оптимального технологического использования разработанного модификатора на основе высокодисперсного ССО необходимо установить принцип его введения при создании бетонного композита.

Поэтому целью исследований, изложенных в данной работе, являлось изготовление образцов мелкозернистого бетона с добавкой высокодисперсного ССО в составе сухой строительной смеси и в водонасыщенном состоянии и сравнение их физико-механических характеристик с опытными.

Выделенную из суспензии оборотной воды сапонит-содержащую твердую фазу доводили до постоянной массы при температуре 105 °С.

Измельчение высушенных образцов ССО проводили на планетарной шаровой мельнице Retsch PM100. При этом использовали отработанный ранее оптимальный режим помола: скорость вращения ротора составила 420 об/мин, количество карбид-вольфрамовых размольных тел – 20 шт. Размер частиц определяли на анализаторе размера субмикронных частиц и дзета-потенциала Delsa Nano Series Zeta Potential and Submicron Particle Size Analyzers (Delsa Nano) методом измерения динамического и электрофоретического светорассеяния. Подготовленные образцы с высокодисперсной фракцией сапонит-содержащего материала хранили в эксикаторе над слоем безводного хлорида кальция.

Опытные образцы бетона одинакового состава (песок, цемент) с модифицирующей высокодисперсной добавкой ССО готовили, используя при этом в первом случае доведенную до постоянной массы навеску сапонит-содержащего отхода, во-втором – модификатор предварительно насыщался водой. Для этого готовилась реакционная смесь «ССО–вода», которая перемешивалась и выдерживалась до достижения максимального водонасыщения. Затем полученную добавку в водонасыщенном состоянии вводили в сухую смесь «песок–цемент» и доводили до однородного состояния путем перемешивания.

В первом случае готовили строительную смесь состава «цемент–песок–ССО». Затем компоненты перемешивались в сухом виде до состояния однородной массы. Далее в реакционную систему добавляли воду.

Все образцы изготавливались исходя из соотношения цемента и песка 1:3.

В состав контрольных и опытных образцов входил цемент М400 и мелкозернистый песок месторождения «Кеницы» (Архангельская область). Количество добавки высокодисперсного модификатора в смесь рассчитывали из условия, что масса вводимого ССО за 30 минут поглощает такое количество воды, которое изменит В/Ц отношение с 0,7 до 0,5.

Для контрольных образцов состава «цемент–песок» (проектного класса прочности бетона В15) В/Ц-отношение составило 0,5, для опытных (экспериментальных) образцов бетона состава «цемент–песок–ССО» – 0,7.

Полученные такими способами экспериментальные и контрольные бетонные смеси укладывались в трехгнездовые металлические формы с размером гнезда 70х70 мм.

Определение плотности бетонных образцов осуществляли стандартным способом с учетом объема и массы кубиков (ГОСТ 12730.1-78) после набора прочности спустя 28 суток твердения в естественных условиях.

Прочностные характеристики определяли через 28 суток с момента изготовления образцов путем их испытания на сжатие на прессе ИП-1250 (ГОСТ 28570-90). Предел прочности при сжатии определяли как среднее арифметическое по трем параллельным измерениям.

Испытания на морозостойкость осуществлялись путем попеременного замораживания и оттаивания образцов в ваннах с 5-процентным раствором хлорида натрия (ГОСТ 10060-2012). Цикл имел следующие режимные параметры: замораживание в течение 2,5 часов при температуре $-(50\pm 2)$ °С; оттаивание в течение $(2\pm 0,5)$ часов при температуре (20 ± 2) °С. Показателем морозостойкости являлось изменение массы образцов, которое не должно превышать 2% от первоначальной. Для замораживания бетонных образцов использовалась камера тепла и холода «ТХВ-64».

Механическое диспергирование выделенной из суспензии оборотной воды твердой фазы ССО в ранее отработанном режиме позволило получить высокодисперсный материал со средним размером частиц 445 ± 40 нм. На рис. 1 представлено фракционное распределение полученного высокодисперсного образца. Следует отметить, что подобранный режимный параметр позволяет получать надежные и хорошо воспроизводимые результаты по размерным характеристикам ССО с достаточной степенью полидисперсности.

Определение плотности образцов, полученных разными способами, показали следующие результаты: для контрольных образцов – $2,10$ г/см³, для образцов с ССО в водонасыщенном состоянии – $2,00$ г/см³, для образцов с безводными ССО – $2,10$ г/см³.

Полученные данные показывают, что плотность образцов с добавкой сапонит-содержащего материала по сравнению с контрольными образцами практически не изменяется.

Прочностные характеристики и марка бетона по морозостойкости представлены в таблицах 1 и 2 соответственно.

Результаты испытаний опытных образцов по пределу прочности на сжатие показали, что модифицирующую

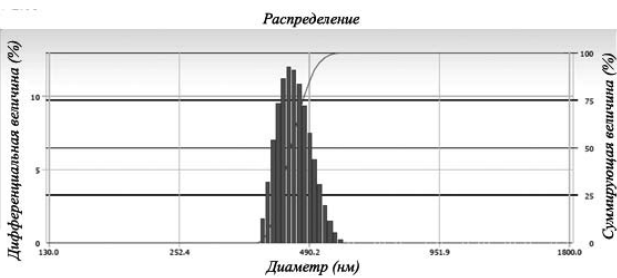

Рис. 1. Фракционное распределение ССО после механического диспергирования

высокодисперсную добавку сапонит-содержащего отхода необходимо вводить в цементную смесь в сухом состоянии. При этом прочность композита увеличивается в два раза по сравнению с контрольными образцами, а марка по морозостойкости выдерживается F150.

Приведенные данные показывают, что введение добавки высокодисперсного сапонит-содержащего модификатора не влияет на плотность изготовленных опытных образцов мелкозернистого бетона, однако сопоставляя прочностные характеристики композита (табл. 1), можно заключить, что введение оптимального количества высокодисперсного ССО, не содержащего воду, позволяет получить структуру композита с равномерным распределением микропор. Увеличение предельной нагрузки бетона практически в два раза (по сравнению с контрольными образцами) при введении сапонит-содержащего модификатора в обезвоженном состоянии, на наш взгляд, связано с синтезируемыми новообразованиями (гидросиликаты кальция) кристаллической структуры коллоидной степени дисперсности и их равномерным распределением по всему объему композита. Так, эффективность процесса твердения бетона определяется реакцией гидратации его клинкерных минералов с образованием новой коллоидно-дисперсной фазы (реакция конденсации) гидросиликатов кальция разной основности. Однако процесс конденсации, при котором получают частицы коллоидных размеров, возможен только при определенных условиях. Так, чтобы

в системе могла произойти конденсация данного вещества, она должна быть пересыщена этим веществом. Зародыши новой фазы возникают при определенной степени пересыщения раствора. Таким образом, образование коллоидных систем управляется скоростью образования зародышей и скоростью их роста. В свою очередь, скорость образования зародышей новой фазы (гидросиликаты кальция) пропорциональна степени пересыщения раствора. Таким образом, при регулировании в процессе твердения бетона В/Ц за счет физической сорбции воды ССО, происходит стабилизация степени пересыщения системы относительно новообразований гидросиликатов, что приводит к равномерному распределению продуктов реакции гидратации клинкерных минералов по всему объему образца. В то же время, использование водонасыщенной сапонит-содержащей суспензии не позволяет поддерживать степень пересыщения реакционной системы в стабильно оптимальном состоянии.

Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что твердая фаза ССО после ее механоактивации способна выступать также в качестве дополнительного связующего за счет частичной аморфизации поверхности. Причем, этот эффект проявляется только на обезвоженном высокодисперсном образце ССО.

Обсуждая экспериментальные данные испытаний опытных образцов бетона по морозостойкости (табл. 2) с добавкой высокодисперсного модификатора ССО в безводном состоянии можно констатировать, что значительное повышение марки

Таблица 1. Прочностные характеристики опытных образцов мелкозернистого бетона

Параметр	Состав «цемент–песок»		Состав «цемент–песок–ССО»			
			Добавка ССО в водонасыщенном состоянии		Добавка ССО в безводном состоянии	
В/Ц	0,5		0,7		0,7	
Площадь образцов, см ²	49,5	49,7	48,9	48,7	49,1	49,2
Максимальная нагрузка, кгс/см ²	236,3	231,9	187,8	187,4	458,8	453,7
Среднее значение максимальной нагрузки, кгс/см ²	234,1		187,6		456,3	
Класс бетона	В15		В12,5		В30	

Таблица 2. Характеристика образцов морозостойкости

Количество циклов попеременного замораживания и оттаивания	Состав «цемент-песок» (В/Ц=0,5)	Состав «цемент–песок–ССО»	
		Добавка ССО в водонасыщенном состоянии (В/Ц=0,7)	Добавка ССО в безводном состоянии (В/Ц=0,7)
	Среднее значение максимальной нагрузки, кгс/см ²		
75	235,3	184,2	457,6
100	234,9	160,9	460,7
150	189,4	139,1	461,9

бетона по морозостойкости относительно контрольных образцов также может быть связано с равномерно-пористой структурой композита. Причем, необходимо отметить, что данные испытания на опытных образцах бетона с добавкой безводного высокодисперсного сапонит-содержащего модификатора были прекращены после 150 циклов замораживания-оттаивания

Выводы

1. Сапонит-содержащие отходы процесса обогащения кимберлитовых руд можно использовать в качестве модифицирующей высокодисперсной добавки, управляющей величиной водо-цементного отношения при твердении бетонного композита.

2. Модифицирующую высокодисперсную добавку сапонит-содержащего отхода необходимо вводить в цементную смесь в сухом состоянии. При этом прочность композита без

дополнительного введения в систему цементной составляющей увеличивается в два раза по сравнению с контрольными образцами, а марка по морозостойкости выдерживается F150.

Литература

1. Баженов Ю.М. Бетон: технологии будущего. // Экономика строительства, 2007. №11. С. 41.
2. Баженов Ю.М., Фаликман В.Р., Булгаков Б.И. Наноматериалы и нанотехнологии в современной технологии бетонов // Вестник МГСУ, 2012. №12. С. 125–133.
3. Власова С.Е. Влияние циклического замораживания и оттаивания на процессы морозной деструкции инъекционного раствора // Вестник транспорта Поволжья, 2008. №1. С. 80–82.
4. Макарова Ю.С., Зеленина Л.И. Изменение климата Арктики: адаптация энергетической базы регионов (на примере Архангельской области) // Инноватика, 2014. № 2. С. 40–46.
5. Фролов А.В., Чумадова Л.И., Черкашин А.В., Акимов Л.И. Экономичность использования и влияние наноразмерных частиц на свойства легких высокопрочных бетонов // Строительство уникальных зданий и сооружений, 2014. №4. С. 51–61.
6. Вакуненко В.А. Рациональное использование бетона и железобетонных изделий в строительстве. Сборник научных трудов VI Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность в чрезвычайных ситуациях». СПб, 2014. С.193–205.
7. Баженов Ю.М., Лукутцова Н.П., Матвеева Е.Г. Исследование влияния наномодифицирующей добавки на прочностные и структурные параметры мелкозернистого бетона // Вестник МГСУ, 2010. №2. С. 215–218.
8. Смирнов В.А., Королев В.Е., Альбакасов А.И. Размерные эффекты и топологические особенности наномодифицированных композитов // Нанотехнологии в строительстве: науч. интернет-журнал, 2011. №4 (14). С. 17–26. Режим доступа: nanobuild.ru.
9. Баженов Ю.М. Технология бетона. М.: АСВ, 2002. С. 500.
10. Штарк Й. Гидратация цемента и микроструктура бетона // Цемент и его применение, 2011. №2. С. 90–94.
11. Морозова М.В., Айзенштадт А.М., Тутьгин А.С. Водопоглощение сапонит-содержащих отходов обогащения кимберлитовых руд // Промышленное и гражданское строительство, 2013. № 11. С. 29–31.
12. Морозова М.В., Айзенштадт А.М., Махова Т.А. Применение сапонит-содержащего материала для получения морозостойких бетонов // Промышленное и гражданское строительство, 2015. № 1. С. 28–31.
13. Аполлонов В.Н., Вержак В.В., Гаранин К.В., Гаранин В.К., Кудрявцева Г.П., Шлыков В.Г. Сапонит из месторождения алмазов им. М.В. Ломоносова // Геология и разведка, 2003. № 3. С. 20–37.
14. Коршунов А.А., Невзоров А.Л. Перспективы и направления утилизации отходов обогащения кимберлитовых руд на месторождении им. М.В. Ломоносова // Проблемы региональной экологии, 2009. №2. С. 213–216.

15. Тутьгин А.С., Айзенштадт М.А., Айзенштадт А.М., Махова Т.А. Влияние природы электролита на процесс коагуляции сапонит-содержащей суспензии // Геоэкология, 2012. № 5. С.379–383.

16. Фомина Е.В., Кожухова Н.И., Пальшина Ю.В., Строкова В.В., Фомин А.Е. Влияние механоактивации на размерные параметры // Строительные материалы, 2014. №10. С. 28–33.

17. Дроздук Т.А., Айзенштадт А.М., Тутьгин А.С., Фролова М.А. Неорганическое связующее для минеральной теплоизоляции // Строительные материалы, 2015. № 5. С. 86–89.

18. Глезер А.М. Аморфные и нанокристаллические структуры: сходство, различия, взаимные переходы. Ж. Рос. хим. об-ва им. Д.И.Менделеева, 2002, т. XLVI, №5, с. 57–63.

19. Lesovik V., Ayzenshtadt A., Frolova M., Lesovik R. & Strokov V. «Green» Composites for North-Arctic Region Development // The Open Ecology Journal, 2014. № 7. Pp. 32–36.

20. Лесовик В.С., Фролова М.А., Айзенштадт А.М. Поверхностная активность горных пород // Строительные материалы, 2013. № 11. С. 71–74.

21. Вешнякова Л.А., Айзенштадт А.М., Фролова М.А. Оценка поверхностной активности высокодисперсного сырья для композиционных строительных материалов // Физика и химия обработки материалов, 2015, № 2, с. 68–72.

22. Morozova M., Ayzenshtadt A., Mahova T. & Frolova M. Mineral highly dispersed additive to enhance the frost resistance of concrete. 15th International Multidisciplinary Scientific GeoConference & EXPO SGEM 2015, Nano, bio and green — technologies for a sustainable future, Volume 1 «Micro & nano technologies advances in biotechnology», 2015, pp. 135–142.

Literatura

1. Bazhenov Ju.M. Beton: tehnologii budushhego. Ekonomika stroitelstva, 2007. №11. S. 41.
2. Bazhenov Ju.M., Falikman V.R., Bulgakov B.I. Nanomaterialy i nanotehnologii v sovremennoj tehnologii betonov // Vestnik MGSU, 2012. №12. S. 125–133.
3. Vlasova S.E. Vlijanie tsiklicheskogo zamorazhivaniya i ottaivaniya na protsessy moroznoj destruktсии inekcionnogo rastvora // Vestnik transporta Povolzhija, 2008. №1. S. 80–82.
4. Makarova Ju.S., Zelenina L.I. Izmenenie klimata Arktiki: adaptatsiya energeticheskoy bazy regionov (na primere Arhangelskoj oblasti // Innovatika, 2014. №2. S. 40–46.
5. Frolov A.V., Chumadova L.I., Cherkashin A.V., Akimov L.I. Ekonomichnost ispolzovaniya i vlijanie nanorazmernyh chastits na svojstva legkih vysokoprechnyh betonov // Stroitelstvo unikalnyh zdaniy i sooruzhenij 2014. №4. S. 51–61.
6. Vakunenkov V.A. Ratsionalnoe ispolzovanie betona i zhelezobetonnyh izdelij v stroitelstve // Sbornik nauchnyh trudov VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, «Bezopasnost v chrezvychajnyh situatsijah». SPb, 2014. S.193–205.
7. Bazhenov Ju.M., Lukutova N.P., Matveeva E.G. Issledovanie vlijaniya nanomodificiruyushhej dobavki na prochnostnye i

strukturnye parametry melkozernistogo betona // Vestnik MGSU, 2010. №2. S. 215–218.

8. Smirnov V.A., Korolev V.E., Albakasov A.I. Razmernye efekty i topologicheskie osobennosti nanomodifitsirovannykh kompozitov // Nanotekhnologii v stroitelstve: nauch. internet-zhurnal, 2011. №4 (14). S. 17–26. Rezhim dostupa: nanobuild.ru.

9. Bazhenov Ju.M. Tehnologiya betona. M.: ASV, 2002. S. 500.

10. Shtark J. Gidratatsiya tsementa i mikrostruktura betona // Tsement i ego primeneniye, 2011, №2. S. 90–94.

11. Morozova M.V., Ajzenshtadt A.M., Tutygin A.S. Vodopogloshchenie saponit-soderzhashhih othodov obogashheniya kimberlitovykh rud // Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitelstvo, 2013. №11. S. 29–31.

12. Morozova M.V., Ajzenshtadt A.M., Mahova T.A. Primeneniye saponit-soderzhashhego materiala dlya polucheniya morozostoykikh betonov // Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitelstvo, 2015. №1. S. 28–31.

13. Apollonov V.N., Verzhak V.V., Garanin K.V., Garanin V.K., Kudryavtseva G.P., Shlykov V.G. Saponit iz mestorozhdeniya almazov im. M.V.Lomonosova // Geologiya i razvedka, 2003. №3. S. 20–37.

14. Korshunov A.A., Nevzorov A.L. Perspektivy i napravleniya utilizatsii othodov obogashheniya kimberlitovykh rud na mestorozhdenii im. M.V. Lomonosova // Problemy regionalnoj ekologiy, 2009. №2. S. 213–216.

15. Tutygin A.S., Ajzenshtadt M.A., Ajzenshtadt A.M., Mahova T.A. Vliyaniye prirody elektrolita na protsess koagulyatsii saponit-soderzhashhej // Geoekologiya, 2012. №5. S. 379–383.

16. Fomina E.V., Kozhuhova N.I., Palshina Ju.V., Strokova V.V., Fomin A.E. Vliyaniye mekhanoaktivatsii na razmernye parametry // Stroitelnye materialy, 2014. №10. S. 28–33.

17. Drozdyyuk T.A., Ajzenshtadt A.M., Tutygin A.S., Frolova M.A. Neorganicheskoye svyazuyushcheye dlya mineralnoy teploizolyatsii // Stroitelnye materialy, 2015. №5. S. 86–89.

18. Glezer A.M. Amorfnye i nanokristallicheskiye struktury: skhodstvo, razlichiya, vzaimnye perehody. // Zh. Ros. him. ob-va im. D.I. Mendeleeva, 2002. T. XLVI. №5. S. 57–63.

20. Lesovik V.S., Frolova M.A., Ajzenshtadt A.M. Poverhnostnaya aktivnost gornyykh porod // Stroitelnye materialy, 2013. №11. S. 71–74.

21. Veshnyakova L.A., Ajzenshtadt A.M., Frolova M.A. Otsenka poverhnostnoy aktivnosti vysokodispersnogo syrja dlya kompozitsionnykh stroitelnykh materialov // Fizika i himiya obrabotki materialov, 2015. №2. S. 68–72.

modifier allocated by a method electrolyte coagulations a firm phase preliminary subject mechanical activation a method mechanical dispersing up to dimensional characteristics of particles of the average size of particles 445 ± 40 nanometer. It is established, that modifying finely the additive of a saponite-containing withdrawal it is necessary enters into a cement mixture in a dry condition. If this strength concrete pavement tip utilizes a composite without the need for an additional imposition of the system cement part increases in 2 times compared to control specimens, and the brand of protection degrees must be soaked F150. As the main working hypothesis, Explain the results, it is proposed that the following position. When added to a dry developer mixture consisting of cement, sand filler and saponite-containing modifier, water occurs optimization of water-cement ratio and stabilization of the degree of supersaturation system relative neoplasms calcium hydrosilicates of different basicity, which leads to a uniform distribution of the reaction products of hydration of the clinker minerals by the entire sample volume. Due to this, effect the formation of a uniformly porous microstructure of the composite. Furthermore, saponite-containing material in a highly dispersed state exhibits additional binder properties.

Ключевые слова: сапонит, сухая строительная смесь, водопоглощение, водоцементное отношение, высокодисперсный модификатор, прочность и морозостойкость бетона.

Key words: saponite, dry mortar, water absorption, water-cement ratio, highly modifier, durability and frost resistance of concrete.

Using Saponite-Containing Waste as a Component of Dry Construction Mixes for Fine-Grained Concrete with Improved Performance.

By M.V.Morozova, A.M.Ajzenshtadt, M.A.Frolova, T.A.Mahova

Based on the studies proposed by the modifier for very fine glass, consisting of saponite-containing wastes, the resources available from the backwater enrichment process kimberlite mining diamond-producing enterprises. For reception of the

Юбиляры

24 октября 2015 года исполнилось 75 лет члену-корреспонденту РААСН, Заслуженному архитектору РФ, кавалеру ордена Почета, доктору архитектуры, профессору кафедры градостроительства и ландшафтной архитектуры Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии **Геннадию Николаевичу Туманику**.

После окончания в 1965 году архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института им. В.В.Куйбышева творческая биография архитектора Туманика началась в индустриальном городе Кузбасса – Новокузнецке. Уже первые его работы были отмечены дипломом 1-й степени на V Всесоюзном смотре творчества молодых архитекторов (1968), и молодой архитектор-градостроитель был принят в Союз архитекторов СССР.

С переездом в 1969 году в Новосибирск Геннадий Николаевич работал главным архитектором проектов СибЗНИИЭП, начальником мастерской генплана, главным архитектором института (1980–1992). С 1989 года параллельно занимался педагогической деятельностью, заведовал кафедрой градостроительства Новосибирского архитектурного института, в 1992-м стал профессором кафедры градостроительства и ландшафтной архитектуры НГАХА.

В 1994 году был избран членом-корреспондентом РААСН. С 1995-го возглавляет одну из первых академических персональных научно-творческих мастерских, работает с молодыми специалистами по принципу «мастер – ученик», выполняет инициативные проекты и научные темы.

Г.Н.Туманник является автором и руководителем более 30 крупных градостроительных проектов, в числе которых генеральные планы городов Новокузнецка, Тобольска, Нижневартовска, конкурсные проекты планировки центров городов Новосибирска, Красноярска, Нефтеюганска, Омска, Находки, Ангарска, Улан-Удэ (среди 20 конкурсных проектов 9 отмечены 1-й премией); автором проекта построенного в Тверской области мемориального комплекса сибирякам, погибшим в Великой Отечественной войне, крупных жилых и общественных комплексов в Новосибирске.

На счету у Геннадия Николаевича более 100 научных публикаций, в том числе пять монографий. Серия монографий – «Отечественное градостроительство: современные проблемы развития сибирского города», «Центр крупного города Сибири. Региональные особенности формирования и развития», «Центр крупного города Сибири: опыт участия в конкурсном проектировании» в 2010 году награждена дипломом РААСН в номинации «Лучшие публикации в области градостроительства».

28 октября 2015 года исполнилось 55 лет члену-корреспонденту РААСН, доктору технических наук, профессору, ректору Ивановского государственного политехнического университета (ИВГПУ) **Роберту Мишаевичу Алояну**.

Выпускник технологического факультета Ивановского инженерно-строительного института (1986) (позднее переименованного в Ивановский государственный архитектурно-строительный университет, ныне – ИВГПУ), Р.М.Алоян начал работу в вузе в 1989 году с должности инженера НИС. Был доцентом, заведующим кафедрой, проректором по административно-хозяйственной работе, проректором по экономическим вопросам, первым проректором. Защитил диссертации «Применение фотовязкоупругости к исследованию напряженного состояния вязко-пластичных тел» (на соискание ученой степени кандидата технических наук, 1996) и «Нестационарные задачи механики неоднородных тел» (на соискание ученой степени доктора технических наук, 1998).

В 2012 году Роберт Мишаевич был избран ректором Ивановского государственного архитектурно-строительного университета и в тот же год стал ректором Ивановского государственного политехнического университета, самого крупного вуза в области, созданного путем объединения Ивановского государственного архитектурно-строительного университета и Ивановской государственной текстильной академии.

Р.М.Алоян возглавляет научную школу «Развитие теории и практики организации строительного производства», в состав которой входят более 30 кандидатов и

докторов наук. Опубликовал свыше 250 научных работ, в том числе восемь монографий, имеет также восемь авторских свидетельств и патентов на изобретения. Пять созданных им учебных изданий получили гриф Ассоциации строительных вузов и рекомендованы Министерством образования и науки в качестве учебных пособий. Роберт Мишаевич является председателем диссертационного совета Д212.355.01 на базе ИВГПУ, главным редактором научно-технического журнала «Известия вузов. Технология текстильной промышленности».

Р.М.Алоян – Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный строитель России, Почетный строитель Ивановской области, член правления Ассоциации строительных вузов России и стран СНГ, действительный член Международной академии информационных процессов и технологий и Петровской академии наук и искусств. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью Русской православной церкви Преподобного Сергия Радонежского II степени, нагрудным знаком «За заслуги перед Ивановской областью», имеет ряд благодарностей от городской и областной администраций, отраслевых министерств.

9 ноября 2015 года исполнилось 75 лет академику РААСН, доктору технических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ, Почетному работнику высшего профессионального образования РФ, лауреату премии Правительства РФ в области науки и техники **Михаилу Ивановичу Алексееву**. М.И.Алексеев занимается разработкой приоритетных научных направлений, связанных с безопасностью зданий и сооружений, с повышением эффективности, надежности и безопасности сооружений коммунальных и промышленных систем водоснабжения и водоотведения (канализации). Новизна его конструктивных решений и способов очистки подтверждена свыше 40 патентами, авторскими свидетельствами на изобретения и полезную модель. Многие результаты его исследований включены в нормативную, справочную и учебную литературу. Михаил Иванович опубликовал свыше 350 научных работ, в том числе монографии, учебники, учебные и справочные пособия. Возглавляемая им научная школа пользуется заслуженным авторитетом у российских и зарубежных специалистов, включена в реестр ведущих научных школ Санкт-Петербурга. М.И.Алексеев принимал участие во многих международных конгрессах, конференциях, семинарах, был членом организационного комитета, выезжал во многие зарубежные вузы. Он уделяет большое внимание повышению уровня инженерной и фундаментальной естественно-научной подготовке студентов и аспирантов, внедрению новых достижений науки в учебный процесс, чему способствуют его широкие научные контакты со специалистами внутри страны и за рубежом, научное редактирование переводной (с английского, немецкого и французского языков) научно-технической литературы, участие в работе редколлегий научно-технических изданий. Является председателем научно-технической редколлегии журнала «Вода и экология. Проблемы и решения», входящего в перечень изданий «Скопус»; членом редакционного совета журнала «Вестник гражданских инженеров», входящего в перечень журналов ВАК и редакционно-экспертного совета журнала «Гидротехника». М.И.Алексеев – действительный член жилищно-коммунальной академии, член Международной ассоциации гидравлических исследований (МАГИ), экспертно-консультационного комитета Совета по сохранению и развитию территорий исторического центра Санкт-Петербурга при Правительстве Санкт-Петербурга, членом НТС комитета по энергетике и инженерному обеспечению администрации Санкт-Петербурга, Невско-Ладужского бассейнового управления, ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», а также диссертационных советов и экспертного совета ВАК РФ по строительству и архитектуре. Награжден несколькими медалями Российской Федерации, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

14 ноября 2015 года исполнилось 80 лет члену-корреспонденту РААСН, Заслуженному архитектору РФ, профессору кафедры архитектурного проектирования, члену Градостроительного совета Нижнего Новгорода, Почетному работнику высшего профессионального образования **Сергею Александровичу Тимофееву**. Выпускник архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института, Сергей Александрович начал свой творческий путь в Западносибирском филиале Академии строительства и архитектуры СССР в Новосибирске в должности старшего архитектора. В 1968–1986 годах проектировал и строил жилые и общественные здания в Комсомольске-на-Амуре и Вильнюсе. С 1986 по 1991 год занимал пост главного архитектора Нижнего Новгорода. Огромный творческий потенциал и широта профессиональных интересов позволили С.А.Тимофееву успешно сочетать проектную практику и преподавательскую работу в ННГАСУ, где он читает авторский курс лекций по практике архитектурного проектирования. Как один из основателей нижегородской архитектурной школы, Сергей Александрович определил главное направление своего творчества – современное развитие исторического города. Многие его постройки играют значительную роль в формировании архитектурного ансамбля Нижнего Новгорода: Театр кукол на Большой Покровской (1979), здание «Диалог-Банка» (1995), жилой дом на улицах Ильинской (1995) и Арзамасской (1997), административное здание на Большой Печерской (2010), Памятник жертвам Чернобыльской катастрофы на бульваре Мира (2009), спортивно-культурный центр в городе Сарове (2001) и др. Талант зодчего, опыт руководителя и проектировщика позволили С.А.Тимофееву собрать коллектив единомышленников и возглавить свою персональную творческую мастерскую. Деятельность архитектора Тимофеева получила высокую оценку на государственном и профессиональном уровне: Пушкинская медаль, медали Союза архитекторов России «За высокое зодческое мастерство», «За преданность содружеству зодчих», медаль им. И.В.Жолтовского «За выдающийся вклад в архитектурное образование», орден «За заслуги» (за проект и реализацию мемориального комплекса нижегородцам, погибшим в Афганистане и Чечне), медаль «Чернобыльское братство», премии Нижнего Новгорода в области архитектуры.

Награды

За достигнутые трудовые успехи, активную общественную деятельность и многолетнюю добросовестную работу *Почетной грамотой Президента Российской Федерации* награжден **Есаулов Георгий Васильевич**, академик РААСН, член президиума-советник президента РААСН, проректор по научной работе Московского архитектурного института (Государственной академии).

Распоряжение Президента Российской Федерации от 22.09.2015 № 286-рп.

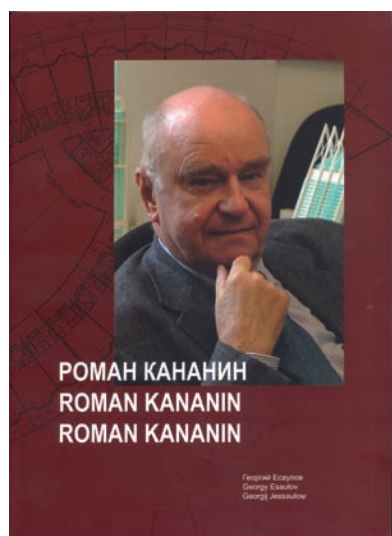
За большой вклад в дело сохранения историко-культурного наследия России объявлена *благодарность Министра культуры Российской Федерации* **Кудрявцеву Александру Петровичу**, академику РААСН, вице-президенту РААСН.

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 09.09.2015 № 42-ВН.

За многолетний добросовестный труд в строительной области столицы и в связи с профессиональным праздником Днем строителя *Почетной грамотой* Департамента градостроительной политики города Москвы награждена **Розенберг Ольга Викторовна**, член президиума – ученый секретарь президиума РААСН.

Распоряжение Департамента градостроительной политики города Москвы Правительства Москвы от 31.07.2015 № 64.

Новые книги

Есаулов Г.В. Роман Кананин. Монография. Издание 2-е, переработанное, дополненное. – Москва: Издательство «000 «Март», 2015. – 136 с., илл.

Монография посвящена творчеству архитектора Романа Григорьевича Кананина.

Роман Кананин – известный российский архитектор, творческая деятельность которого связана с Москвой, руководством мастерской ОАО «Моспроект». Становление мастера началось в Московском архитектурном институте в период позднего этапа советской неоклассики, окончание учебы совпало с развитием технологизма в отечественной архитектуре, основной этап творчества связан с развитием в СССР модернизма, а затем а затем подъема полистилизма.

Успешная конкурсная деятельность признанного мэтра Я.Б.Белопольского, а потом и самостоятельная принесли молодому архитектору признание и возможность реализации замыслов.

Иконами конкурсов 1960-х стали проекты «Всемирная выставка в Москве» (под руководством Я.Б.Белопольского, Н.Н.Улласа совместно с Ю.В.Ильиным-Адаевым, Л.В.Мисожниковым, С.Д.Феокистовым, В.И.Хавиным, инж Ю.А.Дыховичным, 1963), международный конкурс на проект монумента в ознаменование 100-летия Международного Союза Электросвязи в Женеве (Швейцария) (Ю.В.Ильин-Адаев, Р.Г.Кананин, Л.В.Мисожников, скульптор Д.Б.Рябичев, 1965) и проект начала 1970-х – «Дворец молодежи на Комсомольском проспекте в Москве» (Я.Б.Белопольский, Ф.М.Гажиевский, Р.Г.Кананин, инж. Ю.А.Дыховичный, 1972–1973).

Многочисленные реализации принесли Р.Г.Кананину профессиональный успех и признание. В числе его работ жилые комплексы и крупные общественные здания, реконструкция московской застройки, памятники и мемориалы.

Самый известный из них – Новороссийский мемориальный комплекс на местах ожесточенных боев Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и Гражданской войны. Это произведение, выполненное совместно с Я.Б.Белопольским, В.И.Хавиным и скульптором В.Е.Цигалем (1972–1982), было отмечено высшей творческой наградой страны – Ленинской премией.

1990–2010-е годы наполнены напряженной работой по проектированию жилых комплексов разнообразной стилистической, зачастую эклектической направленности: от московского узорочья до минимализма авангардных 1920–1930-х годов в постмодернистской окраске. При этом мастер решает все более сложные градостроительные задачи, завершая ансамбли, формируя новые пространственные отношения в среде мегаполиса.

Меняя масштабы и темпы, архитектор развивает пластические идеи, наделяя их все более сложными образами и новым функциональным содержанием.

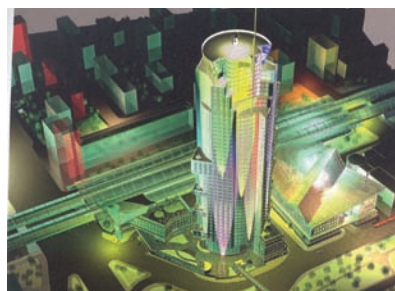
Второе издание дополнено новыми работами мастера, выполненными в 2010-е годы. В их числе проекты реконструкции объектов, многофункциональный комплекс в Одинцовском районе, концепция памятника-компекса во Вьетнаме, конкурсные проекты для Москвы, Звенигорода, а также серии жилых домов различной этажности для различных категорий населения.

Детское отделение института Бакулева в Москве. Интерьер

Многофункциональный комплекс в Одинцовском районе Московской области. 2011

Транспортно-пересадочный узел «Дмитровская» в Москве

Жилые дома на проспекте Вернадского в Москве

Современная архитектура мира. Вып.5 /отв. ред. Н.А. Коновалова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015.

Вышел в свет очередной сборник научных статей «Современная архитектура мира». Вып.5 /отв. ред. Н.А. Коновалова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015, который ежегодно подготавливается НИИТИАГ по итогам научных конференций. В сборник вошли научные исследования, анализирующие крупнейшие явления и события современной мировой архитектуры, а также прогнозирующие векторы ее развития. Авторами стали как маститые ученые с мировым именем, так и молодые исследователи, только начинающие свой путь в науке.

Тематика исследований традиционно разделена на несколько блоков. В первый блок «Взгляд на современность в архитектуре» вошли статьи теоретического характера, в которых авторы рассуждают о глобальных процессах, влияющих на современную архитектуру, анализируют цифровую архитектуру ради понимания ее художественных возможностей, приходя к выявлению особенностей модели «цифрового» или «умного» города. Рассмотрено изменение городской морфологии (плотности застройки, ее высотности, функционально-планировочной организации и т.д.) за счет появления в крупных городах «мега-проектов». Особое внимание уделено новому строительству на селе, направленному на формирование устойчивой среды жизнедеятельности. Одним из наиболее актуальных для исследования остается экологическое направление в архитектуре и градостроительстве, которое рассматривается авторами как на отечественном материале, так и на примере городов Европы и Дальнего Востока.

Блок «Глобальная архитектура и национальные традиции» включает ряд статей, посвященных высотной архитектуре. Анализ основных направлений в высотном строительстве проведен на материале новейших построек России и Японии. Чрезвычайно актуальным представляется исследование, посвященное поиску традиционных приемов в современной архитектуре, предпринятое на примере творчества знаменитых китайских архитекторов Бэй Юймина и Ван Шу. Последние годы все острее стал вставать вопрос об устройстве и новых функциях современных музеев. В статьях настоящего сборника проводится анализ отечественного и зарубежного опыта создания современных музейных комплексов с точки зрения их меняющихся связей с внешней средой и необходимых внутренних трансформаций. Подняты вопросы и о строительстве культовых сооружений, например, проведен масштабный анализ одной из новейших культовых построек Стамбула – мечети Шакирин.

Завершает научный сборник блок «Архитектурно-градостроительное наследие», включающий масштабные исследования, ставящие своей целью поднять проблемы взаимоотношения в городском пространстве исторической застройки и новой архитектуры, приспособления исторических зданий под новые функции, реновации исторических районов города.

Археологический музей в Севилье. Испания.
(К статье О.А. Антюфеевой)

Масдар. Общественное пространство.
(К статье Г.В.Есаулова)

Любовный В.Я. Проблемы регулирования развития городов и городских агломераций в условиях реструктуризации угольной промышленности (зарубежный и отечественный опыт). – Москва: Издательство «Экон-Информ», 2015.

В ноябре 2015 года в издательстве «Экон-Информ» вышла книга академика РААСН, доктора экономических наук, главного научного сотрудника Института макроэкономических исследований Минэкономразвития РФ Владимира Яковлевича Любовного «Проблемы регулирования развития городов и городских агломераций в условиях реструктуризации угольной промышленности (зарубежный и отечественный опыт)».

Ниже мы публикуем рецензию на эту книгу академика РААСН, Заслуженного деятеля науки РФ Евгения Наумовича Перцика.

«Автор монографии прошел творческий путь от исследования проблем развития Подмосковского угольного бассейна до анализа и осмысления развития угольных регионов мира.

Исключительно ярко охарактеризованы автором социальные преобразования в Рурском регионе, имеющие общеевропейское значение.

Рецензент в последние годы имел возможность неоднократно побывать в Рурском регионе и убедиться в справедливости высокой оценки, данной автором книги, успешности осуществленных там преобразований.

В последнее время крупные преобразования осуществлены и у нас в стране в угольных районах Сибири, и автором книги вполне адекватно оценены эти преобразования.

Автором развиты заслуживающие обстоятельного обсуждения и всемерной поддержки предложения о развитии так называемых сопутствующих производств в ряде мест, приобретающих районообразующее значение (районы Якутии), а в других местах – являющихся важными элементами достройки территориально-производственных комплексов (Северо-Восток, Сахалин, Приморье, район космодрома Восточный и др.).

Полагаю, что от автора – градостроителя, высокого профессионала можно ожидать более полного освещения перспективной градостроительной концепции развития Кузбасса.

Буду рад, если автор книги сочтет возможным использовать изложенные выше соображения при последующих переизданиях книги.

Поздравляю автора и градостроительную общественность с рождением прекрасной книги.

Академик РААСН, Заслуженный деятель науки РФ Е.Н.Перцик.»

Новое знание о русских древностях: зодчество средневековой Твери и прилежащих верхневолжских земель

И.А.Бондаренко

Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. XII–XVI века: в 2 т. Тверь: ФГБОУ ВПО «ГАСК», 2015.

Вышедший в свет в 2015 году монументальный двухтомник А.М.Салимова без преувеличения можно назвать событием в истории изучения древнерусской архитектуры. В нем собран и внимательно проанализирован огромный материал, накопившийся за полвека после издания основополагающего, тоже двухтомного труда Н.Н.Воронина, посвященного зодчеству Северо-Восточной Руси XII–XV веков (М., 1961–1962). В свое время его автор не мог досконально исследовать тверское зодчество в силу плохой сохранности и малой изученности дошедших до нас памятников и их фрагментов. Теперь усилиями Салимова многие белые пятна устранены, вопросы прояснены и общая картина развития древнерусской архитектуры восполнена.

Территория Верхневолжья в домонгольский период была периферией, с одной стороны, Владимиро-Суздальских, а с другой – Новгородских земель. В дальнейшем это периферийное или буферное положение оказалось выгодным для формирования здесь самостоятельного княжеского центра, которому суждено было сильно возвыситься и некоторое время, в XIV–XV веках, успешно соперничать с Москвой.

Автор тщательно изучил и сопоставил практически все имеющие отношение к теме летописные и архивные источники, письменные и иллюстративные, все архитектурно-

археологические находки и, конечно же, всю специальную научную литературу. Но этого мало: он сам провел целый комплекс весьма продуктивных натурных экспедиционных и археологических исследований, чему способствовала его профессиональная подготовка на Историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Алексей Маратович одновременно искусствовед и археолог, историк и архитектор. Его многочисленные научные статьи и монографии, увенчанные представляемым двухтомником, отличаются предельной серьезностью, обстоятельностью, подлинной академичностью.

Большие затруднения вызывает характеристика архитектуры Верхневолжья домонгольского периода из-за недостатка достоверных о ней известий. Салимов показывает, что наиболее крупным городом в этих местах изначально был Торжок, являвшийся «пригородом» Новгорода. Его главный собор и княжеский храм оставались деревянными, но в Борисоглебском монастыре в конце XII века была возведена первая каменная четырехстолпная церковь. Исследование позволило выполнить графическую реконструкцию этой церкви и сделать вывод о связи ее архитектурных форм с полоцко-смоленским зодчеством. Подобные формы, замечательные своей особой пластичностью, собранностью и отрисованностью силуэта, получили в дальнейшем широкое распространение в Новгороде. Они были подхвачены и в Твери, когда во второй половине XIII века там началась актив-

Собор Борисоглебского монастыря в Торжке на иконе 1770–1780-х годов. Из частной коллекции

Эбергард Лилье. Тверь. Соборная и Дворцовая площади. Обнесение мощей великого князя Михаила Тверского. Вторая половина XIX века. Из собрания ТОКГ

ная строительная деятельность (Успенский собор тверского Отроча монастыря).

В 1247 году Тверь стала столицей удельного княжества, подчиненного великому князю Владимирскому, но обладавшего известной самостоятельностью. Отсюда и активизация строительства, и формирование своих артелей мастеров, а потом и своей архитектурной школы. Автор очень деликатно пишет об этом, по-возможности показывая, насколько оригинально тверские зодчие решали поставленные перед ними задачи.

Типологическое разнообразие, проявившееся на этапе становления тверского зодчества и архитектуры сопредельных земель, осталось неотъемлемой чертой архитектуры Верхневолжья и в XIV–XV веках. Пройдя период «затухания» в середине – второй половине XIV века, в конце XIV – первой четверти XV столетия региональное зодчество продемонстрировало новые творческие успехи. Тогда были возведены не только традиционные постройки крестовокупольного типа, но и ряд столпообразных сооружений, на архитектуру которых могла оказать воздействие Западная Европа. Взаимосвязь с западноевропейской строительной практикой определенно сказалась в использовании на территории Тверского княжества кирпича-«пальчатки» и терракотовых изразцов.

Вместе с тем, исследование убедительно показывает, что в основе тверской архитектуры XIII–XV веков лежит та же северо-восточная традиция, на которой базировалось раннемосковское зодчество XIV–XV веков.

Последняя четверть XV столетия стала переходным периодом не только в жизни Тверского княжества, но и в судьбе работавших там зодчих. Политика собирания русских земель, проводимая Иваном III, кардинально изменила статус княжества и ускорила миграционные процессы, которые могли иметь место в тверском архитектурном сообществе и значительно раньше. Памятники архитектуры, появившиеся на

территории Верхневолжья в первой половине XVI века, можно рассматривать в связи с изменениями, которые коснулись всего отечественного зодчества и во многом сnivelировали региональные архитектурные особенности, но не ликвидировали их полностью.

В XVI веке в строительной практике Верхневолжья стали преобладать пятиглавые храмы, в которых видно упрощенное воспроизведение архитектурных форм, внедренных в московскую практику итальянцами.

Тверское шатровое зодчество этого периода значительно уступает московскому по количеству памятников, да и временной разрыв между ними не позволяет выстроить последовательный эволюционный ряд. Но в общерусском контексте тверские постройки шатрового типа обретают свою нишу, демонстрируя определенную оригинальность.

По ходу рассмотрения обширного исторического материала автор заостряет внимание на многих существенных и очень непростых историко-архитектурных вопросах, таких, как: субординация и последовательность возведения деревянных и каменных городских храмов; взаимообмен профессиональным опытом зодчих из разных регионов Древней Руси, Балканских стран, Великого княжества Литовского и государств Западной Европы; востребованность тверских мастеров в других землях и их обычная миграционная активность; стирание местной специфики древнерусской архитектуры под воздействием объединительной политики Москвы.

Исследование А.М.Салимова отличается максимально возможной на сегодня полнотой и доскональностью. В то же время оно акцентирует массу неясностей и все еще спорных суждений о зодчестве средневековой Твери, давая тем самым хорошую опору и стимул для дальнейших изысканий. Эта поистине фундаментальная работа, вне всякого сомнения, будет во многом способствовать развитию отечественного архитектуроведения.

Успенский собор Отроча монастыря (1722). Фото 2014 года

Соборный комплекс старицкого Успенского монастыря. Вид с юга. Фото М.А.Салимовой (январь 2014)

Псков. Церковь Михаила и Гавриила Архангелов (1339). Фото 2014 года

Сведения об авторах

Анисимов Александр Викторович, 1935 г.р. (Москва). Член-корреспондент РААСН, академик МААМ, доктор архитектуры, профессор ВГИК, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал ФГБУ "ЦНИИП Минстроя России" НИИТИАГ) РААСН. Лауреат Государственной премии СССР. Автор (ГАП) здания Театра на Таганке, реконструкции Московского планетария и других построек и проектов. Автор более 200 публикаций, 10 книг и около 100 научных работ. Сфера творческих и научных интересов: архитектура общественных зданий. Тел.: 8 (916) 117-68-53. E-mail: alexandranisimo@yandex.ru; anisimov1935@gmail.com.

Айзенштадт Аркадий Михайлович, 1954 г.р. (Архангельск). Доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой композиционных материалов и строительной экологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 250 научных публикаций. Научные интересы: физическая и коллоидная химия и композиционные материалы. Тел.: +7 (921) 719-05-03, 8 (8182) 41-28-34. E-mail: a.isenshtadt@narfu.ru.

Бархин Андрей Дмитриевич, 1981 г.р. (Москва). Архитектор, выпускник МарХИ (2005), аспирант Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал ФГБУ "ЦНИИП Минстроя России" НИИТИАГ) РААСН (2005–2008). Автор лекционных курсов «Мастера архитектуры итальянского Возрождения» (2009), «Истоки и эволюция архитектуры 1920–30-х» (2010), «Новый историзм» (2012). Научные интересы: европейская архитектура эпохи Возрождения и Нового времени, отечественная и мировая архитектура 1900–1930-х годов. Тел.: 8 (916) 556-19-69. E-mail: adb2004@mail.ru.

Бембель Ирина Олеговна, (Санкт-Петербург). Искусствовед, соискатель ГАИЖСА им. И.Е. Репина, сотрудник НИИТИАГ, главный редактор журнала «Капиталь». Автор более 30 публикаций в журналах. Основные научные интересы: современная архитектура Санкт-Петербурга, России, Польши; феномен традиции в архитектуре; современная храмовая (христианская) архитектура. Тел.: 8 (962) 681-23-34. E-mail: ibembel@yanlex.ru.

Гайдук Альбина Ринатовна, (Казань). Аспирант, преподаватель Казанского государственного архитектурно-строительного университета. Автор 16 публикаций. Сфера научных интересов: архитектура общественных зданий. Тел.: 8 (937) 522-99-21. E-mail: work@a-studiya.org.

Герцберг Лора Яковлевна, (Москва). Доктор технических наук, член-корреспондент РААСН, начальник Центра повышения квалификации ЦНИИП Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Автор более 150 научных работ и публикаций, автор и соавтор более 40 проектов. Научные интересы: экономика градостроительства, территориальное планирование, инфраструктура городского земельного рынка. Тел.: 8 (915) 327-99-59. E-mail: lgertz24@mail.ru.

Грудев Иван Дмитриевич, 1933 г.р. (Москва). Почетный член РААСН, доктор технических наук, профессор кафедры металлоконструкций МГСУ. Число публикаций – 113. Научные интересы: металлические конструкции, расчеты, нагрузки. Тел.: 8 (499) 906-45-79; 8 (915) 391-10-56. E-mail: p3820@yandex.ru.

Гусева Анна Валентиновна, (Москва). Доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал ФГБУ "ЦНИИП Минстроя России" НИИТИАГ). Сфера научных интересов: региональное планирование, городское фермерство, градостроительство России и Японии, жилая архитектура Японии, экология и эстетика города. E-mail: aguseva@hse.ru.

Давидич Татьяна Феликсовна, (Харьков). Кандидат архитектуры, доцент кафедры основ архитектуры Харьковского национального университета строительства и архитектуры, автор более 70 публикаций, учебных пособий и четырех монографий (одна в соавторстве с Л.В. Качемцевой). Область научных интересов: теория и история архитектуры и искусства, литература, краеведение. Тел.: +38(066) 219-31-52. E-mail: t.f.davidich@gmail.com.

Качемцева Любовь Владимировна, (Харьков). Кандидат архитектуры, доцент кафедры основ архитектуры Харьковского национального университета строительства и архитектуры. Автор более 40 научных публикаций и одной монографии в соавторстве с Т.Ф. Давидич. Область научных интересов: теория и история архитектуры и искусства, литература, краеведение. Тел.: +38(066) 635-77-00. E-mail: kaf_oa.87@mail.ru.

Конышева Евгения Владимировна, (Челябинск). Кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения и культурологии Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Сфера научных интересов: история советской архитектуры; деятельность зарубежных архитекторов в СССР в 1920–1930-е годы, зарубежный архитектурно-градостроительный опыт тех лет, его восприятие и оценка в СССР. Общее количество научных публикаций – 40. Тел.: 8 (963) 078-57-46. E-mail: e_kon@mail.ru.

Красносельских Николай Валерьевич (Иваново). Генеральный директор ОАО «Ивановская домостроительная компания». Сфера научных интересов: модернизация предприятия крупнопанельного домостроения. Тел.: +7 (910) 686-46-69. E-mail: office@idsk.ru.

Кузнецов Андрей Николаевич, 1969 г.р. (Краснодарский край, г. Усть-Лабинск). Директор по производству ООО «Главстрой-Усть-Лабинск». Сфера научных интересов: модернизация производства строительных материалов (ячеистых бетонов). Тел.: +7 (86135) 4-19-92. E-mail: info@gsblock.ru.

Лазарев Виталий Владимирович, 1933 г.р. (Москва). Почетный член РААСН и МААМ, кандидат архитектуры, старший научный сотрудник, лауреат Государственной премии России и премий Совета министров СССР, Заслуженный архитектор России, академик МАЭИН, член-корреспондент «Сербско учено друштво». Патентообладатель. Основное направление деятельности: комплексное рассмотрение историко-культурных, этнокультурных и урбоэкологических проблем с использованием новейших технологий. Автор более 100 научных публикаций, включая монографии: «Архитектура общественных зданий», «Архитектура советского театра», «Национальное пространство» (издано в Словении); автор 60 проектов и построек в основном общественного назначения. Руководитель проекта «Концепция перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития». Тел.: 8 (499) 261-86-28.

Лазарева Ирина Владимировна (Москва). Доктор технических наук, старший научный сотрудник, академик МАЭИН, Почетный строитель РФ, начальник отдела «Территориальные основы градостроительства» ЦНИИП Минстроя России. Научное направление: территориальные основы градостроительства (проблема отмечена в Хельсинкском акте), предотвращение чрезвычайных ситуаций как ситуаций риска (RS). Автор монографий: «Восстановление нарушенных территорий для градостроительства» (1972), «Охрана территориальных ресурсов градостроительства» (1986), «URBI et ORBI: Пятое измерение города» (2006), «Национальное пространство» (2008). Автор ряда рекомендаций, в частности по разработке раздела ООС ТЭО строительства (реконструкции) автомобильных дорог общего пользования и более 200 публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. Первый патентообладатель в области градостроительства. Тел.: 8 (499) 131-39-10.

Махова Татьяна Анатольевна, (Архангельск). Кандидат химических наук, доцент кафедры композиционных материалов и строительной экологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова. Автор 22 научных публикаций. Научные интересы: химия вяжущих веществ. Тел.: 8 (8182) 41-28-34. E-mail: t.mahova@narfu.ru.

Мельникова Галина Леонидовна (Москва). Кандидат географических наук, доктор экономических наук. Область научных интересов: теория и практика пространственной дифференциации и интеграции населенных мест; процессы взаимодействия природных, экономических и социальных систем; принятие управленческих решений. Автор более 100 публикаций, в том числе монографии, включенной в фонды Библиотеки Британского музея и Библиотеки Конгресса США. Тел.: 8 (499) 147-97-81; 8 (499) 131-39-10.

Моисеева Светлана Борисовна (Москва). Почетный член РААСН, доктор архитектуры, Заслуженный архитектор России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал ФГБУ "ЦНИИП Минстроя России" НИИТИАГ). Научные интересы: проблемы современного села, архитектура общественных зданий, пилотное проектирование. Автор свыше 100 научных работ. Тел.: 8(495)965-02-55; 8(495)330-75-44. E-mail: niitag@yandex.ru; vetablank@yabdex.ru.

Морозова Марина Владимировна, (Архангельск). Аспирант, магистр по направлению «Строительство», ассистент кафедры композиционных материалов и строительной экологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова. Автор 8 научных публикаций. Научные интересы: композиционные вяжущие и бетоны. Тел.: 8 (8182) 21-61-00 (доб. 17-34), 8 (8182) 47-19-02. E-mail: morozova1289@gmail.com.

Нащокина Мария Владимировна (Москва). Доктор искусствоведения, член-корреспондент РААСН, Заслуженный архитектор РФ, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства. E-mail: n_maria53@mail.ru.

Невлютов Марат Раилевич, 1989 г.р. (Москва). Архитектор, научный сотрудник отдела проблем теории архитектуры Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал ФГБУ "ЦНИИП Минстроя России" НИИТИАГ), выпускник Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», Москва, Россия. Автор многочисленных публикаций в архитектурных изданиях, участник научных конференций и архитектурных конкурсов. Научные интересы: феноменологические концепции современной архитектуры, теория архитектуры, теория искусства, феноменология, постструктурализм. Тел.: 8(968)720-52-67. E-mail: mnevlyutov@gmail.com.

Никольский Андрей Андреевич, 1983 г.р. (Москва). Аспирант Государственного института искусствознания, член Ассоциации искусствоведов. Автор 5 опубликованных работ. Сфера научных интересов: история монументальной живописи эпохи Возрождения (Италия) и Нового времени (Россия, Западная Европа); неоклассицизм в русском и европейском искусстве первой половины XX века. Тел.: 8 (926) 127-96-36. E-mail: a.nik83@mail.ru.

Разгулова Анна Максимовна, (Москва). Архитектор, специалист, аспирант кафедры «Градостроительство» Московского архитектурного института (государственной академии). Сфера научных интересов: экология мегаполиса, гармонизация среды, природный комплекс Москвы. Автор 13 научных публикаций. Тел.: 8 (903) 260-11-85. E-mail: razgulova.anna@gmail.com.

Савельев Юрий Ростиславович, 1959 г.р. (Москва – Санкт-Петербург). Архитектор, кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств, советник РААСН, профессор МААМ, лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский», ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал ФГБУ "ЦНИИП Минстроя России" НИИТИАГ) РААСН и НИИ РАХ. Автор более 150 научных публикаций, в том числе семи монографий. Область научных интересов: история архитектуры и искусства историзма XIX – первой половины XX века. E-mail: art_1757@mail.ru.

Соколов Александр Михайлович, 1951 г.р. (Иваново). Доктор технических наук, зав. кафедрой автоматики и радиоэлектроники Ивановского государственного политехнического университета, доцент кафедры «Высоковольтные электроэнергетика, электротехника и электрофизика» Ивановского государственного энергетического университета, автор более 140 научных и методических трудов. Сфера научных интересов: электротехнологические процессы и установки в строительной и других отраслях народного хозяйства, техника высоких напряжений. Тел. +7(910) 686-46-69. E-mail: alex2010fn@yandex.ru

Федосов Сергей Викторович, 1953 г.р. (Иваново). Доктор технических наук, академик РААСН, президент Ивановского государственного политехнического университета, заведующий кафедрой «Техносферная безопасность», профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, автор более 320 научных и методических трудов. Сфера научных интересов: разработка новых машин и агрегатов, исследование процессов в строительной отрасли. Тел.: +7 (910) 686-46-69. E-mail: alex2010fn@yandex.ru; are@ivgpu.com; sam@vetf.lspu.ru.

Фролова Мария Аркадьевна, (Архангельск). Кандидат химических наук, доцент кафедры композиционных материалов и строительной экологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 41 научной публикации. Научные интересы: рациональное использование природных ресурсов. Тел.: 8 (8182) 41-28-34. E-mail: aizenmaria@gmail.com.

Чуй Яна Владимировна (Красноярск). Аспирантка кафедры «Градостроительство» Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, старший преподаватель. Автор 10 научных статей. Сфера научных интересов: открытые общественные пространства, социология градостроительства, взаимоотношение интересов на общественных территориях, градостроительство. Тел.: 8 (391) 206-29-20, +7 (983) 613-66-65. E-mail: yanachuy@mail.ru.